

Редколлегия:

Председатель Н. П. Николаев,
Председатель комитета
Государственной Думы
Федерального Собрания
Российской Федерации
по природным ресурсам,
собственности
и земельным отношениям

С. Гольдфарб,
(заместитель председателя),
д.и.н., профессор Иркутского
государственного университета,
член общественной палаты
г. Иркутска

А. Петров,
(ответственный секретарь),
помощник депутата
Государственной Думы РФ

А. Елизарьев,

Е. Ли,
исполнительный директор
сообщества краеведов

Ю. Зуляр,
д.и.н., профессор

Ю. Федоренко
эксперт сообщества краеведов

В. Шахеров,
д.и.н., профессор

М. Сенчурина,
к.п.н., доцент факультета
сервиса и рекламы
Иркутского государственного
университета

Редактор-составитель
С. И. Гольдфарб

Содержание

ЗАЛАРИНСКАЯ ИСТОРИЯ	
Игорь Алексич. Самая красивая деревня России	2
Андрей Зиминский, Минск, Белоруссия.	
Топонимика Хор-Тагнинского МО	15
Альбина Карповна Протацкая (Бровкина).	
Родословие Бровкиных	23
Памятник павшим в годы Великой Отечественной войны	33
Евгения Водопьянова.	
Как Сухарева открыли исконный промысел голендров	36
БРАТСКАЯ ИСТОРИЯ	
Заведующая музеем истории политической ссылки городского объединенного музея истории освоения Ангары	
М. В. Тулякова.	42
Первый музей в Братске	
Анатолий Викторович Федоров — основатель первого школьного музея в городе Братске	50
Л. В. Телешун.	
Герасимов Владимир Федорович	60
Е. П. Савицкая (Есипова), В. М. Семёнов, г. Братск.	
От тунгусов до чалдонов	67
Е. П. Савицкая.	
Краеведы Восточной Сибири: Нина Федоровна Жмурова	
Сибирь, Сибирь, горжусь, что я твой сын	73
Е. П. Савицкая.	
Листая времени страницы и думая о прежних днях...	
(История ссылки на острожный Брацк князя Юрия Долгорукова)	84
Е. П. Савицкая.	
Самоцветы краеведческого труда в Братске	94
ИРКУТСКАЯ ИСТОРИЯ	
В. Антоник.	
Историческая справка выставки «Проживание проездом: гостиничное дело в Иркутске (1860-е — 1919 гг.)»	99
А. И. Шинковой.	
Забайкальский период жизни Николая Васильевича Кирилова 1886—1896 годы. Часть 2. (Продолжение. Начало «Краевед Приангарья». № 1. 2017. С. 62 — 75)	115
Павлова Н. Д.	
Бурятия в православии	129
ОЛЬХОНСКАЯ ИСТОРИЯ	
Н. А. Король.	
Приольхонье. Хозяева тайги	139
ТУЛУНСКАЯ ИСТОРИЯ	
И. А. Буторина.	
Тайцы месторождения песчаника в Тулунском районе	152
ТАЙШЕТСКАЯ ИСТОРИЯ	
Г. Бульгин.	
Начало красного террора и репрессий (Безвозвратные потери мирного населения в зоне боевых действий Шиткинского фронта 1919—1920 гг.)	157
БАЙКАЛЬСКАЯ ИСТОРИЯ	
Альбина Ергина.	
История Соболной	168
ШЕЛЕХОВСКАЯ ИСТОРИЯ	
Т. Г. Михайлова.	
Поклонные кресты Шелеховского района	180
ИРКУТСКАЯ ИСТОРИЯ	
О. В. Борейко.	
Книжный дом издателя Геннадия Сапронова	183

ЗАЛАРИНСКАЯ
ИСТОРИЯ

Игорь Алексич

САМАЯ КРАСИВАЯ ДЕРЕВНЯ РОССИИ...

Здесь живут русские и буряты, украинцы и белорусы, татары и голландцы. Среди местных достопримечательностей — Черное море, Кавказ и Сахалин. А вокруг тайга, да не одна: здесь есть тайга Первая Иркутская и Вторая Иркутская, тайга Петербургская, тайга Семнадцатая и даже тайга Заводская. Все это — расположенная в предгорьях Саян Хор-Тагна — самая красивая деревня России. Звучит, словно какая-то сказка, правда? Тем не менее это самая что ни на есть настоящая быль.

Действительно, 30 июня состоялось торжественное подписание хартии о вступлении Хор-Тагны в ассоциацию «Самые красивые деревни России», которая является частью Федерации самых красивых деревень мира.

А началось все с того, что год назад, осенью 2018-го, по инициативе депутата Государственной Думы от Иркутской области, председателя Комитета по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям Николая Николаева и Сообщества краеведов Приангарья в Иркутской области и Республике Бурятия работала специальная экспедиция, в которую входили представитель Федерации самых красивых деревень мира и председатель Ассоциации самых красивых деревень Франции Жак Рагон и глава российской ассоциации Александр Мерзлов. Они побывали во многих сибирских селах и пришли к выводу, что наиболее высокими шансами стать участником ассоциации «Самые красивые деревни России» имеет Хор-Тагна Заларинского района.

Как отметил Жак Рагон, этот населенный пункт действительно имеет уникальные осо-

- Практически с самого начала моей работы в Иркутской области я задавался вопросом: как можно развивать регион, туристическую деятельность в частности, без ориентира на Байкал? - говорит депутат Госдумы РФ Николай Николаев. - И ответом на этот вопрос, как мне кажется, вполне может стать проект, реализуемый ассоциацией «Самые красивые деревни России», направленный на вовлечение местных жителей в процессы повышения привлекательности сельских территорий. И то, что сегодня Хор-Тагна стала первым населенным пунктом в Иркутской области, который вошел в эту ассоциацию, на мой взгляд, является вполне перспективным туристическим проектом с высоким потенциалом для развития. И примечательно, что одним из региональных партнеров ассоциации стало АНО «Сообщество краеведов Приангарья», которое стремится, чтобы жители Иркутской области лучше узнали свой край, ведь нам есть чем гордиться!

бенности и притягательность внешнюю и внутреннюю, а местное население бережно хранит свои традиции и сельский уклад жизни.

В итоге главе местной администрации Сергею Ненахову было предложено принять участие в проекте. После обсуждения с депутатами Хор-Тагнинского

Село в предгорьях Саян привольно раскинулось между речками Хоркой и Тагной.

муниципального образования соответствующая заявка от имени села была подана.

Членство в ассоциации «Самые красивые деревни России» предполагает участие в выставках, рекламу и продвижение села в СМИ, включение его в туристические каталоги, брошюры, альбомы, получение профессиональных консультаций и практических рекомендаций от ведущих экспертов, грантовую поддержку инициатив населения и многое другое.

— Тема туризма давно не давала мне покоя. Я всегда считал, что индустрия гостеприимства — это наше будущее, — отмечает глава администрации МО «Хор-Тагнинское» Сергей Ненахов. — Ко мне сюда приезжали и приезжают поохотиться и порыбачить инородные друзья и знакомые — и все уезжают довольные и впечатленные красотой наших мест и богатством природных даров. Регулярно приезжают гости и к другим местным жителям. Сюда ходят большой междугородный автобус и маршрутка из Иркутска, и они, как правило, накануне выходных и праздников бывают забиты под завязку.

Наши охота, рыбалка, грибы-ягоды, орехи и другие таежные дары манят сюда любителей

природы со всей области и из-за ее границ. Однако по-настоящему широкие массы про Хор-Тагну не слышали. И не услышали бы, наверное, никогда, если бы не проект «Самые красивые деревни России». Но теперь нашу «деревянную красавицу» станут продвигать ведущие российские туроператоры.

Готовясь принимать новых гостей, хор-тагнинцы усиленно отработывают таежные маршруты: пешие, на квадроциклах, снегоходах, лошадях. Их ожидают сразу три реки, полные рыбы: Хорка, Тагна и Ока. Рыбалка, охота и фотоохота сулят сказочные трофеи. Приезжие туристы смогут оценить величественную красоту Саян, посмотреть на субальпийские луга и искупаться в горных озерах, расположенных на двухкилометровой высоте, и даже добраться до знаменитого Аршана, преодолев 200-километровую горную тропу.

Есть на что полюбоваться и в самой Хор-Тагне. На въезде в деревню находится восьмиметровая стела, под которой гостей встречает двухметровый медведь — оригинальная скульптура, состоящая из металлического каркаса, обтянутого плетеной берестой.

Через оба русла Тагны перекинут изящ-

Глава администрации Сергей Ненахов и его любимое детище - 147-метровый подвесной мост.

ный подвесной мост длиной в 147 метров, а рядом с ним расположена «Святая Русь» — место отдыха, где летом вас ожидают качели и уютные беседки, а зимой — горка шириной 5-6 метров, спускающаяся с высокого берега прямо на лед Тагны (с нее катаются на шкурах диких зверей).

Здесь земля богата на родники, а местные жители тратят немало времени и сил, чтобы их внешнее убранство соответствовало красоте самих хрустальных источников, бьющих из подземного царства. Например, родник около школы окружает целое деревянное воинство — трехметровых богатырей школьники резали на уроках труда в течение целого года. Хватает здесь и других примеров искусной работы с деревом. Это и причудливые беседки, и резное кружево ставен и наличников, причем многие из них украсили дома в последние годы (одни сельчане их режут сами, а другие заказывают мастерам из соседней Моисеевки).

И это только самые свежие достопримечательности. Между тем деревня имеет богатую историю, о которой с удовольствием поведают в здешнем музее. Это одно из самых старых зданий Хор-Тагны. До недавнего времени в нем располагалась местная больница, ко-

Не довольствуясь наследием предков, местные жители преумножают красоту любимой Хор-Тагны.

торая была построена в 1911 году методом народной стройки, или, говоря языком тех лет, всем миром. А уже в наше время, после того как в селе появился современный фельдшерско-акушерский пункт, этот старинный дом сделали хранилищем местной истории. Заглянем, пожалуй, в него и мы с вами.

Откуда есть пошла земля Хор-Тангинская

Нынешняя «хозяйка хор-тангинской истории» — Нина Ивановна Белова. Более 20 лет она занимается составлением летописи села и его окрестностей.

Началось все с общения с Натальей Григорьевной Господченко, которая работала в местной школе краеведом и заместителем директора по учебно-воспитательной работе. Время от времени она просила Нину Ивановну перепечатать кое-какие краеведческие материалы, и со временем та увлеклась историей родного края. Она много беседовала со старожилами, обращалась в архивы, анализировала и систематизировала полученную информацию.

— В здешних краях русские люди впервые появились в начале XVIII века. Это были казаки, промышленные люди (лица, занимающиеся пушным промыслом) и крестьяне. Первоначально они продвигались с севера по рекам Ока, Тагна и другим, более мелким. А

позднее продвижение переселенцев происходило с юга — от Иркутска, — рассказывает Нина Белова. — Датой образования села Хор-Тагна считается 1892 год, но еще в конце XIV века здесь жили буряты. Со слов местных старожилов, жилища бурят (стоянки) располагались одна в соседней Черемшанке и еще четыре у нас в Хор-Тагне. Местонахождение двух этих стоянок официально подтверждено: о выявлении стоянок Хор-Тагна-1 и Хор-Тагна-2 сказано в уведомлении Центра по сохранению историко-культурного наследия № 74/97—а от 27.03.1997 года.

От Хорки до Сахалина

О проживании бурят свидетельствуют также многочисленные названия здешних мест — речек, гор, распадков, деревушек. Например, имя реки Хорки происходит от бурятского «хора», «хара», что означает «черная», «священная».

— А мой отец родился в расположенном неподалеку селе Георгиевском, — вспоминает Нина Ивановна. — Однако это название за-

Хор-Тагна представляет большой интерес для краеведов - как из Приангарья, так и из-за его пределов.

Бывшая земская больница - нынешний музей Хор-Тагны.

крепилось за этой деревней лишь в 1929 году — после появления школы: она располагалась в доме одного из раскулаченных местных жителей, которого звали Георгием. А до этого в ходу было бурятское название — Патархай. Его связывают с возвышенностью неподалеку, где буряты разделявали скот и оставляли потроха (дословно «патар» обозначает «потроха», а «хай» — «возвышенность»).

В Хор-Тагне и ее окрестностях хватает и русских названий, которые придумали для своей новой родины многочисленные переселенцы. Например, ближайший к деревне хребет Саян называется Яшкиной горой: свое название получил по имени поселившегося у подножия Якова Шерстова, вошедшего в местную историю еще и потому, что был первым местным производителем извести, обжигая ее здесь же, у подножия горы.

К первым же русским поселенцам восходят и такие топонимы, как Черное море, Кавказ и Сахалин.

Так, Черное море и Кавказ появились здесь благодаря некоему Антипину (его имя

и отчество история, к сожалению, не сохранила), поселившемуся в этих местах летом 1904 года. В далекую Сибирь его, выходца из донских казаков, сослали за драку. Здесь он начал с того, что совершил с одним из местных бурятов «делку века», не уступающую знаменитой покупке Манхэттена у индейцев за 24 доллара: Антипин выменял большой участок земли на... свое ружье.

В этом имении нашлось место и для озера, названного им Черным морем, и для Кавказа — так он именовал свою усадьбу. Эти имена сохранились до наших дней — только Кавказ превратился в современную Кавказскую улицу.

В том же 1904 году здесь появился еще один ссыльный — поселенец Митрошкин. На самом деле местом его исправления был назначен Сахалин, но в долгой дороге он заболел тифом и таким образом отбился от своего этапа. Лечился в Черемхове, а после выздоровления был направлен на поселение в Хор-Тагну. Место, присмотренное для жительства, Митрошкин, не мудрствуя лукаво,

Подвоз горючего на лесные деляны.

назвал Сахалином. «Место удобное, земля хорошая, мягкая, ключ рядом, вокруг вода, чем не Сахалин!» — объяснял он свой выбор названия.

От голендров до староверов

Впрочем, не стоит считать Хор-Тагну эдакой сибирской Австралией, населенной потомками каторжников и бурятских аборигенов. На самом деле наибольший вклад в освоении здешней территории внесли так называемые стольпинские переселенцы.

— Начиная с 1907 года русское правительство во главе с премьер-министром Столыпиным развернуло активную переселенческую политику, началось массовое переселение в Сибирь малоземельных и безземельных крестьян из европейской части России. В поисках земли и лучшей доли сюда ехали тысячи бедных крестьянских семей с Дона, Тверской, Вятской, Могилевской, Витебской и других губерний, — рассказывает Нина Белова. — Именно так здесь оказались и мои предки. Братья прабабки по отцу, Зилицкие, приехали сюда с Витебщины. А сама

прабабка, Фетинья Ивановна Морозова, присоединилась к ним после Первой мировой войны, в которой сложил голову ее муж. В далекую Сибирь она с тремя маленькими детьми на руках добиралась около года. Во время этой весьма не увеселительной поездки средний сын Антон умер от тифа. Двое других сыновей, Филипп (мой дед) и Семен, выросли на новой родине, занимались валкой леса и его сплавом до Зимы. Воевали в Великую Отечественную — Семен с нее не вернулся, сложив свою голову на Курской дуге.

Не обошлось в освоении здешних земель и без традиционных для Сибири первопроходцев-староверов. На начало XX века их здесь насчитывалось около 650 человек. И даже старообрядческий молитвенный дом здесь появился в 1911 году — на четыре года раньше православной Николаевской церкви, названной так во имя Николая Чудотворца. В этом доме велись службы на греческом языке, а собравшиеся на молитву крестились двумя перстами.

Попом у староверов был Евстафий Самсо-

Третий справа - поп-раскольник Евстафий Самсонович Сергеев.

нович Сергеев, в 1938 году репрессированный «за причастность к церкви». По достославной 58-й статье «тройка» УНКВД Иркутской области «впаяла» ему 10 лет лишения свободы.

Однако отсидка не вразумила упрямого и отчаянного раскольника. Вернувшись домой, он, не боясь доносов, продолжил свою проповедническую деятельность на дому: крестил детей, собирал единоверцев на молитву.

Большевики же к тому моменту сумели в рамках отдельно взятой Хор-Тагны положить конец церковному расколу, причем сделали это весьма своеобразным способом: пристроили к зданию православной церкви молебельный дом староверов и устроили в получившемся помещении склады и зернохранилище.

— Однако на тот момент в селе уже почти не осталось староверов. Большинство из них уехали в Усольский район, а оставшиеся не сумели сохранить в неприкосновенности свои традиции и образ жизни. Они ходят на клад-

бище с крашеными яйцами не в Родительский день, а на Троицу, причем хоронят и поминают своих единоверцев с утра до полудня. Вот, пожалуй, и все старообрядческие традиции, дожившие до сегодняшнего дня. В остальном это такие же жители деревни, как и остальные, — объясняет Нина Белова. — Впрочем, кое-что все-таки осталось. Например, в 2009 году один местный парень перестраивал свой дом и за внутренним оконным наличником нашел тайник, в котором сохранились листы из старинной Библии.

Местную национально-религиозную солянку великолепно дополняла мусульманская диаспора с Руси — так называли расположенную неподалеку деревушку основавшие ее татары из Уфимской губернии. В далекой Сибири они с гордостью говорили окружающим, что пришли сюда «с Руси».

И, наконец, в качестве вишенки на торте стоит вспомнить голендров, обитающих в соседних Пихтинске, Среднем и Дагнике —

Уже два десятка лет Нина Белова пишет летопись своей деревни.

деревнях, входивших как в Хор-Тагнинскую волость, так и в нынешнее Хор-Тагнинское МО.

Выходцы из Голландии, позднее они оказались в Германии, а затем в Польше, после раздела которой стали подданными Российской империи: с немецкими фамилиями, русскими и польскими именами и «хохляцким», как они его сами называют, языком.

Правда, само слово «голендры» появилось в хор-тагнинском обиходе в 90-х годах прошлого века. До этого их в селе всегда называли немцами (видимо, из-за фамилий — Людвиг, Зелент и т. п.) и отчего-то недолюбливали. Возможно, сказывались какие-то ассоциации с немецко-фашистскими захватчиками. К слову сказать, среди всех местных голендров был лишь один ветеран войны, остальные провели годы Великой Отечественной в трудовых лагерях. И если взрослые люди, как правило, держали это предубеждение при себе, то школьники гораздо

Один из первых хор-тагнинцев - Яков Шерстов с семьей...

... и его дом у подножия Яшкиной горы.

меньше стеснялись выражать свои чувства. Дело в том, что в том же Пихтинске была только начальная школа, а в последующие годы юным «немцам» приходилось продолжать образование в Хор-Тагне, бок о бок с ребятами других национальностей.

— Однако к 1980-м эта неприязнь утихла, — вспоминает Нина Белова. — Когда я сама училась в школе, у меня было много одноклассников-голендров, и к ним ко всем было абсолютно нормальное отношение. А их происхождение к тому времени стало скорее поводом для шуток, которые сами они охотно поддерживали. Например, помню, мой одноклассник Анатолий Людвиг после 9 Мая смеялся: «Вам-то хорошо, у вас праздник, а у нас флаги приспущены».

Сегодня голендры обитают не только в своих исконных деревнях. Например, Александр Людвиг живет в Хор-Тагне, где открыл цех переработки мяса, а его сестра вышла замуж за выходца из старообрядческой семьи.

Справка

Село Хор-Тагна образовано в 1892 году. Оно находится на окраине Заларинского района Иркутской области, в предгорьях Саян, на берегах двух рек — Хорки и Тагны, коим и обязано своим названием. От районного центра — поселка Залари — его отделяют 80 км, а от областного центра — 320 км. Географические координаты Хор-Тагны: 53° северной широты и 105° восточной долготы. Село протянулось с запада на восток вдоль берегов рек на 5 км.

По 1930 год Хор-Тагнинская волость входила в Тагнинский район, который был ликвидирован и включен в состав Заларинского района постановлением ВЦИК от 20.07.1930 года.

В селе насчитывается около 220 дворов, в которых проживает порядка 800-850 человек. Большинство из них русские. В настоящее время в Хор-Тагне нет ни одного промышленного предприятия. Имеются шко-

ла, детский дом, детский сад, амбулатория, межхозяйственный лесхоз, 5 частных магазинов и почтовое отделение.

С юга и запада Хор-Тагну окружают Саянские горы, имеющие высоту до 2500 м над уровнем моря. Местность имеет холмисто-равнинный рельеф со средними высотами 500-550 м над уровнем моря. Климат резко континентальный. Наибольшее количество осадков выпадает с апреля по ноябрь. Летом температура может подниматься до +40 градусов и выше, а зимой опускаться до -50.

Основная площадь Хор-Тагнинского МО покрыта сосново-лиственными борами. В лесах растут брусника, черника, голубика, земляника, а также много лекарственных трав, есть и редкие растения, занесенные в Красную книгу. Животный мир края богат и разнообразен. В окрестностях хватает и хищников (медведь, рысь, волк, соболь, лиса, горностай, колонок, россомаха), и парнокопытных (лось, олень, изюбр, косуля, кабарга, марал), и пушного зверя (бобер, норка, белка), и птиц (рябчик, тетерев, глухарь, утка, журавль, гусь, серая цапля, черный аист, куропатка,

вальдшнеп, сова, филин). В реках Хорке и Тагне водятся ленок, таймень, хариус, налим, елец, окунь, щука.

Хор-Танга, история новейшая неоконченная

По сути, вся современная история Хор-Тагны связана с «зеленым морем тайги». Заготовка древесины в этих краях началась в 1928 году, а в 1934—м был образован леспромхоз. Первые промышленные рубки леса стартовали на Левом Сараме, где были построены контора и бараки для заготовителей.

Валили круглый лес, подвозили его на лошадях к Оке, связывали в плоты и отправляли до Зимы. Постепенно здесь были построены не только бараки, но и обычные жилые дома — так и появилась на карте деревня Левый Сарам. В 1943 году контора леспромхоза была перенесена в Хор-Тагну. Особый размах лесозаготовки набрали в послевоенные годы, их ежегодные объемы составляли порядка полумиллиона кубометров.

— Отработанные лесосеки раньше сдавали

Дмитрий Пименов учит школьников столярничать и заботиться о своей родине.

«под грабли»: после вывоза срубленного леса сучки сгребали в кучи и сжигали, а остальной мелкий мусор собирали граблями. Так было даже в самые тяжелые военные и послевоенные годы. А зайдите на лесосеку сегодня: нынешние арендаторы относятся к лесу так варварски, словно находятся на вражеской оккупированной территории. И природа платит нам за это пожарами, небывалыми снегами и градами, неурожаями кедрового ореха и тому подобным, — говорит Александр Петрович Васиченко.

Тайги бывают разные

Вся его жизнь прошла в тайге. Он представитель целой династии лесников и лесничих. И его дед, Ефрем Петрович, и отец, Петр Ефремович, и оба брата, Николай и Федор, и племянник Николай — все были лесниками, а сын Петр — летчиком-наблюдателем Иркутской авиалесоохраны (сейчас уже находится на пенсии). Их родовая тайга «на один колот» носит гордое название — Петербургская.

— Колот — это промысловый инструмент, используемый при сборе кедрового ореха, деревянный молот больших размеров наподобие

гигантской киянки. Территория, которую можно обработать одной такой «киянкой» в первые две сентябрьские недели, пока длится заготовка орехов, и называется у нас «один колот». Были и гораздо большие участки — «на три колота», «на десять колотов», — объясняет Александр Петрович. — Каждую осень мы легко добывали по тонне ореха. В советские годы можно было купить мотоцикл «Урал» или просто положить на сберкнижку 1,5-2 тысячи рублей, притом что килограмм принимали за 1 рубль 30 копеек. Один только хор-тагнинский участок заготавливал порядка 200 тонн. На заготовки — так же, как и на охоту — люди приезжали со всей страны. Для этого специально брали отпуска. Так и появились у нас эти тайги (участки): Первая Иркутская, Вторая Иркутская, Балаганская, Семнадцатая (колхоз имени XVII съезда КПСС), Заводская (зларинский механический завод), Кузьмина, Бровкина (фамилии добытчиков).

Казалось, что лес и его дары здесь не закончатся никогда, но вместо этого вдруг неожиданно закончился леспромхоз. Его

закрыли еще в советское время — в 1986 году, после чего довольно быстро умерли 17 окрестных «ведомственных» деревень. Многие их жители разъехались кто куда, а практически все оставшиеся перебрались в Хор-Тагну. И тайга продолжала щедро делиться с ними своими богатствами, помогая пережить нелегкие перестроечные и первые «капиталистические» годы, ведь в Хор-Тагне к концу столетия осталось лишь одно «градообразующее предприятие» — местный детский дом (сейчас — Центр помощи детям).

В те годы здесь жило около сотни детей, и с ними работало примерно такое же количество педагогического и обслуживающего персонала — все они получали какую-никакую, но регулярную зарплату из федерального бюджета.

— По сути, в магазинах мы покупаем чай, сахар, соль, муку, растительное масло и табак, все остальное у нас свое. Это «дикие» мясо и рыба, грибы, ягоды, орехи плюс урожай с огородов и скотина, — говорит Александр Васиченко.

Домой — туда, где счастье и покой

Действительно, к началу 2000-х в Хор-Тагне остались только те, кто уже не мыслил своей жизни в городе, без тайги вокруг. К слову, тогда же в родную деревню вернулись и многие из тех, кто когда-то уехал отсюда в поисках городского счастья. Один из таких вернувшихся — нынешний глава администрации Сергей Ненахов, родившийся в соседнем селе Таежном и окончивший школу-десятилетку в Хор-Тагне.

— После лесотехникума я почти десять лет отработал в Усть-Куте начальником верхнего склада лесозаготовок, — вспоминает он. — Там родились дети, и во многом именно из-за них и вернулся в 1997 году на свою малую родину. В городах — и Усть-Кут не исключение — как эпидемия распространялись пьянство, наркомания, деструктивные секты и прочая грязь. А здесь — тишина и спокойствие, словно специально созданные для нормального

воспитания детей. К тому же сам я заядлый охотник и рыбак. Вернувшись сюда, устроился начальником Хор-Тагнинского охотучастка Присяянского коопзверопромхоза. В моем подчинении было 14 штатных охотников, за каждым из которых были закреплены свои участки тайги, плюс 30-35 любителей. В основном они брали лицензии на белку и соболя. Все добытое должны были сдавать государству, но по факту я закрывал глаза на то, что часть добычи они продавали перекупщикам по более высоким ценам — людям надо было на что-то кормить свои семьи. Потом я ушел в охотнадзор, где отработал 4 года, потом еще 4 года в лесничестве — до 2012 года, когда решил баллотироваться на должность главы здешней администрации.

Еще один из тех, кто вернулся, — Дмитрий Пименов. Ну, ему, как говорится, сам Бог велел, ведь Дмитрий является правнуком одновременно двух местных «людей-легенд»: Якова Шерстова, в честь которого названа Яшкина гора, и попа-раскольника Евстафия Сергеева. Однажды, находясь в тайге, он поспорил с другом, что жизнь может быть

Тот самый колот, которым в Хор-Тагне мерили тайги.

гораздо лучше, чем здесь и сейчас, — и уехал в город. Занимался строительством (одно время на него работало сразу пять бригад), купил квартиру, женился, у него родился сын. Но так и не найдя счастья, решил вернуться туда, куда звала душа, тоскующая по тайге и родной деревне. Тогда ему было 36 лет.

Тридцать шесть моих друзей мне дали мир понять духовный,

Слезами наших матерей, бокал из-под вина наполнив.

Не в силах больше я смотреть на все, что в мире происходит,

Ведь так все может умереть, когда духовный мир уходит.

Написав эти строчки, Дмитрий вернулся в Хор-Тагну. А вернувшись, устроился в местную школу учителем-технологом, или, говоря по старинке, трудовиком. Кстати, именно под

его руководством ученики облагораживали школьный родник, вырезая для этого деревянные богатырей.

— Учу детей столярному делу, учу создавать что-то новое, учу заботиться о том, что нам дано свыше. Например, те, кто работал, украшая наш родник, никогда не испоганят мусором святую ключевую воду. А глядя на них и остальные подтянутся, — уверен Дмитрий.

Своей очереди ждут другие ключи и родники — только на территории села их насчитывается чуть ли не около десятка. И родниками Дмитрий ограничиваться не намерен. Он считает, что в его селе все должно быть красивым, а значит работы хватит надолго. А со временем подумывает вернуть Хор-Тагне и место для общения с Богом. Правда, не говорит, что это будет: православная церковь или молитвенный дом старообрядцев. Бог подскажет, уверен Дмитрий Пименов.

Андрей Зиминский, Минск, Белоруссия

ТОПОНИМИКА ХОР-ТАГНИНСКОГО МО

Топонимика — наука о географических названиях — всегда загадочна и интересна. Если происхождение некоторых названий понятно каждому, то другие вызывают множество вопросов. Особенно, когда происходят они из языков народов, ныне исчезнувших из данного региона или вообще с лица Земли. До прихода русских основным населением Заларинского района были буряты. Поэтому и значительная часть топонимов района происходит из бурятского языка. В центральных и северных частях района среди названий населенных пунктов (ойконимов) преобладают русские отыменные/отфамильные названия, которые обычно давались по имени/фамилии первого жителя, в годы Столыпинской аграрной реформы — также по фамилии «инженера» — человека, нарезавшего и измерявшего участки для будущих переселенцев. Однако и там доля населенных пунктов с нерусскими названиями довольно значительна, что уж говорить про названия рек (гидронимы) и урочищ.

Хор-Тагнинское муниципальное образование расположено на таежном юге Заларинского района, в предгорьях Восточного Саяна, на границе с Республикой Бурятия. Здесь среди гидронимов, оронимов (названия гор) и иных топонимов бурятские названия — преобладающие. Однако кроме них здесь присутствуют также топонимы, объяснение которым можно найти в других языках народов России. В Окинском районе Бурятии, граничащем с Заларинским, проживает тюркский народ сойоты, в западной части Восточного Саяна — тувинцы, хакасы, тофалары. С этим связано наличие

на территории Хор-Тагнинского муниципального образования и Заларинского района в целом тюркоязычных топонимов. Также предполагается, что именно тюрки были домонгольским населением этих мест. Кроме того, здесь встречаются и топонимы предположительно эвенкийского происхождения, хотя основной ареал проживания эвенков находится значительно севернее. Также на территории муниципального образования можно найти и труднообъяснимые названия, вероятно, происходящие из самодийских или енисейских языков — языков ныне исчезнувших народов, которые также когда-то проживали на данной территории. Опираясь на вышеизложенное, попытаемся объяснить топоним Хор-Тагна и другие названия Хор-Тагнинского муниципального образования. В работе использованы материалы публикаций топонимистов Станислава Гурулева, Геннадия Бутакова и Матвея Мельхеева, директора Заларинского краеведческого музея Галины Макогон, а также данные, предоставленные ею и топонимистом-любителем Игорем Фефеловым (известный иркутский орнитолог).

Происхождение названия Хор-Тагна

Село Хор-Тагна расположено в месте слияния рек Хор-Тагна и Тагна. Первую часть названия села и реки Станислав Гурулев связывал с бур. «хоор» — «два» (диал., обычно звучит как «хоер»)[1]. В таком случае, Хор-Тагна можно перевести как «вторая Тагна», сравн. название деревни Хор-Бутырина в соседнем с Хор-Тагнинским Черемшанском муниципальном образовании. Менее вероятна связь с бур. «хара» — «черный». Гидроним Тагна встречается также в Тулунском районе. Существует версия, что он образован от названия бурятского тагнитского рода, перекочевавшего в эти места из района Тункинской котловины (ныне Тункинский

район, Бурятия). Об этом же свидетельствуют и документы, согласно которым именно представители этого рода проживали в районе Хор-Тагны в начале XX века, когда сюда приехали стольпинские переселенцы, основавшие село. По другой версии, название Тагна является бурятским искажением тувинского слова «таңды» — «высокая гора», «высокогорная тайга». Во времена существования Танну-Тувинской народной Республики (образована в 1921 году, в 1926 году название Танну-Тува сменилось на Тувинская Народная Республика) (тувинское название «Таңды Тыва») буряты называли ее «Тагна Урианхай», а монголы — «Тагна Урианхай» («урианхай» — название древнего монгольского рода, также этим словом называли и тувинцев). Возможно, и название Тагна является бурятским искажением тувинского слова либо просто бурятским обозначением тувинцев места, где они жили. Станислав Гурюлев объяснял данный топоним иначе: от тюркского «таг» — «гора», «-на» — суффикс[1]. Истоки рек с названием Тагна и вправду находятся в горах. Кроме того, на ряде топографических карт отмечена форма Танга, что может свидетельствовать об эвенкийском происхождении названия. Эвенк. «таҗа» может переводиться как «кость (побелевшая от времени)»; «тощій», «худой», «сухой»; «осетр». На наш взгляд, каждая из этих версий может иметь право на существование.

Топонимика Хор-Тагнинского муниципального образования

* Адунай-Жалга, Дунда-Адун-Жалга, Дэдэ-Адун-Жалга, Додо-Адун-Жалга (гидронимы) - элемент «адун», вероятно, от бур. «адуун» — «табун скота» и «жалга» — «падь», «лощина», т. е. Адун-Жалга означает «табунная падь». «Доодо» с бурятского «нижний», «дунда» — «средний», «дээдэ» — «верхний».

* Ангаш (река) — вероятно, связано с эвенк. «аҗа» — «пасть зверя», «щель», «-ш», по-видимому, сокращение суффикса «-ша», который является диалектным вариантом собирательного суффикса «-са».

* Антай(ка) (протока р. Оки) — от бур. «ан» — «зверь», «антай» — «полный зверей и птиц, изобилующий дичью».

* Арзома (река) — по мнению Игоря Фефелова, происходит от бур. «ара» — «задний» или «северный» и «зама» — «путь», «дорога», то есть «задняя или северная дорога». При этом, возможно, это самодийский топоним с топоформатом «ма» — «вода».

* Балда (гора) — Станислав Гурюлев объяснял данный топоним от прозвища Балда[1]. Однако в данном случае важно учесть, что слово «балда» происходит от тюркского «балта» — «топор». По-видимому, именно это слово лежит в основе топонима. Слово «балда» имеет также значение «шишка, нарост на дереве», «утолщение». Родственным является бур. «балдайха» — «становиться толстым», «толстеть», «тучнеть». В ряде диалектов русского языка «балда» значит также «голова», «башка».

* Бахвалово (исчезнувший населенный пункт) — отфамильное.

* Башкан (хребет) - вероятно, связано с тюркским «баш» (сойот., тоф. «баъш») — «голова», также стоит отметить тюрк. «башка» (тув., алт. «башка», сойот. «баъшка», тоф. «баъшҗа») — «другой», иной», «прочий», также «находящийся порознь», «изолированный», «разобщенный», «отдельный», «раздельный».

* Бомы (исч. заимка) — название происходит, вероятно, от тюркского «боом» — «обрыв», «речной откос», «прижим». Менее вероятна связь со словом «боны» — «загрязнения из плавучих бревен, плотов, металлических сетей, защищающие вход в гавань».

* Буректа (река) — Геннадий Бутаков предполагал, что топоним может быть род-

ственным топониму Бугарикта и происходить от эвенк. «бугар» — «новая гарь», «выгоревший лес»[2]. Связь с бур. «буураха» — «спадать», «убывать», «убавляться (о воде)» в данном случае маловероятна.

* Бурхан-Турта (река) — «Бурхан» в переводе с бурятского «Бог», «Будда», также этим словом иногда называются буддистские идолы, а также священные места. «Турта», по мнению Игоря Фефелова, скорее всего, происходит от западнобурятского «тура» — «дом» и суффикса обладания «-та» или от названия бурятского рода тэртэ.

* Буту-Жалга (река) — по мнению Станислава Гурулева, от бур. «бүтүү» — «закрытый», «глухой»[1]. Менее вероятно по фонетическим причинам связь с бур. «бута» — «кочка», хотя трактовка «кочковая падь» хорошо подходит по смыслу.

* Бухулдэй (река) — значение этого и многочисленных схожих топонимов определил Геннадий Бутаков. По его мнению, название переводится с тюркских языков как «мудрый (одна из ипостасей божества) пришел». В татарском языке по подобной схеме до сих пор образуются имена. Объяснение от бур. «боохолдой» — «домовой», «дух», «черт» является вторичным [3].

* Вердигуль (река) — данный топоним очень сильно искажен, и определить его происхождение крайне трудно. Возможно, первоначально он назывался «бээрэтэ гол» (от бур. «бээрэхэ» — «зябнуть», «мерзнуть»). Однако это только гипотеза. Скорее всего, топоним происходит из енисейских языков (например, аринского), где «kul'» может означать «вода».

* Воентуй (река) — несмотря на созвучие со словом «война», «военный», топоним, скорее всего, является искаженным бурятским. Звука «в» в бурятском языке как такового нет, при этом суффикс «-туй» (видоизм. «-тай»), очевидно, бурятский. Бур. «баян» означает «богатый», «богат-

ство», «баянтай» — «имеющий богатства», «богатая местность».

* Гангай (протока р. Оки) — от бур. «ганга» — «яр», «овраг», «рытвина», «ганг» — «трещина», «щель» (по И. Фефелову).

* Гихей (хребет, река) — Игорь Фефелов связывает данное название с бур. «гахай» — «свинья», «кабан».

* Гольцовая (река) — возможно, от названия рыбы голец или от термина голец — оголенная скалистая вершина, окруженная щебневым шлейфом, поднимающаяся выше границы лесной растительности и зоны альпийских лугов. А может, от Гольцы (оголенные горы)?

* Гуник (река) — по мнению Станислава Гурулева, название происходит от бур. «гуниг» — «печаль», «грусть», «тоска», «уныние»; «грустный», «печальный», «полный тоски»[1]. При этом не исключена связь с бур. «гүн» — «глубина», «глубокий».

* Гунэугуй-Жалга (гидроним) — возможно, от бур. «гүн» — «глубокий» и «уһатай» — «водный», т. е. «глубоководная лощина». По мнению Игоря Фефелова, название могло иметь первоначальную форму «Гунзугуй», и происходит оно в таком случае от бур. «гүн зууга» — «глубокие оросительные каналы», «Гунзуугай-Жалга» — «падь, где есть глубокие оросительные каналы».

* Дабан-Жалга (река) — от бур. «дабан» — «перевал» и «жалга» — «падь», т. е. «перевальная падь».

* Далдарма (река) — Игорь Фефелов не исключает, что название происходит от названия бурятского женского имени Долгорма. Станислав Гурулев, однако, производил это название от эвенк. «далда-» — «укрыть», либо от эвенк. «далды» — «вкусный», «сладкий», «-р» и «-ма» — суффиксы. Не исключено и самодийское происхождение топонима.

* Драмсатай-Сала (река) — «һалаа» в переводе с бур. «развилка», «рукав реки».

Тогда, по мнению Игоря Фефелова, все название означает «рукав реки, где что-то придавливают или нагружают». «Дарама» в переводе с бур. «тяжесть», «-са» — суффикс действия (отглагольный суффикс места). По другой версии, первоначально название звучало как «Дарсатай-Сала», в таком случае первая его часть объясняется бур. «дарса» — «густой труднопроходимый лес, нагроможденный валежником и порослью»[4].

* Ехэ-Жарбагай, Хахюр-Жарбагай (гидронимы) — «хахюр», вероятно, от бур. «хасуур» — «ель», т. е. «еловый», «ехэ» в переводе с бур. «большой». Название Жарбагай, скорее всего, происходит от бур. «жарбагай» — «ветренный», «легкомысленный». Менее вероятна связь с бур. «жарбагар» — «вертлявый» или «зарбагар» — «широко раскрытый» (о рте, но в переносном смысле часто употребляется и по отношению к рельефу).

* Жарбай(ка) (протока р. Оки) — по мнению Игоря Фефелова, не исключена связь с бур. «жэрбэгэр» — «ровный».

* Жежем (гидронимы) — возможно, эти названия — искаженное бур. «жэжэ» — «маленький», «крошечный», «мелкий». Такого же мнения придерживался и Станислав Гурулев[1].

* Замостечье, Новины, Дахны, Туусине (исч. хутор) — поселения образованы в 1911-1913 гг. переселенцами из Вольнской и Гродненской губернии. Данные названия представляют собой названия немецких колоний близ реки Западный Буг. Их основатели — голендры — этническая группа немцев, предположительно, близкая к голландцам. Ныне исчезнувшие, эти колонии относились к территории Белоруссии и Украины, потом Польши. Исконное название «Самостечье» в этих краях фонетически видоизменилось в «Замостечье». Позже названия, принесенные немцами, были изменены под влиянием идеологии на

Пихтинский, Среднепихтинский, Дагник. Хутор Туусине утрачен как поселение[5]. Название Дахны (Дагник), возможно, связано с нем. «Dach» и польск. «dach» — «крыша» (сравн. белор. и укр. «дах»). При этом Станислав Гурулев производил его от тюрк. «даг» — «гора», «горный хребет».

* Зунтей(ка) (река) — вероятно, от бур. «зуун» — «лето», «зуунтай» — «летний» или от бур. «зүүн» — «восточный».

* Зурхэн-Сарьдаг (гора) — название объяснено Станиславом Гурулевым: от монг. «зүрх(эн)» — «гора с овальной заостренной вершиной» и монг. «сарьдаг», бур. «һарьдаг» — «голец», «безлесная горная вершина»[1].

* Зэйгэн, Бага-Зэйгэн, Нарин-Зэйгэн (реки) — в статье «Что в имени тебе моем?» название «зэйгэн» («зэгэн») объясняется следующим образом: «от бурятского «зэгэ» — «сытная», «дающая вволю насытиться»». Это объясняется тем, что «места, где протекают ручьи, являются территориями коллективной охоты бурят на диких зверей»[5]. Эта версия вполне может быть верной, но существуют и другие. Например, данное название может происходить от бур. «сэгээн» — «голубой». Прилагательное «бага» означает «малый», «нарин» — «узкий». По мнению Станислава Гурулева, название связано с бур. «зээгэн» — «росомаха»[1].

* Зэйрдэгшэн (река) — по мнению Игоря Фефелова, может быть связано с бур. «һарьдаг» — «голец» и «дээшэн» — «подъем». Гольцы в этой местности действительно есть, но не в непосредственной близости от водотока, а на расстоянии около 2-х километров. Более вероятен другой вариант: от бур. «зээрдэгшэн» — «рыжий».

* Илуй (река) — по некоторым данным, название происходит от монг. «илүү» — «лишний», «ненужный» (например, не имеющий хозяйственного значения), однако довольно затруднительно привязать данный термин к географическому объекту. Воз-

можно, это название родственно тюркскому «ылай», что означает «мутный».

* Ирен (гора) — возможно, связано с бур. «ерэ(н)» — «девьянство», также «бесчисленное множество». Также топоним может быть образован от бур. «ерэхэ» — «приходить», «приезжать». Не исключена и связь с эвенк. «ирэ» «дикий олень». А вот связь с эвенк. «иринэ» — «точило» в данном случае менее вероятна, хотя и не исключена, как и с хак. «ирен» — «мужчина», «мужской».

* Катедан (река, падь) — по мнению Игоря Фефелова, название, скорей всего, происходит от искаженного бур. «хатаха» — «высыхать», «пересыхать» и «уһан» — «вода».

* Котылгей (река) — по мнению Игоря Фефелова, может происходить от бур. «хотолхо» — «загонять скот в стойло» или от «хотойлохо» — «изгибать», «наклонять», или же от «хэлтэгы» — «наклонный», «кривой» (сравн. Колтыгей).

* Курдук (гора) — возможно, от бур. «хүрдэг» — «ястреб-тетеревятник». При этом надо учитывать схожие тюркские слова, а именно: сойот. «кур» — «пояс», «курлыг» — «имеющий пояс или кушак, подпоясанный», тув. «кур» — «пояс», «ремень»; «стена двора (например, скотного)»; «нетронутый», «целинный», а также тув. «кыр» — «грань», «горный хребет», алт. «кыр» — «гора», «выступ», сойот. «кыр» — «скоблить». Вторая часть названия, в таком случае, является видоизмененным тюркским суффиксом обладания. Не исключена связь с русск. «курдюк» — «жировое отложение в задней части туловища, у хвоста, у курдючных овец», которое, в свою очередь, было заимствовано из тюркских языков.

* Куркавка (река) — Игорь Фефелов предполагает, что это название, возможно, русифицированное бурятское и происходит от слова «хурх» — «ловушка на соболя».

* Курлуй (урочище) — возможно, от

бур. «хурлаха» — «оставлять до следующего года как запас». Вероятно, буряты делали здесь запасы продукции.

* Мономер (падь) — по мнению Игоря Фефелова, название может происходить от бур. «манаха» — «стеречь», «караулить», или «манарха» — «затуманиваться» + «-мэр» — отглагольный суффикс с возможностью или свойством, или «-мар» — отглагольный суффикс с результатом действия. В таком случае топоним Мономер может происходить от бур. «манамэр» — «место, где можно стеречь» или «манарамар» — «способный покрываться туманом».

* Моружин (река) — по фонетическим причинам можно предположить связь с бур. «моришон» — «конюх», однако в таком случае смысловая нагрузка остается не до конца ясной.

* Мухутай (река) — вариантов происхождения этого названия довольно много, например, от бур. «муухай» — «грязный», «запачканный», «поганный», от бур. «мүхэхэ» — «изнуряться», «улавать», менее вероятна, хотя и не исключена, связь с бур. словами «мүнгэтэй» — «серебряный», «могойтой» — «змеиный», «мойһотой» — «черемуховый».

* Патархай (исчезнувший населенный пункт, официальное название было Георгиевский) — по словам местной жительницы, название Патархай происходит от названия места, где буряты, разделявая скот, оставляли потроха (по-бурятски «потроха» — «пооторхо», слово заимствовано из русского). Это, конечно же, типичный образец народной (или ложной) этимологии. Но данный топоним действительно является бурятской интерпретацией русского названия. Бурятское «паатархай» — это адаптированное русское слово «батрак». Для сравнения: «каторжник» по-бурятски звучит как «хаатаршан», «варнак» — «барнаг».

* Под Дабаном (урочище) — в основе названия лежит бур. «дабаан» «горный

перевал», «крутой подъем». Слово находит соответствие в тюркских (например, тув., якут. «дабаан») и тунгусо-маньчжурских (эвенк. «даван») языках[6].

* Правый Сарам (опустевший населенный пункт, деревня Левый Сарам на другом берегу Оки в Зиминском районе) — в переводе с бур. «сарам» «заболоченная поляна». Однако, по мнению Геннадия Бутакова, название этих населенных пунктов происходит от хак. «сайрам» — «мелкое место на реке», «перекат». В этом месте на Оке действительно расположены перекаты[3].

* Русь (заимка лесника, ранее — деревня) — по одной из версий, местные жители — переселенцы из Уфимской губернии, татары или тептяри, говорили о себе: «Бэз кильдег Русьтан», что означает «Мы пришли с Руси». Русью они называли европейскую часть России[5]. Существует предположение, что название имеет отношение к якут. «өрүс» — «река». Однако против этой версии говорят следующие факты: во-первых, речка Бухудэй, протекающая возле деревни, слишком маленькая, чтобы ее назвали просто «река» (так обычно называли крупные реки, для меньших по размеру речек у якутов использовалось слово «үрех» («юрях»)). Во-вторых, называется она Бухудэй, а не Арыс. Так что название населенного пункта связано непосредственно со словом Русь, и общепринятая версия верна.

* Додо-Сайрта, Дэдэ-Сайрта (реки) — от бур. «сайр» — «сухое русло», «доодо» — «нижний», «дэдэ» — «верхний».

* Сахир (гора) — название объяснено Станиславом Гурулевым и происходит от бур. «сахир» — «белесый», «бледный»[1].

* Сачки (исч. нас. пункты Окинские Сачки, Шерагул-Сачки) — есть сведения, что название Сачки взято переселенцами для обозначения населенного пункта на карте[5]. По мнению Игоря Фефелова, термин «сачки» — искаженное бурятское «саашха» — «с той стороны», «с противоположной

стороны от чего-либо». Станислав Гурулев считал название отфамильным[1]. В этом месте река Ока делает сачки, излучины.

* Сортэ (гидронимы) — возможно, связано с бур. «соор» («суур») — «дудка», «стрела (стебель трубчатых растений)». Такие дудки часто изготавливались из репейника. От этого растения, возможно, и произошел топоним Сортэ (сравн. Сорты в Троицком МО Заларинского района и Сурта в Осинском районе). Не исключена связь с бур. «соорохо» — «продырявливаться». Также название могло произойти от географического термина «сор» — «мелководный залив», который происходит из хантыйского языка, однако широко используется тюрками и бурятами. В Ханты-Мансийском Автономном округе можно встретить топоним Сортым, который происходит от хант. «сорт» — «щука». Станислав Гурулев связывал название с этнонимом сарты, которым буряты называли выходцев из Средней Азии[1].

* Сосюрты (река) — вероятнее всего, название происходит от бурятского «сахюур» — «кремень».

* Танкаса (река) — по словам И. Фефелова, топоним образован, скорее всего, от бурятского «танаха» «отрезать», «укорачивать» или «тангайха» — «быть сраженным замертво», не исключает и связи с «тангариг» — «клятва», «обет». Суффикс существительного «-са-» в бурятском языке многозначный, могущий означать или исполнителя действия, или процесс, или результат, или совершившееся действие. Однако нельзя исключать, что название это добурятское. Возможно, оно происходит из языка кетов и переводится как «тѣнтусь» — «каменный», «каменистый». Более убедительно звучит версия Станислава Гурулева: от эвенк. «таа҆҅кии» — «заводь», «старнца», «-са» — суффикс, имеющий собирательное значение[1].

* Тобогор-Жалга (река) — от бур. «тобогор» — «выдающийся», «выступающий»

(над поверхностью), т. е. «выступающая над поверхностью падь».

* Улясота, Дэдэ-Улясота (реки) — от бур. «уляһатай» — «осиновый», «дэдэдэ» — «верхний». Такое же объяснение давал Геннадий Бутаков[3].

* Уршаты(й) (исчезнувший населенный пункт) — по мнению Игоря Фефелова, данный топоним происходит от бур. «уружатай» — «место спуска». Возможно, это название связано с местом спуска к берегу реки Оки. По мнению Станислава Гурулева, в основе топонима лежит бур. «урша» — «течь, протекать», «плавать»[1].

* Ухагшан, Ухагшин (реки) — от бур. «ухаагшан» — «каурий», «светло-каштановый». Такую же версию высказывали Игорь Фефелов, Станислав Гурулев[1].

* Харагун (название ряда рек, ручьев) — один из самых распространенных бурятских топонимов, происходящий от бур. «хара» — «черный», вторая часть, по мнению матвея Мельхеева, происходит от бур. «уһан» — «вода»[6], Станислав Гурулев связывал ее с бур. «гүн» — «глубина»[1].

* Халярты (гидроним) — от бур. «халяр» — «черемша». Топоним неоднократно встречается в районе и за его пределами[5].

* Харикен (составная часть названия ряда гор) — вероятно, от бур. «хайр» — «галька», «щебень», «песчаная коса», «песчаник», «-хан» — уменьшительный суффикс. Возможно, на таких горах имеются выходы песчаных отложений[4]. Не исключена, хотя и маловероятна, связь с бур. «хайрхан» — «бедненький», «жалкий». Также стоит учитывать бур. «хари» — «чужой», «враждебный». Маловероятна в отношении этого топонима связь с эвенк. «харги» — «мелкий лес», «черт», «злой дух» и уменьшительным суффиксом «-кан».

* Хогот (гидроним) — от бур. «һогоон» — «самка изюбря», «маралуха», «һогоото» — «место, где водятся маралы» (изюбри),

или от названия травы хогон, сравн. Хогот в Баяндаевском районе (по М. Мельхееву)[6]. В целом топоним довольно распространен.

* Хорлоты, Хорлотей (название ряда урочищ) — от бур. «харлаха» — «чернеть», «темнеть». Это название произошло, возможно, от того, что зимой во льду окрестных водоемов часто образуются промоины[6].

* Хундэй (гидроним) — от бур. «хүнды» — «пустой», «полий», «пустое пространство», «пустота»; диал. «долина» (монг. «хөндий» — то же) или от бур. «хүндэ» — «тяжелый», также «честь», «достоинство», «почет», «уважение» (монг. «хүнд» — то же). Топоним распространен в области в форме Кундуй[6].

* Хусан-Жалга (река) — от бур. «хуһан жалга» — «березовая падь».

* Хэнигтэ (Ехэ-Хэнигтэ и Бага-Хэнигтэ — альтернативные названия рек Большая и Малая Зимовная) — несмотря на то, что в названиях присутствуют бурятские элементы «эхэ» — «большой» и «бага» — «малый», само название Хэнигтэ является добурятским и происходит от эвенк. «хэнектэ» — «название растения (корнеплода)», «название травы, которой лечат оленей от кашля».

* Шалот (урочище) — от бур. «шулуу» — «камень», «шулуута» — «каменистый». Данный топоним является довольно распространенным[5],[6].

* Шанагол (водоток) — от бур. «шанаа» — «скула», в переносном значении «излучина», «изгиб реки» и «гол» — «ручей»[5],[6].

* Шерагул (название ряда рек, ручьев) — один из самых распространенных бурятских топонимов, «шара гол» означает «желтый ручей»[6].

* Шэлэ (горный хребет) — возможно, от бур. «шэлэ» — «затылок». Хребет напоминает собою затылок.

* Эргейтэ-Ундэр (река) — вероятно, от бур. «эрэ» — «берег» и «үндэр» — «высокий».

Конечно, сейчас сложно что-либо однозначно утверждать, настаивать на достоверности той или иной версии. Многие из перечисленных выше топонимов были расшифрованы топонимистом Геннадием Бута-

ковым, однако он умер в 2016 году, не успев опубликовать свои материалы. Черновики его работ, к сожалению, пока недоступны для читателей. Надеемся, что когда-нибудь они увидят свет, и мы сможем узнать много нового и интересного о топонимике Иркутской области, в том числе Заларинского района, откуда он был родом.

Словари:

* Бурят-монгольско-русский словарь / Сост. К. М. Черемисов; Под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева. — М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1951.

* Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков (Comparative dictionary of Manchurian-Tungus languages). Материалы к этимологическому словарю. Издательство 'Наука'. Ленинградское отделение. Ленинград, 1975.

* Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.

* Рассадин В. И. Тофаларско-русский. Русско-тофаларский словарь. Иркутск, 1995.

* Рассадин В. И. Сойотско-бурятско-русский словарь. — Улан-Удэ, 2003.

* Хакасско-русский словарь. Субракова О. В. (около 22 тыс. слов) Новосибирск, «Наука», 2006.

* Тувинско-русский словарь. Сайты [вокабула.рф](http://voakabu.ru) и classes.ru.

* Алтайско-русский словарь. Сайт kalayda.ru.

Примечания:

* [1] Гурулев С. А. Географические названия Иркутской области: топонимический словарь. — Иркутск: Инст. географ. им. Сочавы В. Б, 2015. — 575 с.

* [2] Бутаков Г. М. Большая родня (Топонимы Качугского района) \ \ Земля Иркутская. — 2007. — № 1(32).

* [3] Бутаков Г. М. От А до Я по карте области \ \ Земля Иркутская. — 2008. — № 1(34).

* [4] Мельхеев М. Н. Топонимика Бурятии: История, система и происхождение географических названий. — Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1969. — 185 с.

* [5] Макогон Г. Н. «Что в имени тебе моем?» (Топонимы Заларинского района), 1996.

* [6] Мельхеев М. Н. Географические названия Восточной Сибири. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1995. — 320 с.

Материал подготовила
Альбина Карповна Протацкая
(Бровкина).
Село Семеновское, Заларинский район

РОДОСЛОВИЕ БРОВКИНЫХ

Самилия Бровкин появилась во времена царствования Петра I от прозвища «бровка» — длинные лохматые брови над глазами. Именно с такими бровями были мой отец, дед и прадед. Я отношусь к семейству Бровкиных по отцовской линии. Мой отец, Бровкин Карп Ефимович, был очень любознательным и интересным собеседником, с ранних лет интересовался стариной, расспрашивал о своих корнях у родителей, деда Павла Ульяновича и его двоюродного брата Гаврилы Кондратьевича. Их рассказы он даже записывал в блокнот и хранил до ухода в армию, но когда вернулся — его не нашел и очень жалел об этом.

К восьмидесяти годам Карп Ефимович стал задумываться о написании родословной, ему хотелось, чтобы его внуки и правнуки знали о своих предках, своих корнях. Он много рассказывал нам, своим детям, и оставил свои записи. Родословную отец составил, начиная с 1729 года, в этом году родился Бровкин Иван Гаврилович, в 1825 году он умер. Его жена Мария с 1735 г. р. умерла в 1815 году. У их сына Бровкина Петра Ивановича (1774—1825 гг.) и Екатерины Васильевны (1792—1875 гг.) было три сына: Филипп, 1820 г. р., Кондратий, 1817 г. р. и Ульян, 1812 г. р. (мой прапрадед). О Филиппе ничего не известно. Расскажу, что мне известно о Кондратии Петровиче. У него было два сына: Никифор, 1865 г. р. и Гаврила (1870—1954 гг.).

У Никифора Кондратьевича дочь Еф-

Бровкин Карп Ефимович. 16.01.1949, г.Тасырхай.

росинья (1895—1962 гг.) вышла замуж за Иванова Арсентия Сергеевича (1893—1968 гг.), у них было восемь детей: Степан (1918—1998 гг.), Василий (1920—1949 гг.), Прасковья, Анна, 1925 г. р., Артем, 1926 г. р., Изот, 1929 г. р., Зоя, 1936 г. р. (года смерти не известны). Старший Степан Арсентьевич с женой Анной Петровной жили с нами по соседству, у них было шесть детей: Геннадий, 1949 г. р., живет в Саянске; Николай, 1952 г. р., живет в родительском доме; Юрий, 1956 г. р. тоже живет в Хор-Тагне; Александр, 1958 г. р. живет в Зиминском районе; Леонид (1960—2004 гг.) и дочь Наталья, 1964 г. р.

У второго сына Кондратия Петровича — Гаврилы — было четыре сына: Андрей, Василий, Петр и Перфилий. Известно, что у Андрея Гавриловича была жена Киликея и дети: Павел, Доросида, Мотя, Леонид, Трофим. У Петра Гавриловича была жена Марфа и дети: Евдокия, 1930 г. р., Ульяна, 1933 г. р., Осип, 1938 г. р., Петр, 1946 г. р. Недавно нашла в Заларинском краеведческом музее в Книге Памяти запись, что Бровкины Петр Гаврилович, 1904 г. р. и Перфилий Гаврилович 1889 г. р. воевали и

имели награды «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Мой прапрадед Ульян Петрович (1812—1908 гг.), третий сын Петра Ивановича Бровкина, женат был на Елизавете Николаевне (1818—1906 гг.). Мне известна только судьба одного из младших сыновей, моего прадеда Павла Ульяновича (1860—1939 гг.) и прабабушки Анны Алексеевны (1865—1926 гг.). У них было пятеро детей: Лука (1885—1908 гг.), Ефим (1889—1938 гг.), Екатерина (1902—1970 гг.), Ефрем (1904 г. р.), Артемий (1908—1970 гг.). Павел Ульянович, как и его отец Ульян Петрович, жили в Витебской губернии Двинского уезда, в деревне Нитишки. А вот где жил его дед Петр Иванович, не знаю. Известно только, что он воевал в Отечественную войну 1812 года. Прадед Павел по природе своей был крестьянин, но поскольку земли имели слишком мало, то на ней управлялись женщины с детьми, а мужики со старшими сыновьями ездили на заработки — строить Петроград (ныне Санкт-Петербург). В середине первого десятилетия XX века началось массовое переселение в Сибирь из густонаселенных районов России (в те годы называли — Расаея). Железную дорогу до Байкала закончили строить в 1904 году. По Столыпинской реформе желающим переехать на жительство в Сибирь выдавали соответствующие документы и единовременное пособие. А чтобы знать, куда ехать, общество заранее отправляло ходоков-разведчиков, вернувшись, они рассказывали обществу о Сибири и местах, где им понравилось для жительства. Мой прадед Павел Ульянович Бровкин со своей семьей и многочисленными родственниками и односельчанами приехал в Сибирь в начале весны 1908 года. К тому времени его родители умерли, а родные братья и сестры остались на родине, поэтому о них ничего не известно. Новым местом жительства переселенцы избрали Иркутскую губернию,

Бровкин Милентий Ефимович, 1940-е годы.

Балаганский уезд, Хор-Тагнинскую волость с прилегающими деревушками (ныне Иркутская область, Заларинский район, село Хор-Тагна). В волости получали надел земли под усадьбу и огород, строили временное жилье, покупали скот, лошадей, распахивали вокруг деревни свободные земли под пашни, раскорчевывали лес, сеяли хлеб, лен, коноплю, картофель, овощи. Со временем строили дома, усадьбы. Мой прадед построил пятистенный дом, со своей семьей распахал и засеивал десять десятин пашни (двенадцать гектар). Через несколько лет он купил пароконную молотилку, а затем и пароконную жнейку. Работников прадед Павел не держал, работали своей семьей от зари до зари и жили обеспеченно. Так во время коллективизации он попал в разряд «кулаков». Прадед хоть и разделал свое хозяйство между старшими детьми (двумя сыновьями и дочерью, которые жили уже своими семьями), после чего они стали считаться середняками, но было уже поздно, так как он уже был зачислен в кулаки, а его младшего сына Артемия зачислили «кулацким сыном», потому что они

А. К. Протацкая на защите родословной в честь 90-летия района.

оставались жить в одном доме и хозяйство в одном дворе, две доли — отца и сына. В ту пору прадеду было 72 года, а его сыну 24 года. Павел Ульянович, прознав, что с уезда едут его раскулачивать, а еще и арестуют, вместе с сыном в ночь уехал в неизвестном направлении. А чекисты приехали через два дня и, не найдя их, раскулачили оставленное хозяйство. Был май 1932 года. Так закончилась у моего прадеда Павла Ульяновича крестьянская жизнь, которой он так жаждал, когда строил Петроград.

Последние годы жизни он прожил в Мальте с сыном Артемием. В Хор-Тагну он приезжал к детям и внукам. Построенный им дом Советская власть отдала под почту, а затем школе. Дом разделили на две квартиры, в нем жили учителя. Так в 1982 году одна из квартир досталась моей сестре Раисе как педагогу. Затем ей отдали весь дом. С 2010 года в этом доме (а ему уже больше ста лет!) живет старшая дочь Раисы — Анна (праправнучка Павла Ульяновича) с семьей. Итак, о детях Павла Ульяновича. Старший сын Лука Павлович (1885—1908 гг.) умер в возрасте 23 лет по неизвестной мне причине.

Второй сын Ефим Павлович (1889—1938 гг.) — мой дед, я расскажу о нем чуть позже. Дочь Павла Ульяновича — Екатерина Павловна (1902—1970 гг.) всю жизнь прожила в Хор-Тагне, была замужем за Никифором Агурьяновичем Бараненко (1900—1946 гг.). У них было пятеро детей: Екатерина, 1925 г. р., Анна, 1928 г. р., Ефимья, 1931 г. р., Степан, 1936 г. р., Павел, 1940 г. р. Об их судьбе я не знаю, известно только, что в живых уже никого нет. Помню из своего детства, как баба Катя Бараненчиха (так ее звали в деревне) запрягала в телегу свою корову и ездил на ней в магазин, заезжала к нам, к моей бабушке. Также ее корова выполняла всю работу коня.

Третий сын Ефрем Павлович, 1904 г. р., был женат на Ефимье, она умерла при родах в 1930 году. Вторая жена Ефросинья Матвеева умерла в 1935 году. С третьей женой Татьяной у Ефрема было двое сыновей: Геннадий, 1937 г. р. и Виктор, 1939 г. р. Жили они в доме, построенном рядом с родителями. Погиб Ефрем Павлович во время войны под Москвой в 1942 году.

Младший сын Артемий Павлович (1907—1970 гг.), уехав из Хор-Тагны с отцом в 1932 году, всю жизнь прожил в Мальте. Женат он был на Ирине Яковлевне Шерстовой, родной тете моей мамы, а т. к. Артемий Павлович приходился родным дядей моему отцу — мы являемся вдвойне родственниками, их дети моим родителям двоюродные братья и сестры с обеих сторон.

Дети Артемия Павловича и Ирины Яковлевны: Федор Артемьевич, 1930 г. р., живет в Иркутске, жена Александра Сергеевна, 1931 г. р., дети — Николай, 1951 г. р., Виктор, 1957 г. р., Радий, 1963 г. р. В общей сложности у Федора Артемьевича восемь внуков и четверо правнуков. Иван Артемьевич (1931—2006 гг.) жил в Санкт-Петербурге. Зинаида Артемьевна, 1933

г. р., живет в Ангарске. Вера Артемьевна, 1937 г. р., живет в Мегете Ангарского района. Галина Артемьевна, 1940 г. р., живет в Иркутске.

А теперь вернусь к своему деду Ефиму Павловичу. Женился он в 1912 году на Ирине Самсоновне Михайловой (1893—1973 гг.), переселенке из Витебской губернии, Даугавпилсского района, деревни Ринишки. Через восемь лет, в 1920 году, они купили дом через дорогу наискосок от родительского. Вот уже почти сто лет хранится у нас «документ» на покупку этого дома:

«Копия

№ 33 от 27.03.1918 г.

Из книги сделок и договоров Хор-Тагнинского Волостного комитета.

Я нижеподписавшийся гражданин Иркутской Губернии Балаганского Уезда Хор-Тагнинской волости того же села Павел Алексеевич Васильев даю настоящую купчую крепость между Витебской Губернией Лютинского Уезда Инстренской волости деревни Жейганово Петру Никифоровичу Клевцеву проживающему в селе Хор-Тагна в том, что я ему продал за восемьсот (800) рублей собственно мне принадлежащий дом с усадьбой, с надворными постройками, находящийся между постройками Евстигнея Васильева и Степана Пазухина. Деньги получил сполна, в том и подписуюсь.

Павел Васильев.

Подлинность верна

Росписи председателя и секретаря»

«1920 года 25 марта

Я нижеподписавшийся гражданин Витебской Губернии Лютинского Уезда Инстренской волости дер. Жейганово Петр Никифорович Клевцев упомянутое имущество в сей сделке собственно принадлежащее мне следующее: усадьба, два дома, один из них усадьба с изгородью, надворными постройками, восемь бревен леса,

Бровкин Павел Ульянович с внучкой Екатериной Ефимовной, 1928-1930 гг.

усадьба размером шириной от дороги 18 сажень от реки 12 сажень перепродал гражданину села Хор-Тагна Ефиму Павловичу Бровкину за цену не отделанный дом 1 500 руб., а остальные усадьба и постройки 2 000 руб. всего 3 500 руб., а в случае отказа сторон от продажи или покупки, то отказавшая сторона платит неустой 1 000 руб. при настоящей сделке П. Клевцев получил от Ефима Бровкина все деньги сполна три тысячи пятьсот рублей 3500 руб. в чем расписываемся.

Росписи стоят Клевцева и Бровкина.

С подлинным верно и подписи председателя, секретаря».

Отделял Павел Ульянович своего сына Ефима Павловича по акту:

«Раздельный акт».

1920 года 25го февраля.

Я нижеподписавшийся Гражданин Иркутской губернии Балаганского уезда Хорь-Тагнинской волости села Хорь-Тагны Павел Ульянович Бровкин отделяю своего сына Ефима Павловича Бровкина в присут-

Свадьба Бровкина Карпа Ефимовича и Ефросиньи Ульяновны. Хор-Тагна. 1 мая 1950 г.

ствии Хорь-Тагнинского сельского старосты Якова Иванова, и свидетелей Карпа Матвеева и Михаила Бутырина. Нижеследующее имущества:

- 1) Лошадь, масти Гнедая, меринь.
- 2) Кобыла масти гнедая.
- 3) Корова черная, и нетель рябая.
- 4) Две доли нарезной земли».

Ефим Павлович и Ирина Самсоновна вырастили семерых детей (еще четверо умерли в младенчестве).

Старший Финогей Ефимович (1913—2001 гг.) в молодости служил в НКВД в городе Сыктывкаре Коми АССР, там же работал и прожил всю жизнь. Перед войной приезжал домой в Хор-Тагну, забрал свою семью: жену Татьяну Маркиановну (1916—1983 гг.) и сыновей Виктора (1937—1994 гг.) и Владимира (1939—1998 гг.). Сейчас поколение Финогея Ефимовича насчитывает четверых внуков, восемь правнуков и восемь праправнуков. Все они живут в городе Сыктывкаре и его окрестностях.

Елизавета Ефимовна (1915—1995 гг.)

была замужем за Сергеем Ивановичем Романовым (1913—1954 гг.). Жили они в селе Хор-Тагна.

Их дети: Татьяна (1934—2002 гг.), Марина, 1944 г. р., Надежда, 1946 г. р., Владимир, 1948 г. р., Николай, 1950 г. р., закончив школу, все уехали в город Шелехов. В 1967 году уехала к ним и Елизавета Ефимовна.

В настоящее время только Надежда живет в Иркутске, остальные в Шелехове. Поколение Елизаветы Ефимовны насчитывает девять внуков, одиннадцать правнуков и восемь праправнуков.

Милентий Ефимович, 1917 г. р., жил с родителями, семьи не имел, ездил с отцом Ефимом Павловичем в Иркутск на заработки. Во время войны воевал на Украинском фронте, погиб и похоронен на северной окраине села Грушевка Солоняцкого района Днепропетровской области в ноябре 1943 года.

Екатерина Ефимовна (1918—1984 гг.) и ее муж Рупеко Василий Григорьевич (1912—1980 гг.) всю жизнь прожили в городе Улан-Удэ.

Их сыновья Юрий, 1939 г. р., Владимир, 1941 г. р. и Александр, 1946 г. р. умерли по разным причинам, не дожив до старости, года смерти мне неизвестны. Из рассказов моего отца помню, что Василий Григорьевич во время войны обучал водолазов-разведчиков. В мирное время работал капитаном на речных теплоходах. Евдокия Ефимовна (1920—1989 гг.) была замужем за Шиверским Данилой Феофановичем (1915—1983 гг.). Их дочери выросли в Хор-Тагне, затем Любовь (1940—2004 гг.) создала семью и жила в Ангарске, Тамара, 1942 г. р. — в городе Иркутске. У Любови дочь Лариса (1965—2015 гг.), внуки Оксана, 1984 г. р. и Вячеслав, 1989 г. р., правнук Ярослав, 2006 г. р. (сын Оксаны). У Тамары две дочери: Ирина, 1965 г. р. и Нина, 1971 г. р., внуки Александр, 1984 г. р., Юлия, 1988 г. р. (дети Ирины), Алексей, 2000 г. р. (сын Нины), правнучка Мария, 2006 г. р. (дочь Александра).

Осип Ефимович (1931—1973 гг.) — младший сын Ефима Павловича. Его жена Галина Николаевна Попова, 1933 г. р. — единственная наша тетушка, оставшаяся в живых из того поколения, чему мы все очень рады. Поженились и жили они в Хор-Тагне недалеко от нас (через два дома). В 1960 году построили дом на бывшей усадьбе Екатерины Павловны Бровкиной (Бараненко). В нем выросли их четверо детей: Юрий (1955—2005 гг.), Надежда, 1960 г. р., Александр (1967—2014 гг.), Сергей, 1970 г. р. Старший сын Юрий женился в 1975 году на Перепрыгиной Татьяне Александровне, 1955 г. р. и обосновался в городе Братске. Там теперь живут его дети — Алексей, 1975 г. р. и Ксения, 1984 г. р.; внуки Ирина, 2003 г. р. и Галина, 2005 г. р. (дети Алексея), София, 2003 г. р. и Ольга, 2013 г. р. (дети Ксении).

После окончания школы уехала в Братск и Надежда, вышла замуж за Горбунова

Олега Николаевича, 1957 г. р. Их дети: Андрей, 1978 г. р. и Антонина, 1981 г. р. Внуки: Максим, 1998 г. р., Татьяна, 2002 г. р., Екатерина, 2009 г. р. (дети Андрея); Вероника, 2005 г. р. и Ева, 2009 г. р. (дети Антонины).

Там же живет и младший сын Осипа Ефимовича Сергей с женой Ириной Николаевной, 1965 г. р. У них двое детей: Полина, 1992 г. р. и Никита 1995 г. р.

Среднего сына Александра судьба забросила в город Байкальск, где и живет сейчас его семья: жена Светлана, 1968 г. р. и сыновья — Алексей, 1989 г. р. и Игорь, 1994 г. р. Прожив все детство рядом с семьей дяди Осипа, мы до сих пор с ними очень дружны, хотя судьба и разбросала нас. С Надеждой мы выросли вместе, были не только двоюродными сестрами, но и лучшими подругами, ими и остаемся по сей день. Часто перезваниваемся, ездим друг к другу в гости, вспоминаем свое детство и родную деревню Хор-Тагну.

Карп Ефимович (1925—2012 гг.) — мой отец, о нем я хочу рассказать поподробнее. Папа с детства тянулся к знаниям, в школе учился с большим интересом, образование получил 7 классов. Огромное желание было учиться дальше, получить какую-нибудь профессию, хотя бы тракториста, но не было возможности. Оставшись в тринадцать лет без отца, ему пришлось работать в колхозе, помогать матери, семье. Вскоре наступил грозный 1941 год. Забрали на войну старшего брата Милентия, а в ноябре 1943 года пришла на него похоронка... В этом же ноябре папу призвали в армию. Служил он долгих семь лет на русско-китайской границе на станции Безречной Читинской области. Три года служил пулеметчиком в 88 отдельном пулеметно-артиллерийском батальоне, один год связистом в 297 отдельном батальоне связи и три года начальником телефонной станции в действующей в/ч 06051, держали оборону восточных границ. В августе-сен-

тябре 1945 года папа участвовал в боевых действиях в войне с империалистической Японией, был награжден медалью «За победу над Японией», орденом Отечественной войны, в 1948 году медалью «30 лет Советской Армии и Флота», значками «Фронтовик 1941—1945 гг.» и «Отличный связист». Домой вернулся в звании сержанта осенью 1950 года, работал в колхозе. 1 мая 1952 года сыграли свадьбу с моей мамой — односельчанкой Семеновой Ефросиньей Ульяновной (1929—2002 г.). Мама в то время работала в колхозе дояркой до 1963 года, а затем до пенсии проработала в Хор-Тагинской участковой больнице санитаркой (образование в детстве получила 6 классов).

Вырастили они нас, троих детей: Василия, 1953 г. р., Раису, 1955 г. р., Альбину, 1961 г. р., помогали растить внуков и правнуков. Василий Карпович с женой Любовью Михайловной, 1953 г. р., живут в селе Ревякина Иркутского района (до этого бо-

лее 30 лет прожили в Улан-Удэ). У них два сына: Илья, 1975 г. р., живет в Иркутске; Михаил, 1978 г. р., живет в городе Краснодаре. Внуки: Евгений, 2000 г. р., Анна, 2007 г. р. (дети Ильи) и Дарина, 2000 г. р., Арсений, 2007 г. р. (дети Михаила).

Раиса Карповна всю жизнь живет в Хор-Тагне рядом с родительским домом. У нее с мужем Беляевым Николаем Евгеньевичем (1955—2004 гг.) две дочери: Анна, 1978 г. р. и Екатерина, 1980 г. р. Внуки: Илья, 1998 г. р., Вадим, 2003 г. р., Вера, 2009 г. р. (дети Анны) и Артем, 1997 г. р., Алина, 2003 г. р. (дети Екатерины).

Альбина Карповна. Замуж я вышла в Семеновск Заларинского района за Протацкого Николая Петровича (1957—2008 гг.). Наши дети Виктор, 1982 г. р., Владимир, 1984 г. р. с женой Аленой, 1990 г. р., внуком Даниилом, 2015 г. р. живут в городе Иркутске.

Отец мой, Карп Ефимович, всю жизнь

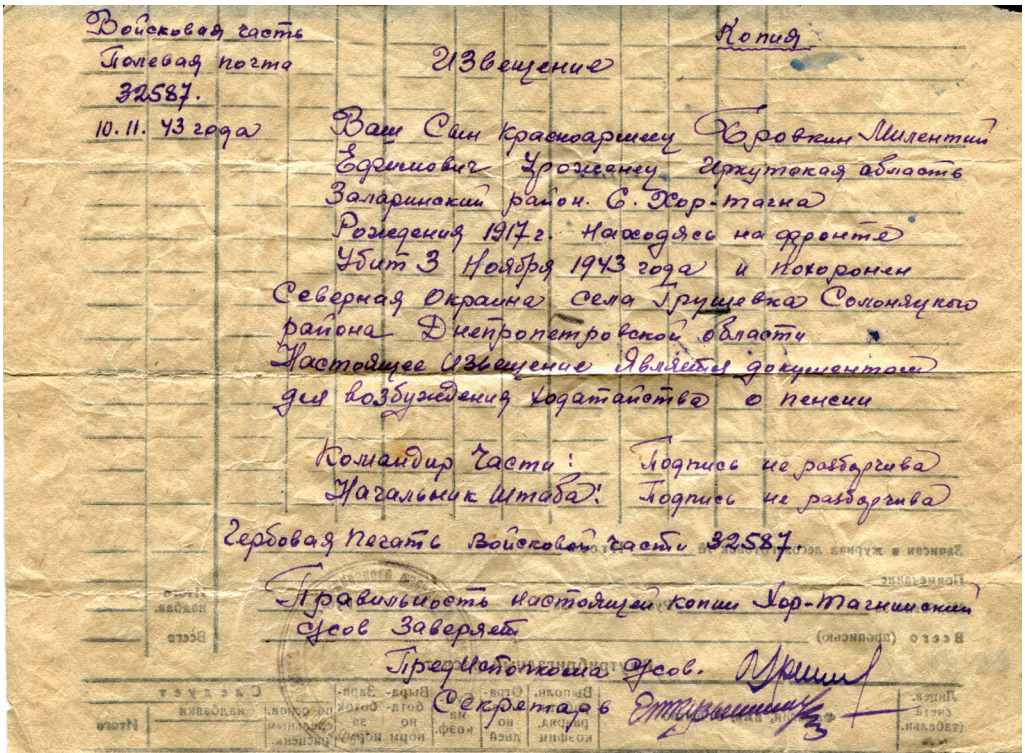
Раздельный Актъ.
 1922 года. 25 го февраля
 Я ниже подписавший Гражданин
 Иркутской губер. Заларинского уезда
 Хорь-Могинской волости села Хорь-Могин
 Павел Ульянович Бровкин. отделяю
 своего сына Ефима Павловича Бровки
 на въ присутствіи Хорь-Могинскаго
 сельскаго старосты Якова Иванова, и
 свидетелей Варта Маувева, и Михаила
 Бутырзина. Ниже следующие Имущества
 1) Лошадь, Масаи Гнедая, мерзл.
 2) Кабыла масаи Гнедая.
 3) Карова Черная и котель рывая.
 4) две доли нарезной земли. всего и
 подписуюсь. Павел Бровкин. *Павел Мауве*
М. Бутырзин
 сельск. староста Я. Иванов,

Раздельный акт на отделение от отца Павла Ульяновича сына Бровкина Ефима

прожил в родном доме и только последние шесть лет провел у нас в Семеновске, где и умер на 88-м году жизни в 2012 году. Его трудовой стаж составляет около 45 лет. Работал он в колхозе разнорабочим, в Тагинском совхозе кладовщиком, в Приса-

янском коопзверопромхозе пилорамщиком, в Заларинском леспромхозе кочегаром. На здоровье сказывались военные и послевоенные годы службы. Два раза, до ухода на заслуженный отдых, папа увольнялся в связи с уходом на пенсию по инвалидности.

Извещение о гибели Бровкина Милентия Ефимовича в ноябре 1943 г.

Но он никогда не раскисал, был по жизни оптимистом.

Он был интересным собеседником. Много читал, любил районную газету «Сельская новь», был ее внештатным корреспондентом и другом журналистов газеты. В свое время папе была вручена почетная грамота за преданность и верность местному изданию от гл. редактора Н. Г. Саперовой. Его знания в области политики, социальных проблем села и страны, народных традиций, культуры, истории, механики, строительства, астрономии и других наук всегда удивляли всех односельчан и родственников.

Последние десятилетия Карп Ефимович стал известен как собиратель и хранитель истории родного села, его семей и родственных связей. Обладая удивительно цепкой и крепкой памятью и разносторонними интересами в жизни, и в частности, к людям, местам и событиям, он подробно и красоч-

но рассказывал и описывал свои воспоминания.

Отец бережно хранил старинные фотографии, свой армейский фотоальбом, документы своих родителей и даже деда, некоторым из них около 100 лет, а то и более.

Так, например, сохранилась денежная купюра «Государственный кредитный билет 1 000 рублей» 1918 года выпуска. Аккуратно сложенные в конверт и подписанные «Архив матери и отца» хранятся до сих пор, теперь уже у нас, такие документы, как паспорт, свидетельство о смерти моего деда Ефима Павловича Бровкина (1889–1938 гг.) и его профсоюзный билет от 3 октября 1937 года. Также сохранился паспорт моего дяди Милентия Ефимовича Бровкина (1917–1943 гг.), извещение о его гибели от 10.11.1943 года, свидетельство: «Предъявитель сего Бровкин М. Е. в 1939 году окончил обучение по программе школы для

неграмотных при школе Хор-Тагнинского с/с д. Хор-Тагна Заларинского района и переведен в школу для малограмотных...» Сохранил отец и свой комсомольский билет, выданный в феврале 1944 г. Самый ветхий «документ» — численник, изданный еще на государевом печатном дворе при царе Николае II. В нем расписаны по дням и месяцам на весь год церковные праздники (числа указаны и по новому, и по старому стилю), затем «Российский императорский Дом» — даты рождения и тезоименитства всей императорской семьи, далее образцы и формы деловых бумаг, меры и монеты, почтовые и телеграфные тарифы, карта железных дорог Европейской России, проездная плата на железной дороге и пароходстве.

Армейский фотоальбом Карпа Ефимовича, созданный в годы службы 1943—1950 гг., до сих пор хранит фотографии его родных, братьев, сестер, сослуживцев.

За бережное сохранение документов, фотографий, купюр, ценных для того времени бумаг моего отца можно смело назвать домашним архивариусом, хранителем семей-

ных реликвий. Теперь его «архив» будем хранить мы, его дети, внуки, правнуки.

Возделывается земля, раскорчеванная более века назад нашими прадедами, на усадьбах продолжают жить их правнуки. Судьба так распорядилась, что на всех усадьбах Бровкиных живут их потомки.

В доме Павла Ульяновича живет его праправнучка Анна с семьей. В доме Ефима Павловича живет правнучка Екатерина с семьей. На усадьбе Ефрема Павловича поселилась семь лет назад его племянница Раиса Карповна. Все дома находятся рядом. Мой отец Карп Ефимович при жизни был очень доволен таким стечением обстоятельств, что род Бровкиных не покидает свои очаги.

Я очень люблю свою родную Хор-Тагну и горжусь своей девичьей фамилией, в душе я всегда Бровкина. Горжусь тем, что мои предки защищали нашу Родину во время Великой Отечественной войны, пятеро хор-тагнинцев Бровкиных — ценой своей жизни, оставшись на поле боя.

ПАМЯТНИК ПАВШИМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Вечером 23 июня 1941 г. в Хор-Тагну пришла трагическая весть о начале войны нашей страны с Германией. В школе, в правлении колхоза, на улицах села состоялись митинги и собрания. Все жители от мала до велика стали осознавать, что мирной жизни пришел конец, нужно с оружием в руках отстаивать свою Родину.

В первые же дни начали уходить на фронт мужчины, оставляя жен, детей и стариков. Хор-тагнинцы участвовали во многих крупных военных операциях Великой Отечественной войны. С жестокими боями шли наши сибиряки от Волги до Берлина. Многие солдаты погибли, сложив головы за победу.

В 1975 г. в честь погибших во время Великой Отечественной войны перед школой был установлен памятник. Он был приурочен к 30-летию Победы. Памятник был поставлен по инициативе учителя истории, военного дела и обществоведения Дмитрия Петровича Ковальчука. До этого момента в Хор-Тагне был только памятник, установленный на братской могиле погибших в годы гражданской войны.

В школе был объявлен конкурс на лучший проект памятника. Было предложено огромное количество рисунков, из которых был выбран лучший эскиз ученицы старших классов Натальи Евдошенко. После небольшой доработки началось строительство. Уже в конце марта 1975 г. на участке перед школой был заложен костер (для разморозки земли) и выкопана яма под закладку фундамента. Силами Дмитрия Петровича и старшеклассников были выполнены все строительные работы.

Памятник строили на собственные сред-

ства и средства, выделенные директором лесозаготовительного участка Заларинского Лесопромышленного хозяйства Алексеем Никитичем Головатчик. Строительство спешили закончить к маю месяцу, чтобы к празднованию 9 мая все собрались еще и на открытие памятника погибшим в ВОВ. Председатель профсоюза рабочих лесозаготовительного участка Заларинского ЛПХ Михаил Евдошенко от имени всех жителей поблагодарил Д. П. Ковальчука за возведение памятника и подарил от имени общественности на память часы.

Справа от памятника располагалась трибуна, около которой проходили митинги 9 мая. Все ветераны ВОВ собирались в этот памятный день возле школы, вспоминали минувшие бои, своих погибших друзей, тяготы военных лет и свои надежды на скорейшее окончание войны.

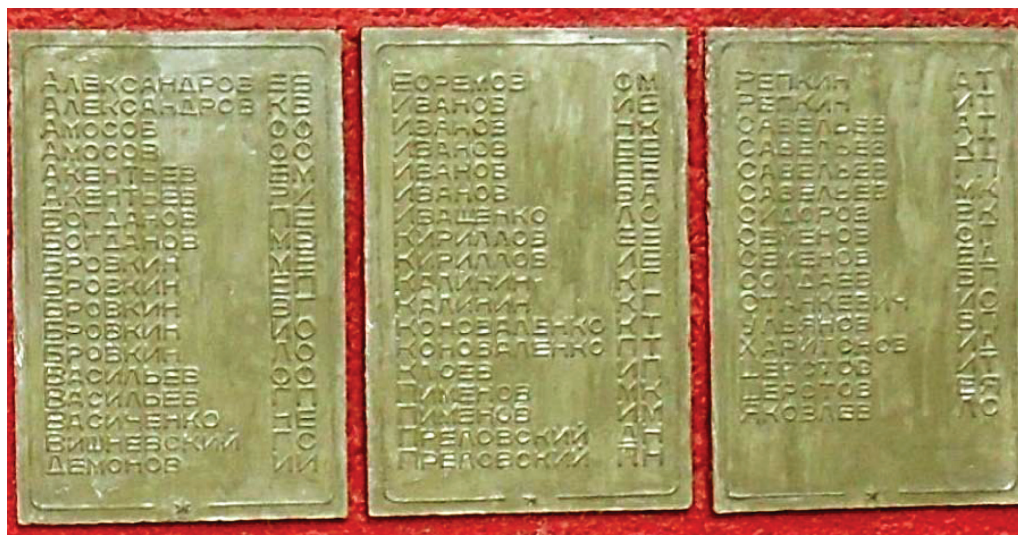
Традицией в этот торжественный день было возлагать венки к памятнику, читать стихи и петь песни в честь ветеранов, дарить им подарки и сувениры, сделанные руками детей, а также делать общее фото ветеранов. Затем митинг прекращался, и все се-

ляне шли к братской могиле на берегу, где также возлагали венки. Затем шли в клуб, где посадили Аллею ветеранов. Тут же начинался концерт в честь участников второй мировой войны.

В 1989 г. было решено построить новый, второй памятник у школы. Он был поставлен летом 1989 года по инициативе главы администрации сельсовета Анатолия Федоровича Матвеева и депутатов села. Для его установки привлекли настоящих специали-

стов: архитекторов из гор. Ангарска Лыжина Александра и Павлюченко Александра. Из пяти имеющихся проектов памятников был отобран самый лучший. Огромную помощь в строительстве оказал Заларинский ДОК (дерево-обрабатывающий комбинат).

На памятной доске были вписаны имена 52 героев-воинов, не вернувшихся с фронта, но это далеко не все погибшие и пропавшие без вести на фронтах Великой Отечествен-

ной войны. Обнародование новых документов Министерства обороны страны в наши дни значительно дополнит собранную информацию о фронтовиках села.

КАК СУХАРЕВЫ ОТКРЫЛИ ИСКОННЫЙ ПРОМЫСЕЛ ГОЛЕНДРОВ

Удивительное стечение обстоятельств стало решающим в сложении пазла родословной Сухаревых, которую долго пытались составить в районном краеведческом музее. А простая человеческая благодарность помогла установить факт о голендрах, который для людей, любящих историю района, можно назвать сенсационным!

— Представляешь, мы нашли большезаимских Сухаревых, а те прислали нам письмо, в котором рассказали о том, как голендры делают сыр! — прошептала мне на ухо директор районного краеведческого музея Галина Макогон на одном из мероприятий. Заинтересовавшись такой парадоксальной новостью, договариваюсь о встрече. И вот мы, обложившись документами, сидим в небольшом музейном кабинетике, сверху до низу забитом всевозможной информацией, и Галина Николаевна начинает свой увлекательный рассказ...

Потерянная ветка родословной

— По документам начала века, по всем воспоминаниям Большая Заимка проходила у нас кулацким старожильческим селом. Активно проявляли себя Сухаревы — в документах часто встречается их фамилия. Тем не менее, когда музей объявлял родословные сборы Сухаревых, ни на первый, ни на второй никто из Большой Заимки не явился. Как ни бились, раскрутить родословную ветку Сухаревых в этой деревне не удавалось. А недавно они сами нашлись!

Когда вышел сборник заларинских родословных «Душа не может без роду свое-

го...», краткое описание книги было выставлено в Интернете на сайте краеведческого музея. На этот небольшой анонс бурно отреагировала одна семья... из Беларуси! На имя краеведа из Тагны Нины Степановны Гайдуковой пришло письмо издалека:

«Здравствуйте, уважаемая Нина Степановна!

...Моя мама Сухарева Анна Афанасьевна родилась в селе Большая Заимка в 1939 г. В конце 60-х уехала из Сибири с моим отцом жить в Белоруссию. К сожалению, о ее семье мне почти ничего не известно. Помню только из рассказов мамы, что дед ее по отцу был «сильно богатым кулаком», а мама ее, «не сибирячка, а русская из Поволжья», работала нянькой в семье деда-кулака. Сохранилась фотография, на которой мамин брат (сидит справа с дочкой Лидой). Не уверена, но, кажется, Володя его звали. Женщина с ребенком на руках — это, скорее всего, мамина сестра. Нина Степановна, поскольку Вы занимались вплотную родословными ваших земляков, то, вероятно, и об этой ветви Сухаревых-Афанасьевичах у Вас есть хоть какая-нибудь информация.

С уважением и большой благодарностью за Ваш труд, Наталья Анатольевна Стрижевич, Могилев».

Это письмо помогло прояснить некоторые моменты в родословной Афанасия Сухарева, у которого, по данным РКМ, было шестеро детей. Наталья из Беларуси оказалась его внучкой, дочерью Анны. В анкете Заларинского райвоенкомата значится, что Афанасий Яковлевич родился в 1908 году в Большой Заимке, 26 августа 1941 года призван на фронт, где служил рядовым. Письменная связь с ним прекратилась в мае 1942 года. Сведений о его гибели нет. В графе «Кто разыскивает» стоит имя жены — Прасковья Тихоновна Сухарева. Ответ военкома: «Считаю возможным учесть пропавшим без вести».

Сведения, которыми обменялись музей

Фото из архива Н. Стрижевич: «На этом фото мама и отец сразу после того, как поженились. Они познакомились в Красноярске, отец после армии работал там на Алюминьстрое. Брат родился в Красноярске, а я уже в Белоруссии, куда родители уехали в 1966-м...

и внучка Сухарева, оказались ценными для обеих сторон. Вот что написала Наталья в ответ на письмо Н. Гайдуковой:

«Спасибо, Нина Степановна за эту бесценную информацию. Долгое время я пыталась понять, кто есть кто в семье матери. Но поскольку ее давно нет с нами, эти попытки ничем конкретным не заканчивались. Я искала информацию о тех местах, углублялась в историю края. Разобралась, наконец, откуда у матери была такая экзотическая внешность. Раньше, когда был еще жив отец, он говорил, что где-то в роду у нее были буряты, поэтому вся семья имеет характерные для монголов черты — скулы, брови черные и густые, ну, и другие особенности. Чем старше, тем сильнее хочется знать корни.

Родители развелись, когда я была еще маленькая. Мы с братом Олегом в основном жили с бабушкой и дедушкой по отцу. У

матери были проблемы с алкоголем, и жизнь ее, скорее всего, была очень драматичной. Мы мало знаем, чем она занималась, где жила. Последние 15 лет она была в розыске, но результатов никаких нет до сих пор. О ее семье я знаю, что кто-то из сестер жил в Ангарске и Зиме. Одна из сестер умерла в 74-75 году, и кажется, она жила в Большой Заимке. Мама ездила на похороны.

В Заимке жила и бабушка Прасковья, и жизнь ее была сложной. Знаю, что проблемы с алкоголем были не только у моей мамы, кто-то в семье еще был сильно пьющим, и все эти трагедии детей для бабушки Прасковьи были большой болью. Я помню ее письмо, присланное однажды (мне лет 10 было), пронизанное слезами и горем. Одна вырастила столько детей, а старость одинокая и несчастная. Один из братьев мамы, Лёня, лет 30 назад приезжал ко мне. Он, к слову, тоже жил в Могилеве, но никаких

...Это семья мамы. Кто есть кто, мне неизвестно, кроме ее брата (он сидит с дочкой Лидой) и сестры матери (женщина с косами, не знаю имени).

контактов с ним у нас не было. А приехал, чтобы сказать, что забрал бабушку Праксковию из Заимки к себе, и что она хочет увидеть Нюру, мою мать. Я рассказала ему, что ничего не знаю, где моя мать и что с ней. После этой встречи мы больше не виделись, и с бабушкой я так и не познакомилась...

Этот дядя Лёня тоже был пьющим, но у него жена была хорошая, его семья сохранилась благодаря ей. Когда он сказал, что бросил пить и вот мать забрал к себе из Сибири, я подумала: «Бог ты мой! В семье куча детей и внуков, а эту «золотую тещу бабу Пашу», как называл ее мой отец, некому досмотреть там!» И единственный из большой семьи пьющий Лёня забрал ее в Белоруссию! Затем она вернулась на родину и жила по ул. Ветеранов и похоронена на большезаимском кладбище.

Но все эти семейные драмы не отменя-

ют желания знать о своем роде. Еще раз спасибо Вам за ответ и участие, дорогая Нина Степановна. Благодаря вашим трудам я узнала, что род в целом был большим и сильным и продолжает таким оставаться. Это знание — своеобразная компенсация для меня, возможность не стыдиться своих корней. Когда я нашла Ваши материалы по истории Заларинского района и родословные Сухаревых, то просто пришла в неопишное состояние и словно заново родилась, но только уже с новой биографией. Я прожила пятьдесят лет с чувством стыда за мать, это состояние несмываемого позора сильно отразилось на моем характере и жизни вообще... У меня есть дочь, ей 28 лет, и она похожа на свою сибирскую бабушку Нюру, Анну Афанасьевну. Дочь знает от меня о драматичной истории пьющей бабушки. От меня же она теперь узна-

ла, что личная драма бабушки несколько не перечеркивает повод гордиться большой и давней историей рода Сухаревых!»

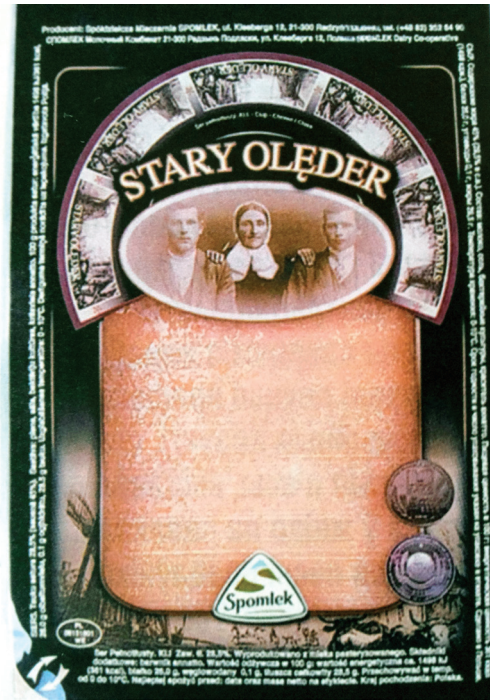
«Старый олендер»

В качестве благодарности за бесценную информацию о своей семье Наталья прислала рассказ о... голендрах-сыроvaraх! Оказывается, в Беларуси особым уважением пользуются польский сыр «Stary Oleder». Это выдержанный твердый сыр с характерным запахом и вкусом, с чувствующимися кристалликами. Вызревает он от 6 до 8 месяцев. Выпускается в виде больших кругов-цилиндров по 7-8 кг, которые разрезают на части в супермаркетах или сразу на фабрике.

Название «Старый Олендер» не случайно. Создал его сыровар Збигнев Журек — потомок переселенцев из Нидерландов, которые издавна варили сыры в старых голендорских колониях Нойдорф и Нойбров. Именно его предки изображены на этикетке «Старого Олендра». В статье, присланной Натальей, также сообщается, что больше всего голендры были известны своим молочным хозяйством. После Второй мировой от цветущих Нойдорфа и Нойброва ничего не осталось. Как и от тех сыров, которые когда-то там делали. Но Збигнев Журек смог возродить былую славу своих предков!

Пересказывая статью, Г. Макогон протягивает ниточку к нашему району: эти колонии являются исторической родиной пихтинских голендров. В другой статье — из «Московских ведомостей» 1891 года — также подтверждается, что женщины-голендры занимались преимущественно молочным хозяйством.

«Сыр — родословный промысел наших голендров! — подчеркивает Г. Макогон. — К тому же, как говорит Иван Зигмундович Зелент, самое вкусное молоко на свете — в Пихтинске. Экологически чистое многотравье создает удивительный вкус. Тем не ме-

На упаковке сыра «Старый Олендер» изображены предки нынешних голендров.

Сыр «Старый Олендер» плотный и твердый в центре, слегка крошащийся к краям, без дырочек. Вкус насыщенный с пряными и пикантными нотками. Имеет пряное послевкусие.

нее, среди многообразия блюд национальной кухни наших голендров нет выдержанного твердого сыра. Зато есть необходимые для его создания предметы. Например, тисы для выдавливания жидкости».

Некоторое время назад идеей делать сыр загорелась Мария Карловна Зелент. Правда, пока ей не удалось получить грант

на развитие этой отрасли. Тем не менее, все говорит в пользу этого промысла в наших краях. И то, что это родословный промысел голендров, и наличие специальных предметов, и уникальное сочетание пихтинских трав. Выдержанный твердый сыр мог бы

стать еще одной визитной карточкой, брендом пихтинских голендров и всего Заларинского района! Надеемся, что им удастся возродить промысел предков, и он станет столь же почитаем, как и в Беларуси!

СПРАВКА РКМ

СУХАРЕВЫ – ОСНОВАТЕЛИ ДЕРЕВНИ БОЛЬШАЯ ЗАИМКА

В 1774 году при Заларинской церкви впервые зафиксирована фамилия Сухаревых. Она могла и должна быть из Тагнинской деревни, т. к. в 1776 году в этой же церкви эта фамилия прошла как «Тагнинский ясачный Сухарев». Указание сословия «ясачный» говорит о бурятской принадлежности. Ареал фамилии выражен в Тагнинской волости.

Административное образование «заимка» означает отделение от деревни малого хозяйства для ведения сельхозработ (пашенное дело, хлебопашество) сразу на месте, а потом и обживание. Означало, что Большая Заимка отделилась от Тагны как большое заимочное хозяйство, и совершили это действие Сухаревы. Об этом говорят все прямые и косвенные признаки анализа, построенного на основе архивных документов.

БРАТСКА́Я
ИСТОРИЯ

*Заведующая музеем истории
политической ссылки городского
объединенного музея истории освоения
Ангары М. В. Тулякова*

ПЕРВЫЙ МУЗЕЙ В БРАТСКЕ

Первый музей Братска был открыт в селе Братске-Острожном в марте 1913 года. Это был первый и единственный музей в Братской волости Иркутской губернии на протяжении многих лет.

Еще до появления музея краеведением в Братске занимался первый дипломированный учитель Братского церковно-приходского училища, сосланный в 1856 году в с. Братский острог на вечное поселение, — Иннокентий Иннокентьевич Воротников. Им было составлено «Описание Братской волости» в 1867 году, которое рекомендовано к изучению на уроках географии в школах Иркутской губернии. Он написал несколько крупных статей по истории края: «Об Ангарских порогах», «История Братского острога», «Чунская дорога» и другие; его краеведческие материалы и наблюдения использовал Иркутский Статистический Комитет в своих многочисленных сборниках. В 1868 году братский краевед добился распоряжения от Комитета «Об охране в Иркутской губернии памятников исторической старины» о защите башен Братского острога. В 1877 году И. И. Воротников стал первым действительным членом Императорского Русского Географического общества, а позднее и первым «Почетным членом села Братск». В январе 1907 года Иннокентий Иннокентьевич переехал из села Братск-Острожного в г. Нижнеудинск к своей дочери.

В это время в село Братск царское правительство ссылает на поселение участни-

*Музей истории политической ссылки,
сентябрь 2015 г.*

ков первой революции в России. Надо сказать, что село Братск-Острожное долгое время, со времени строительства Братского острога, было местом политической ссылки. В отдельные годы в нем бывало до 100—150 ссыльных. Некоторые из них оставили зримый след в истории нашего края.

Это декабрист Петр Александрович Муханов (1799-1854), проживший на поселении в Братске 9 лет (1833-1842), при участии которого в селе была построена красивейшая Богоявленская церковь. При переезде в с. Усть-Куда Иркутского округа он подарил жителям села свой персидский ковер, который стелили на амвон церкви во время больших престольных праздников и который чудом сохранился. Он сейчас находится в Иркутске в экспозиции Дома-музея декабриста С. Трубецкого.

Другим видным исследователем братской земли стал Александр Лаврентьевич Чекановский (1833-1876), видный польский ученый, участник польского восстания 1863 года. В труднейших условиях ссылки, когда приходилось тяжелым трудом добывать себе средства на жизнь, Александр Лаврентьевич в течение двух лет с 1866 по 1868 собрал в окрестностях с. Падун большие коллекции растений, насекомых, мелких млекопитающих, горных пород и окаменелостей. Он представил их в Российскую Академию наук в г. Санкт-Петербург вместе с геологиче-

ским очерком района, таблицами, картами, метеорологическими наблюдениями в районе Братск — Падун. С 1873 по 1875 годы он провел на севере Иркутской губернии на Нижней Тунгуске, по существу став первым исследователем этого края.

С 1911 по 1914 годы в селе Братске-Острожном отбывал ссылку участник первой революции в России 1905 года Валентин Владимирович Рябиков. Вместе с известным социал-демократом Рябиковым В. В. на поселение в Братск прибыл Андрей Индрикович Германсон — латыш, сосланный на поселение после долгих лет тюремного заключения. Вот как написал в своих воспоминаниях В. В. Рябиков о первой встрече с глухим сибирским селом: «Вскоре показалось и село Братск-Острожное. Оно тянулось одной улицей вдоль левого берега Ангары и Оки километра на полтора. Двобортные избы, покрыты драньём. Большие дворы с поветями, сараями, конюшнями и банями примыкали к избам. В середине села стояла прекрасной архитектуры церковь и около нее две почерневших от времени сторожевые башни — остроги. Село произвело на нас хорошее впечатление, выглядело оно довольно зажиточным и культурным».

Первый музей в Братске был открыт при непосредственном участии политических ссыльных и интеллигенции села. В 1912 году ссыльные поселенцы с. Братск по предложению В. В. Рябикова, Ф. Г. Ягодина-Виноградова, А. И. Германсона и др.

В. Никишин. Приезд Аввакума в Братский острог

стали ходатайствовать перед Академией наук и Русским Географическим обществом об открытии в с. Братск-Острожном «Отдела общества изучения Сибири и улучшения ее быта». Братский филиал должен был заняться исследованием края в экономическом, культурном и правовом отношениях. Просьба братчан была удовлетворена.

25 марта 1913 года общее собрание членов учредителей Братского отдела «Общества изучения Сибири и улучшения ее быта», куда входили и политические ссыльные, и жители села, приняло Устав и выбрало правление. Председателем Братского отдела избрали священника местной Богоявленской церкви Леонида Михайловича Мальшева. Он отвел под нужды Общества пустующий церковный дом в три просторных комнаты с кухней, небогатой мебелью и канцелярские принадлежности.

Первым докладом в Обществе был доклад Л. М. Мальшева о постройке тракта Большая Мамырь — Усть-Кут. Тракт этот, протяженностью около ста километров, мог связать Ленский приисковый район с Сибирской железной дорогой. Население прилегающих районов рек Лены и Ангары давно добивалось проведения данного тракта. Собрание при общем одушевлении приняло постановление просить Иркутского генерал-губернатора об оказании необходимого содействия. Ответа не последовало, но с приходом Советской власти Центросибирь по докладу В. В. Рябикова ассигновала на устройство этого тракта соответствующие средства. Общество организовало библиотеку, стало получать журналы и газеты, вело переписку с центральным Обществом в Иркутске и его филиалами. В читальне насчитывалось более 2 тысяч книг.

В. В. Рябиков в своих воспоминаниях, хранящихся в фондах Братского городского музея, писал: «В селе Братске и в его районе нередко попадались различные археологические предметы. Это натолкнуло на

мысль создать при Обществе археологический музей. Сначала крестьяне не понимали цели организации такого музея, но, когда с помощью этих же крестьян удалось собрать коллекцию идолов, предметы шаманов, старинные иконы, каменные, бронзовые топоры, клыки и зубы мамонта и сотни других предметов, которым были даны объяснения, то не только местные крестьяне приходили смотреть диковинки в музей, но с этой целью приезжали крестьяне из района, привозя для музея разные старинные вещи».

В фондах Братского городского объединенного музея хранится «Предметный указатель музея» Братского отдела «Общества изучения Сибири и улучшения ее быта». Под пунктами 17, 18, 19 сделана запись: «Принадлежности шаманского культа, найденные крестьянином Гаврилой Бухаровым весной 1913 года во время пахоты близ села Шаманово Братской волости».

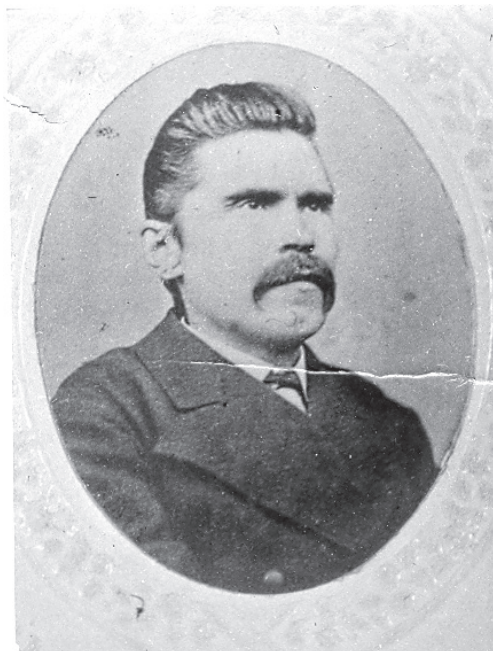
Совершенно случайно Валентину Владимировичу удалось установить, что в одной из почерневших от времени сторожевых башен Братского острога в 1656 году, на пути в ссылку, сидел неистовый раскольник протопоп Аввакум. После этого открытия интерес к музею еще более возрос, чему способствовали и заметки в газете «Сибирь».

В. В. Рябиков в своих воспоминаниях писал: «Прошло очень мало времени, когда мне удалось напасть на следы исторических документов. В поисках картона для переплета книг я обратился к волостному писарю об отпуске мне старых папок. Писарь порекомендовал мне поискать папки на

чердаке волостного управления, где хранились старые дела. Здесь я обнаружил целый архив переписки в каких-то толстых шероховатых папках. При рассмотрении папки эти оказались слепленными из желтоватых грубых листов со следами старинного витиеватого с завитушками и хвостиками письма. С волнением принес я эти папки домой, взял у хозяйки кочергу и стал размачивать склеенные, может быть, сто лет назад, а может, больше, ржаной мукой листы папок. Забыв все дела, я ушел с головой в работу по приведению рукописей в порядок. Среди отмоченных листов оказалась переписка, относящаяся ко времени царствования дочери Петра Великого Елизаветы. В них говорилось о казачьих поселениях по Ангаре, приказы местных властей, переписка по административным и бытовым вопросам».

Предметов в музей поступало много. В организации музея участвовало более 50 жителей села. Самыми же активными оказались Я. М. Оседлов, И. П. Ивинский, К. А. Сервиров, Я. Н. Юрин, М. Е. Карпов и священник Л. М. Мальшев.

Сначала под музей выделили одну комнату, а со второго полугодия 1913 года музей уже состоял из шести отделов и занимал три большие комнаты. Его столы и стены полностью были заняты интересными находками и старинными предметами. В. В. Рябиков вспоминал в статье «Братск-Острожный»: «Музей расширялся, прибавлялись коллекции некоторых образцов местной промышленности, гербарии, некоторые виды местных животных и насекомых. Совместно с молодым местным учителем Михаилом Карповым мною была организована экскурсия с учащимися в горы на поиски разных ископаемых. Это внесло в среду молодежи оживление, пробудило интерес к прошлому и настоящему края. Экспедиция обнаружила в одном ущелье кладбище мамонтов, какие-то исполинские рога и другие находки». Но официального разрешения и

Воротников И. И. - первый учитель-краевед Братска.

П. А. Муханов (после 1842 г.)

одобрения властей на устройство и работу музея в селе все не поступало, и В. В. Рябиков написал письмо М. П. Овчинникову, археологу и краеведу, члену Иркутской ученой архивной комиссии:

« Милостивый государь Михаил Павлович!

Берет меня и всю нашу компанию нетерпение узнать нашу судьбу. Отвечайте же скорее, пожалуйста, могут ли не поселенцы стать членами Общества Изучения Сибири и открыть у себя маленький музей...

В настоящее время сидим мы — «учредители музея» — между двух стульев. Раньше и гораздо послали мы запрос в Географическое общество, и там молчат до сих пор.

Решили писать после этого в Общество Изучения Сибири и получили от Вас теплое Письмо, которое нас сильно обрадовало, но потом и Вы замолчали, и мы оказались на полу с заметками в «Сибири» (губернская газета): «Музей в селе» и «К возникновению музея в селе».

...Пока мы не обратим внимание на нашу провинциальную периферию, не заинтересуем ее, не втянем в культурную жизнь, до тех пор мы будем топтать на одном месте. Другое дело, если втянуть сельчан на месте в какую-либо работу, заставляющую хоть немного подумать, — тогда другое дело. Сначала в наш музей, для смеху, хотели посылать ребят с дохлыми крысами, потом стали спрашивать, что и как, а теперь и сами втягиваются и собирают сведения о старине. То же с архивом: ведь архивом-то у нас на Пасху и Рождество пушку пыживали, тратив на заряд по несколько фунтов, и только мое случайное вмешательство спасло незначительную часть этого, может быть, весьма большого и ценного архива. В добытых мною (и писарем) остатках упоминается о братской приказной избе, воеводской канцелярии и т. д.

Отвечайте скорее. Готовый к услугам, В. Рябиков (для музея).

Р. С. Был здесь иркутянин, казачий офи-

цер Селиванов, и сильно восхищался фундаментом нашего музея. В Иркутске у него есть свой музей, для которого он вез много вещей из Нижне-Илимска».

В село Братск-Острожное стали поступать запросы о музее из разных мест, приезжающие в село люди обязательно хотели видеть музей. Весть о нем дошла до Иркутска. Однажды В. В. Рябиков был срочно вызван десятским в музей, приехали какие-то важные лица и хотели познакомиться с музеем. Направляясь в музей, он увидел в центре села автомашину, застрявшую в грязи. Кругом стояло с десяток крестьян. У музея находилась группа важных чиновников и все местное начальство. Один из приехавших отрекомендовался генерал-губернатором Иркутской губернии Пильцем. Валентин Владимирович пригласил всех в музей. Чиновники внимательно рассматривали экспонаты и надписи под ними, задавали вопросы, затем поблагодарили и уехали. Если до этого времени музей считался как бы существующим полуофициально, то после посещения губернатора он получил полное признание разного начальства.

Во избежание ссылки на север в мае 1914 года при содействии заведовавшего Братской обсерваторией Зайцева В. В. Рябиков перевелся в Иркутскую магнитометеорологическую обсерваторию, стал работать стар-

шим наблюдателем. После отъезда В. В. Рябикова из села верным хранителем музейных экспонатов стал М. Е. Карпов. В краткой биографии его можно прочесть: «Работая библиотекарем, заведующим музея».

Музей в селе Братске в разное время посетили академики Овчинников (в июне 1914 года), А. Е. Ферсман (1919 год), средний сын В. А. Обручева, тоже геолог, Обручев Сергей Владимирович (август 1917 года),

Известный иркутский исследователь-геолог Обручев Сергей Владимирович летом 1917 года проводил геологические исследования на Среднесибирском плоскогорье, исследовал среднее и нижнее течение реки Ангары. Вместе со студентом В. Каменским посмотрел две башни Братского острога и музей. В книге отзывов Братского музея они высоко оценили экспонаты, особенно им понравился минералогический отдел.

Летом 1918 года М. Е. Карпов с помощью Я. Н. Юрина все музейные предметы перевез из церковного дома в здание школы, так как колчаковцы, занявшие в это время село, проявили желание разместить свой штаб в здании музея.

После гражданской войны музей так и остался в школе. Он расширялся и пополнялся новыми экспонатами. Главными помощниками Михаила Ефимовича стали ученики. Бывший ученик его С. Потапов

с. Братск-Острожное, вид с реки Оки, нач. 20 века.

вспоминал: «Летом у него во дворе все было завалено камнями, в сарае, в кладовых, на подоконнике, в ларе. В самых невероятных местах можно было встретить самые невероятные вещи: от куска железа до бивня мамонта. А потом, в течение зимы, мы обрабатывали находки и заносили в фонд музея».

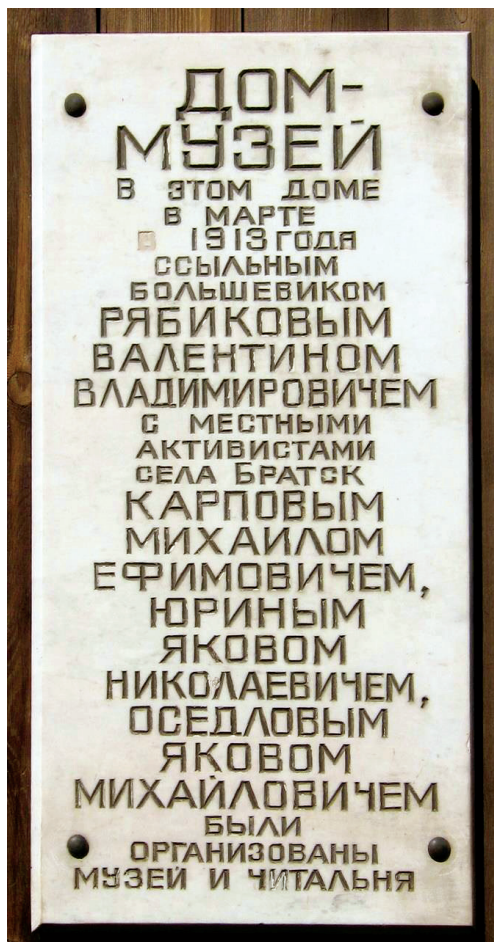
В 1930-1931 годах под руководством М. Е. Карпова учащиеся средней школы собрали более 400 сведений о полезных ископаемых Братского и смежных с ним районов Восточно-Сибирского края. Безусловно, геологический отдел музея обогатился новыми минералами. А работа ребят была оценена по достоинству: школу наградили большой денежной премией, портреты одного из самых активных комсомольцев Муратова и учителя Михаила Ефимовича Карпова были помещены в книгу С. М. Третьякова «Страна А—Е» («Страна Ангара—Енисейская»).

Другие отделы музея также пополнились интересными находками. Так, недалеко от Братска жил в тайге пожилой эвенк. Местные жители звали его Ерошкой. Из лесу он почти никогда не выходил, одежда на нем была из оленьих шкур.

Однажды братчане стали свидетелями необычной картины: Ерошка и сопровождающие его ребяташки несли чучело оленя, которое предназначалось школьному музею. Ценный экспонат принес в музей Спиридон Карпов. Он выпахал под Камнем (так называлось место на реке Оке) скелет бурятского всадника в боевых доспехах и кости коня. Учителя смогли восстановить только кости человеческого скелета, и экспонат занял самое видное место в музее.

В начале 30-х годов, будучи учеником 4-го класса, Братский музей посетил с классом и своей учительницей О. Н. Козятниковой Федоров Анатолий Викторович, впоследствии известный братский учитель-краевед.

Позднее он вспоминал в «Записках кра-

Мемориальная доска на здании Музея истории политической ссылки в г. Братске.

евода»: «Музей произвел на меня неизгладимое впечатление. Впервые я увидел так близко настоящее охотничье и боевое снаряжение эвенков и бурят, енисейских казаков, живших более 300 лет до нас. Звучали, как музыка, неизвестные ранее слова «натруска», «камусы», «поняга». Был здесь и 6-тиствольный пистолет 16-го калибра богатого купчины. Горкой лежали лук и стрелы, их наконечники из камня, кости и железа, женские украшения из резных раковин, клыков марала, цветных камней. Удивительно много было местных руд, минералов. И эти все экспонаты можно было трогать, брать в руки. Не скрою — поразили рисунки — копии с «писаниц» на левом скалистом

берегу реки Оки в районе Больше-Кадинского порога (теперь затопленном). Они изображали лося, косуль и «личины» первобытных людей, живших здесь 5-10 тыс. лет назад. Впервые в 1950-х годах мне их показал в натуре директор начальной школы д. Большая Када Г. Б. Беломестных, спасибо ему за это.

Старинные рукописные книги, с пахнущими пятнами воска притягивали к себе, полные тайн. Удивительными казались предметы убранства для камлания шамана, колокольчики из меди, подвески из железа, бубен. Приманки для рыб из камня, кости.

Наш учитель с гордостью рассказывал, что музей посетили в июне 1914 года академик М. Овчинников, профессор геолог С. В. Обручев в августе 1917 года, академик минеролог А. Е. Ферсман. Они оставили свои отзывы о его богатейших экспонатах».

В ночь с 30 ноября на 1 декабря 1934 года внезапно загорелась школа. Стояла глухая зимняя ветреная ночь. Братчанам не удалось потушить пожар. Школа, постройки 1926 года, сгорела дотла, а с ней и музей. Спасти экспонаты не удалось. Но сгорело не все. В 1930 году более ценные вещи из музея были временно взяты в Иркутский краеведческий музей. Так, например, каменный человек «божок», каменные головы животных, до 15 штук бронзовых вещей (бронзовые зеркала) и набор железных вещей шаманского культа, нефритовые каменные топоры и ряд других экспонатов. После пожара все переданные экспонаты так и остались в фондах Иркутского краеведческого музея.

Сам пожар и гибель экспонатов явились ужасным потрясением. В огне погибли:

— отдел археологии: наконечники стрел, скребки, каменные топоры, орудия земледелия, каменные изображения, бронзовые вещи (15 штук), железные ножи, копья;

— отдел палеонтологии: зубы, позвонки и кости мамонта, зубы и кости носорога,

череп и рога буйвола, окаменелости, отпечатки древних животных и растений в каменном угле и сланце;

— отдел природы: более 200 образцов местных полезных ископаемых:

золото, железо, медь, свинец, каменный уголь, графит, слюда, нефть, асбест, кварц, кварциты, известь, каменная соль, минеральные краски, цветные глины, пески, минеральные воды, образцы почв, чучела и скелеты современных животных, заспиртованные виды пресмыкающихся, земноводных, коллекции насекомых;

— отдел хозяйства, охоты и быта: кремневые ружья, пистолеты, тесаки, светец, огниво, вещи шаманов, старинная одежда, деревенский безмен, дубовая шкатулка для драгоценностей и денег с секретным отделением, тунгусский пояс, две печати рекрутского старосты, бурятские сбруйные украшения, изделия Николаевского завода и местных кустарей;

— отдел нумизматики: монеты времен царя Алексея Михайловича, Петра I, крестовик Павла I, коронационный рубль Александра III, кредитные билеты и сибирские монеты.

Самыми ценными экспонатами музея были собрания царских указов, манифестов, синодских распоряжений, циркуляров и прочее, начиная с 1783 года по 1828 год на 112 листах. В том числе секретное дело Братского волостного управления за 1864 год, бумаги Нижнеудинского земского суда и помощи, переписка, относящаяся ко времени царствования императрицы Елизаветы, о казачьих поселениях на Ангаре, приказы местных властей, переписка по административным и бытовым вопросам.

Здание школы отстроили новое, а музей еще долго оставался живым в памяти народной. Уже после строительства Братской ГЭС, города Братска, другой братский краевед Владимир Федорович Герасимов, изучая дома, перевезенные с мест затопления,

однажды наткнулся на избу, по описанию очень похожую на ту, в которой находился музей в селе Братск-Острожном. Он показал этот дом, стоявший в переулке Дальнем, старожилам села Марии Павловне Пожони и Екатерине Ефимовне Карповой, родной сестре Михаила Ефимовича. Женщины сказали, что это и есть тот дом, в котором находился музей. Братским отделением ВООПИиК и Братским краеведческим музеем была проведена огромная работа по переносу здания на территорию детского парка и постановке на учет в Центре сохранения историко-культурного наследия.

16 декабря 1989 года состоялся тоже-ственный митинг по случаю открытия в нем Музея истории политической ссылки, филиала Братского Городского объединенного музея. Первая экспозиция музея в старинном здании, являющемся памятником истории местного значения, была посвящена истории политической ссылки села Братска и Братского района. За годы работы здесь было оформлено много экспозиций по истории края. В этом, 2019, году исполняется 30 лет со дня открытия Музея истории политической ссылки.

*Зав. музеем истории политической
ссылки М. В. Тулякова.*

*Братский городской объединенный музей
истории освоения Ангары*

АНАТОЛИЙ ВИКТОРОВИЧ ФЕДОРОВ – ОСНОВАТЕЛЬ ПЕРВОГО ШКОЛЬНОГО МУЗЕЯ В ГОРОДЕ БРАТСКЕ

В этом году исполняется 55 лет с начала создания первого школьного музея в нашем городе. Основателем и руководителем этого музея при школе № 20 в поселке Падун города Братска был известный братский учитель – краевед Анатолий Викторович Фёдоров (фото 1). Он не был историком по образованию, но он им был по призванию: преподавал географию, живо и глубоко интересовался историей и судьбой края, Сибири, читал лекции, ходил с учениками в походы, участвовал и организовывал туристические слеты, создавал музей.

Анатолий Викторович происходил из учительской династии. Его дед, основатель династии учителей Фёдоровых Николай Фёдорович Фёдоров родился в 1858 году в деревне Костюково Новгородской губернии в семье крепостного крестьянина Фёдора Фёдорова. Его после окончания церковно-приходской сельской школы по решению общественности – мирского схода и личной просьбе учителя направили на учебу в Александровскую земскую учительскую школу за казенный счет, куда входили питание, одежда и жилье. По окончании учебы ему выдали аттестат, сообщающий, что крестьянин Николай Федоров окончил курс учения названной школы и, показав при отличном поведении удовлетворительные успехи, получил звание учителя 30 июня 1877 года.

1. Федоров А. В. в музее шк. № 20 с учащимися шк. № 6 п. Порожский, 1964 г.

Николай Федорович начинал работать в Новгородской губернии, а через три года переехал в село Усолье, затем в Иркутск, где и работал до самой революции. Работал учителем в школах Усожья, Иркутска, а затем получил повышение по службе – должность инспектора народных училищ Иркутской губернии. Был женат, из четверых детей Николая Федоровича трое стали учителями, старший сын Лев получил специальность врача.

Младший сын Николая Федоровича Виктор Николаевич после окончания Иркутской гимназии успешно окончил естественный факультет Иркутского государственного университета и был направлен на работу в село Быково Усольского района Иркутской губернии. Там он встретил молодую учительницу Тюшнякову Феоктисту Сергеевну, ставшую его женой.

Она родилась в учительской семье. Ее мать, Варвара Михайловна Тюшнякова, была сельской учительницей. В фондах Братского городского объединенного музея хранится фотография Варвары Михайловны в возрасте 8–10 лет и ее бабушки. Эту очень редкую фотографию, дагерротип, передал на вечное хранение в наш музей А. В. Федоров. Можно предположить, что фотография была сделана в 1860–1870 гг. После смерти мужа Варвара Михайловна

2. Тюшнякова Феоктиста С. с сестрой Валентиной Кривошеиной и её мужем, служащим Николаевского завода.

переехала с детьми в город Иркутск, где ее взял на работу домоправительницей сын бывшего городского главы В. П. Сукачева.

Владимир Платонович Сукачев родился в 1849 году, в Иркутске. Имя его, крупного общественного деятеля, городского главы в 1885-1898 годах было присвоено Областному Художественному музею, основой которого стала картинная галерея Владимира Платоновича. В. П. Сукачев купил участок Кукуевской березовой рощи (ныне угол 1-й Советской и Декабрьских событий) и через год построил 2-этажный особняк, где была размещена коллекция картин. Варваре Михайловне на первом этаже этого дома выделили комнату. В ее обязанности входило следить за картинной галереей, занимавшей весь второй этаж.

В этом особняке прошли детство и юность Феоктисты Сергеевны, мамы Анатолия Викторовича Федорова. Вместе с сестрами она училась в Иркутском женском духовном училище. С 1910 года начала работать учителем сельской школы. Сестры

3. Семья Фёдоровых.

Феоктисты Сергеевны Юлия, Валентина и Елена тоже стали учителями. Младшая сестра — Валентина Сергеевна работала учительницей в школе Николаевского завода Братской волости (фото 2).

Феоктиста Сергеевна исполняла обязанности заведующей церковно-приходской школы в селе Быково Усольского уезда Иркутской губернии. Деревня эта находилась всего в 12 км от печально известного Александровского центра. Там она нашла свою судьбу, там 17 августа 1922 года родился сын Анатолий, впоследствии известный краевед, основатель трех общественных музеев в городе Братске. Зарегистрировать его рождение родители смогли только 10 октября, поэтому эта дата стояла во всех документах Анатолия Викторовича (фото 3).

В 1925 году учителей Федоровых перевели в школу села Усолье (с 1949 года город Усолье-Сибирское). Там начал ходить в школу Анатолий Викторович, в начальной школе учила его мама, Феоктиста Сергеевна. В дошедшей до нас «Ведомости успеваемости Федорова Анатолия за 1932/33 года», в графах «классный руководитель» и «родители» стоит ее подпись. В 1933 году они получили направление на работу в школу крестьянской молодежи в село Братск-Острожное.

После переезда семьи в Братск сын продолжил обучение в школе села. В селе

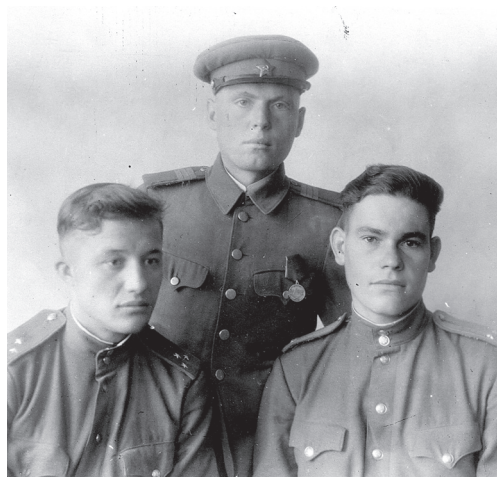

4. 11 учеников выпускников — 1940 года с учителем Карповым М. Е. и директором школы Потаповым.

Братске в то время была неполная средняя школа с 7 классами. В 1939 году средняя школа села стала общеобразовательной, и в 1940-м году состоялся первый выпуск из 11 человек, среди которых был Анатолий Викторович Федоров (фото 4).

В этом же году он был призван на срочную службу в ряды Рабоче-крестьянской Красной Армии (фото 5), а через год началась Великая Отечественная война. Анатолий Викторович служил на границе с Китаем с 1941 по 1945 год, в августе 1945 года принимал участие в войне с Японией. Демобилизовался в 1946 году в звании капитана, вернулся с Дальнего Востока в родное село Братск 7 августа вместе с женой Таисией Захаровной (фото 6), урожденной Буйновской, тоже учительницей начальных классов, как его мама.

Анатолий Викторович начал работать в школе учителем географии, заменив умершего в 1945 году отца (фото 7). В 1950 году заочно с отличием окончил географический факультет Иркутского государ-

5. А. В. Фёдоров (крайний слева) с двумя товарищами во время службы в Красной Армии.

ственного педагогического института.

За короткий срок Анатолий Викторович стал завучем, а затем и директором Братской средней школы. С 1951 года А. В. Федоров — заведующий Братским районо. Он сам встречал на пристани молодых специалистов, по комсомольским путевкам и распределению приезжающих в шко-

6. Школьники Братска с Федоровым А. В. в Москве.

лы Братского района. Одна из выпускниц учительского института города Балашова, известный учитель, Почетный гражданин Братского района Любовь Ильинична Ненько рассказывала, что они с подружкой два дня добирались до Братска на теплоходе «Маркс». На пристани их встречал мужчина в телогрейке, сапогах и накомарнике. Это был первый заведующий Братским отделом районного образования Федоров Анатолий Викторович.

В 1954 году на берега Ангары приехали

первые строители, и с этой поры таежная глухомань огласилась грохотом невиданной стройки. Настали те времена, о которых говорил им в годы учебы в школе любимый учитель — Михаил Ефимович Карпов. В своей статье «Заметки краеведа» А. В. Федоров вспоминал: «...Именно тогда, в середине 1930-х годов, впервые для нас, сельских ребят, зазвучали слова: Ангарстрой, Братская ГЭС, Ангарск, БАМ. Не раз Михаил Ефимович уверенно говорил нам, что мы будем строить это своими руками и будем жить и работать в новом светлом городе...»

В 1955 году, когда рабочий поселок Братск стал городом областного подчинения, А. В. Федоров стал первым заведующим отделом народного образования города Братска. Интересными и нелегкими были эти годы. Строительство Братской ГЭС было объявлено Всесоюзной ударной комсомольской стройкой, и в Братск ехали десятки тысяч молодых людей со всех уголков нашей страны, здесь же создавалось такое

7. Учителя Братской сельской школы, второй слева сидит в первом ряду А. В. Федоров.

же количество семей. В молодом, строящемся городе была острая нехватка учителей, воспитателей дошкольных учреждений, да и самих этих учреждений был дефицит.

В 1956 году Анатолий Викторович был переведен на должность директора средней общеобразовательной школы № 20 пос. Падун. В 1957 году он стал членом городского штаба по туризму и краеведению.

Собранные в результате туристических походов со школьниками предметы палеонтологии и археологии, образцы полезных ископаемых и минералов, гербарии и другие находки пополняли лабораторию кабинета географии. Так начал создаваться школьный музей, самый первый музей в городе Братске. Открылся музей 6 декабря 1964 года, при музее работало и школьное краеведческое общество «Планета».

В одной из статей А. В. Федоров писал: «Музей и общество обрели широкую известность. В школьном музее бывали многие делегаты из-за рубежа и разных регионов нашей страны. Проводились экскурсии, на которых гости нашего города знакомились с интересным и богатым материалом по истории Братска и Приангарья». Позднее в школьном музее побывал В. Н. Панов, историк, преподаватель Иркутского института усовершенствования учителей. В своей брошюре «Школьные краеведческие музеи», изданной в Иркутске в 1973 году, он писал о музее при Братской средней школе № 20: «В настоящее время музей занимает три небольшие комнаты, из которых одна выделена под Ленинскую. На стендах двух остальных комнат экспонируются фотографии, показывающие историю строительства Братской ГЭС, Братского ЛПК, алюминиевого завода и других новостроек города.

Другие отделы знакомят с партизанским движением в Приангарье, показывают предметы быта, сельскохозяйственные орудия, археологические находки, старинные

монеты и денежные знаки. На стендах размещены портреты командиров партизанских отрядов Приангарья: Н. А. Бурлова, Д. Е. Зверева, С. Г. Лазо, Н. А. Каландаришвили, Н. В. Дворянова и других. Посетителей привлекает бюст, изображающий прославленного командира партизан Николая Ананьевича Бурлова. В отделе быта выставлены охотничьи лыжи, обшитые камушками, части крестьянского ткацкого станка, прялки, мялка, седло, самовары и т. д.».

Сам Анатолий Викторович был организатором и активным участником всех школьных туристических слетов и краеведческих конференций. Он давно и хорошо знал, что изучение родного края проводится не только на уроке и в историческом кружке, а также во время экскурсий по городу и продолжительных туристских походов по историческим местам, туристских слетов. Без этой работы невозможно организовать школьное краеведение, заинтересовать учащихся, привить им любовь к изучению родного края. Он старался максимально использовать краеведение в преподавании своего предмета — географии, подходил комплексно к урочному и внеурочному краеведению. Положительный результат такого подхода отмечал В. Громов (бывший директор школы № 2 г. Братска) в своей статье «Учитель Федоров»: «Мне приходилось не раз бывать в музее школы № 20.

Создание музея, пожалуй, по плечу только людям одержимым. К их немногочисленному племени принадлежал учитель Федоров. С учащимися им совершались многодневные походы и путешествия, в результате которых в руки детей поступал самый разнообразный материал от предметов старой утвари до монет. Проходили встречи с участниками исторических событий в Приангарье, с партизанами из отряда легендарного Бурлова. За экспонатами и стендами музея сокрыта огромная работа учителя, нелегкий поисковый труд детей.

Но главное состоит в другом: без искренней сыновей любви к родному краю эта работа не могла быть выполнена. Походы и путешествия под руководством географа Федорова предстали в глазах учащихся невообразимо интересным и поучительным миром».

Среди грамот и благодарственных писем Анатолия Викторовича большое количество за туристскую и краеведческую работу с подрастающим поколением:

— грамота Министерства просвещения, Центральной детской экскурсионно-туристской станции (г. Москва) о награждении руководителя экспедиционного отряда средней школы № 20 г. Братска А. В. Федорова за большую экспедиционную и туристско-краеведческую работу с учащимися, от 06 апреля 1964 года;

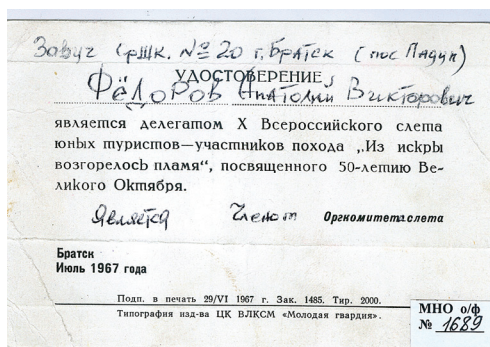
— грамота Областного отдела народного образования, Областной станции юных туристов за участие в туристско-краеведческом областном слете от 30 июня 1964 года.

Исполком Братского городского Совета депутатов трудящихся за подписью председателя исполкома В. М. Рудых (известного в Иркутской области краеведа) наградил Анатолия Викторовича Федорова 18 августа 1967 года, заместителя директора школы № 20, Почетной грамотой за активное участие в подготовке и проведении X Всероссийского слета юных туристов-краеведов, проходившего в городе Братске в июле 1967 года (фото 8, 8а).

В этих же годах Анатолий Викторович получил благодарственные грамоты от общества «Знание», где на протяжении многих лет был лектором. В ноябре 1964 года Иркутское отделение общества наградило А. В. Федорова благодарственной грамотой за активное участие в деле распространения политических и научных знаний среди трудящихся, а в марте 1965 года ценным подарком — транзисторным приемником. В 1968 году была получена

8. Пригласительный билет А. В. Федорова на X Всероссийский слет юных туристов-краеведов. 22-25 июля 1967 г.

8а. Пригласительный билет на X Всероссийский слет юных туристов-краеведов.

еще одна благодарственная грамота за распространение научных знаний.

В этом же 1968 году Анатолий Викторович получил высшее учительское признание и был награжден Почетной грамотой Министерства просвещения РСФСР за успешную работу по обучению и воспитанию учащихся за № 93559 от 26.07.1968 года. И в этом же году семья Федоровых переехала в Центральный район города Братска, где Анатолий Викторович открыл еще два музея. Первые два года Анатолий Викторович работал учителем географии в школе № 1 г. Братска. Он занимался краеведением и турслетами, об этом свидетельствует и грамота, полученная от Областного отдела народного образования и Областной детской экскурсионно-туристской станции

(ОДЭТС), за многолетнюю туристскую работу, на которой рукой самого краеведа написана дата: 26 июня 1968 года.

В 1970 году в городе прошел XII городской слет юных туристов-краеведов, посвященный 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Анатолий Викторович принял в его подготовке активное участие и удостоился грамоты Братского городского отдела народного образования. В этом же году юные краеведы приняли участие в 19 слете юных туристов Иркутской области (фото 9), а за участие в телевизионной передаче «Историческая олимпиада» А. В. Федоров был награжден грамотой Иркутского Обкома ВЛКСМ. В этом году Анатолий Викторович учил географии учащихся школы № 35, куда перешел работать в 1969 году.

Везде, где бы ни работал Анатолий Викторович, он старался сделать интересней учебный процесс, и в этом ему помогали организация и открытие в школах, где он работал, краеведческих музеев. В школе № 35 он постепенно стал накапливать материалы, чтобы открыть музей. Стараниями Анатолия Викторовича и в результате поисковой деятельности учащихся музей в школе № 35 был открыт 19 мая 1973 года.

В музеи на встречи с учащимися он приглашал интересных людей. Неоднократно у школьников в гостях был заведующий гороно Алексей Александрович Иноземцев. Много раз он бывал за рубежом, посетил 18 стран мира: Индию и Францию, Кубу и Вьетнам, многие страны Европы. Алексей Александрович охотно отзывался на просьбы Анатолия Викторовича прийти в школьный музей с рассказами о поездке. Он охотно, по словам Анатолия Викторовича, отвечал на многочисленные вопросы учащихся, потом еще долго молча ребята рассматривали открытки, монетки и бусы из сказочной и далекой Индии, деталь американского бомбардировщика, сбитого в небе Вьетнама, букварь с острова Куба, пода-

9. 19 слет юных туристов Иркутской области. 1970 г.

ренные музею Алексеем Александровичем.

В 1972 году по инициативе и под руководством ЦДЭТС Министерства просвещения СССР стартовала Всесоюзная туристско-краеведческая экспедиция пионеров и школьников «Моя Родина СССР», которая стала основной формой организации школьного краеведения в стране. Эта экспедиция, являясь составной частью Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа, объединила все республиканские экспедиции школьников, конкретизировала цели и задачи туристско-краеведческой и поисково-сборительской работы со школьниками, способствовала выработке перспективных форм и методов организации школьного туризма, краеведения.

Всесоюзная туристско-краеведческая экспедиция пионеров и школьников «Моя Родина СССР», задуманная как долговременное массовое туристско-краеведческое мероприятие со школьниками страны, проводилась по определенным этапам. Каждый этап был посвящен какой-либо знаменательной дате в жизни страны: 50-летию образования СССР и 50-летию присвоения комсомолу и пионерии имени В. И. Ленина (1972–1974 гг.), XXV съезду КПСС и 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции (1975–1977 гг.),

60-летию ВЛКСМ и 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина (1978–1980 гг.), XXVI съезду КПСС (1980–1983 гг.), 115-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина и 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне (1984–1986 гг.).

Для каждого этапа Министерство просвещения СССР разрабатывало и утверждало специальное положение. Туристско-краеведческая работа со школьниками проводилась по нескольким тематическим направлениям, в основном историко-краеведческого характера. Название каждого направления определяло тематику поисково-собирательской работы экспедиционных отрядов. На каждом этапе экспедиции экспедиционным отрядам предлагались для выполнения краеведческие задания, которые разрабатывались ведущими научно-исследовательскими, культурно-просветительскими, памятнико-охранительными учреждениями и организациями страны. Среди них были Центральный музей В. И. Ленина, Центральный музей революции СССР, Государственный музей М. И. Калинина, Государственный Исторический музей, Центральный музей Вооруженных Сил СССР, Археологическая комиссия АН СССР и др.

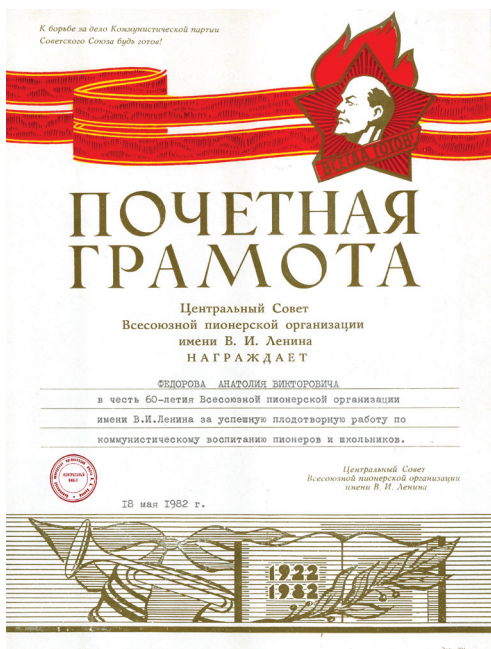
Местные штабы экспедиции, создаваемые при органах образования или станциях юных туристов, интерпретировали эти задания с учетом местных исторических и социально-экономических условий и выдавали их экспедиционным отрядам. Экспедиционные задания обеспечивались методическими рекомендациями. Выполнение экспедиционных заданий являлось основным показателем работы экспедиционных отрядов. Итоги каждого этапа экспедиции систематически подводились школьниками, районными, городскими, областными, окружными, краевыми, республиканскими штабами и Центральным штабом экспеди-

ции. Окончательные итоги каждого этапа экспедиции подводились на Всесоюзных слетах юных туристов.

Подобная, достаточно гибкая организация краеведческой работы позволяла локализовать поисково-собираТЕЛЬскую работу школьников, направить ее на решение педагогических, социальных, научных задач, эффективно использовать в деле обучения и воспитания подрастающего поколения, регулировать рост сети школьных музеев, упорядочить их профили.

В 1978 году по итогам Областной научно-практической конференции представителей лучших экспериментальных отрядов Всесоюзной экспедиции «Моя Родина СССР» грамотой Областного отдела народного образования и Областной станции юных туристов за лучший доклад был награжден Федоров А. В., учитель географии школы № 35 г. Братска. Есть еще одна грамота Иркутского городского отдела народного образования и Областной станции юных туристов о награждении Федорова А. В. за многолетнюю туристско-краеведческую работу. В 1982-м — грамота XXIV Областного слета юных туристов, проходившего в Братске, где Анатолий Викторович был старшим судьей, а также за активное участие в туристско-краеведческой работе в школах Иркутской области в течение 35 лет и в связи с 60-летием образования СССР. Еще одна грамота была вручена А. В. Федорову от Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина от 18 мая 1982 года за успешную плодотворную работу по коммунистическому воспитанию пионеров и школьников (фото 10).

В Музее народного образования Братска, последнем из созданных А. В. Федоровым музеев, среди прочих его документов хранится грамота от ЦК ВЛКСМ за большую работу по воспитанию молодежи от 31 августа 1983 года. Есть грамота Мини-

10. Грамота А. В. Фёдорову в честь 60-летия пионерии. 1982 год.

стерства просвещения СССР и Центральной детской экскурсионно-туристской станции за большой вклад в развитие детского туризма и за плодотворную работу по воспитанию подрастающего поколения.

На краеведческой конференции юных краеведов «Люблю тебя, мой край родной, хочу узнать тебя поближе» в Доме пионеров в 1984 году были подведены итоги работы по туризму и краеведению школ, где работали школьные музеи и кружки. Наиболее активным был признан музей школы № 35, основателем и руководителем которого являлся А. В. Федоров. Было отмечено, что в школе с 1980 года работали кружки: «Юный геолог», «Турист — историк — краевед». За три года ребята получили пять кубков и много грамот и дипломов за краеведение.

В 1986 году в Братск, к своим друзьям по переписке — пионерам из 35-й школы, приезжала Надежда Александровна Богданова, пионерка военных лет из Витебска. До этого времени в течение 8 лет шла пере-

писка между ребятами Братской школы и пионеркой сороковых годов. Были написаны сотни писем, велась поисковая работа, собирались альбомы, рассказывающие о человеке, трижды казненном фашистами и трижды оставшимся в живых. В неполные десять лет Надя Богданова, когда началась война, с группой детдомовских друзей ушла в партизанский отряд. Ребята под видом нищих ходили по деревням. Запоминали, где находятся штабы, караульные помещения, выведывали, сколько у немцев танков, дзотов, а потом докладывали об этом партизанам. Три раза Надя попадала в руки к фашистам.

Последняя встреча была самой страшной. Немцы при проверке нашли в нищенских торбочках ребят кубик тола, желтого, как мыло, и начались допросы, пытки. Через некоторое время деревню заняли наши. Надю выходила женщина из ее деревни. Четыре страшных года, начиная с 1943, она была слепой. Потом в Одесской клинике Надежде восстановили часть зрения, и она вернулась в Витебск. У нее появилась своя семья, но когда дети выросли, она занялась общественной работой: переписывалась с краеведами, ездила по стране, рассказывала правду о войне. Эту горькую страшную правду от нее о детях на войне услышали тогда и ребята 35 школы.

Ради таких вот встреч, поисков людей, участвовавших в исторических событиях в стране, в крае, и создавал музеи Анатолий Викторович (фото 11). Уйдя на заслуженный отдых в 1993 году, он продолжал думать над открытием в нашем городе Музея народного образования. По словам его жены Таисии Захаровны, Анатолий Викторович всегда мечтал видеть такой музей в Братске. Приезжая по делам в г. Усолье-Сибирское, он не переставал восхищаться таким музеем в Усолье. И вот долгожданная мечта сбылась — к 40-летию города Братска вместе с другим краеведом, Владимиром Федорови-

11. Учителя - краеведы А. В. Фёдоров - г. Братск, Марков Некторий - г. Усть-Кут, Нефёдов Семён Ефимович - с. Хомутово. 11 января 1986 г.

чем Герасимовым, такой музей был открыт.

Сначала он находился при Эколого-биологическом центре, затем переехал во Дворец творчества детей и молодежи и, наконец, прочно обосновался в гимназии № 1 города Братска имени Алексея Александровича Иноземцева. Этот музей бережно хранит память о своих создателях. Фонд учителя-краеведа, действительного члена Географического общества РФ, создан

при Братском городском объединенном музее. Большое количество материалов, касающихся краеведческой работы, а также личные вещи А. В. Федорова передала в музей его вдова Таисия Захаровна, за что огромное ей спасибо. А. В. Федоров ушел из жизни в 2000-м году, в марте этого года не стало и Таисии Захаровны. Память об этих удивительных людях останется в сердцах краеведов Братска.

*Л. В. Телешун, научный сотрудник
Братского городского объединенного
музея истории освоения Ангары*

ГЕРАСИМОВ
ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ

Краевед Братска. Писатель, коллекционер. Внес неоценимый вклад в историю г. Братска и Братского района. Действительный член Географического общества Академии Наук России. Возглавлял Музей трудовой славы БЛПК. Автор статей, стихов и книг: «Летопись Братска» и многих других работ по краеведению.

Он приехал в Братск 8 августа 1961 года после окончания строительного училища в Костромской области, где получил профессию белодеревщика. Работал на строительстве нового Братска. Принимал участие в строительстве первой улицы Мира до первого кольца, строил телецентр, ДК «Лесохимик», кинотеатр «Россия», работая бетонщиком, каменщиком, монтажником, просто тем, «куда пошлют» в знаменитой комплексной бригаде Виталия Ситникова.

В 1969 году он стал директором музея трудовой славы БЛПК (сейчас музей истории и технологии БЛПК). Занявшись историей БЛПК, Владимир Федорович затем собрал богатейший краеведческий материал о старом Братске и передал его в городской объединенный музей. Имя краеведа стало хорошо известно благодаря многочисленным публикациям в местной прессе.

В 1991 году вышла в свет его первая книга «Летопись Братска». Книга вышла тиражом 10 тысяч экземпляров и пополнила книжные фонды всех библиотек района, стала настольной книгой старшеклассников и всех, кому дорога история родного края.

Один экземпляр «Летописи Братска» хранится в Вашингтонской библиотеке.

На счету Герасимова В. Ф. еще несколько печатных изданий.

Большинство своих выходных, праздничных и отпускных дней провел со школьниками в походах. Он нашел вместе с ними несколько стоянок первобытных людей, их орудия труда, утварь, окаменелости растений, наскальные рисунки, незамерзающие минеральные источники. Все находки становились экспонатами школьных и городских музеев, а этот материал служил основой для газетных статей, брошюр и лекций.

Позже он стал действительным членом старейшего в России Географического общества Академии Наук.

Выходу в свет его книг предшествовала большая исследовательская работа. На протяжении 30 лет по крупицам собирал он сведения о Братске и Братском районе, изучал научные труды, отчеты экспедиций, архивные документы XVII, XVIII, XIX веков, хранящиеся в государственных ар-

хивах Москвы и С.-Петербурга, периодические издания Иркутской губернии с 1856 по 1880 год включительно, периодику советского времени.

По натуре В. Ф. Герасимов был человеком любознательным, разносторонним, увлеченным. Он писал стихи, миниатюры, собрал коллекции монет, значков, минералов.

Автобиография

Савелий Розенталь, сотрудник газеты «Красное знамя», когда-то просил нас всех краеведов написать автобиографию, ибо по его словам «вся история Братска держится на трех китах: И. Усове, В. Рудых, и В. Герасимове».

Я, Герасимов Владимир Федорович, родился в семье военнослужащего 20 апреля 1940 года в г. Свердловске. Отец, Герасимов Федор Иванович, по происхождению из Тульской области, служил после финской в Литве в г. Симно Олишувской области младшим лейтенантом 3-ей стрелковой роты 533 пехотного полка. Мать, Лялина Надежда Гаврилина, родилась в Астрахани в семье артиста-гастролера.

За два месяца до начала Великой Отечественной войны отец вызвал нас из Свердловска в Литву. Отец погиб на земле литовской в августе 1941 года.

С первых же дней войны с мамой попали в плен. Сначала мать работала у литовского кулака, а с 1943 года увезли в Германию, под Берлин в местечко Неунгаген.

20 апреля 1945 года Советская Армия освободила от фашистского плена. В октябре, после тщательной проверки в русском лагере, приехали в Советский Союз.

Пошел в школу с 9 лет. В 13 лет влюбился и стал писать стихи. Одно из первых стихотворений было даже опубликовано в мантуровской газете «Сталинский путь» — Костромская область.

Над омутом качалась
Красавица-береза,

Росою умывалась
И ветром утиралась,
Выдерживая грозы.
Зимой ее, казалось,
Согнет навек пургой,
Но как весна вступала,
Опять в росе купалась
И ветром утиралась
Береза над рекой!

Мое «оранжевое детство» в Мантурове прошло неплохо, хотя первая любовь не была взаимной.

Я еще ребенком, начитавшись Обручева и Ферсмана, увлекся минералогией и палеонтологией. На берегу р. Унжи, где находился наш поселок, возле железнодорожного моста, имеются выходы юрских пород, я собирал отпечатки древних ракушек, чертвы пальцы и др. окаменелости. У меня накапливалась большая коллекция, но однажды в наш домик забрался вор и почему-то, кроме вещей, забрал и ее. Я помню, как тогда плакал.

После десятого класса я должен был идти на службу, но из-за какой-то болезни крови меня комиссовали. В плену, по словам матери, из меня высасывали кровь фашистские врачи, а вливали заменитель крови, после таких «процедур» я неделями не мог вставать. У меня до сих пор на шее с левой стороны остался шрам.

Аттестат мне позволил поступить только в строительное училище в г. Ное, ибо в другие учебные заведения я опоздал.

Получив специальность столяра-белодеревщика, я приехал в Сибирь, и, таким образом, с 8 августа 1961 года моя нога топчет братскую землю. Вначале работал в бригаде Николая Ситникова, выполнял столярные работы в домах по улице Мира от автостанции до первого кольца. Потом до 1965 года столярничал в комплексной бригаде Т. Насырова, которая строила основные объекты в центральной части Братска (от фундамента под ключ): телецентр, банно-прачечный

комбинат на ул. Комсомольской, кинотеатр «Россия» и др.

В 1964 году поступил в вечерний целлюлозно-бумажный техникум. В 1967 году получил диплом техника-технолога целлюлозно-бумажной промышленности, перешел на работу на БЛПК. Служба в газоспасательной станции давала большую возможность заниматься историей, минералогией и палеонтологией.

С первых же дней в Братске я обратил внимание, что в газетах печаталось только о новом городе, а о старом поселении, которое появилось в 17 веке, даже не упоминалось. Стал собирать материал, и когда в 1968 году в сентябре образовался городской историко-краеведческий музей, я предложил свои услуги. Зачинали музей С. Потапов, И. Усов и Октябрь Михайлович Леонов. Вскоре передал музею более 300 экспонатов и коллекцию орудий первобытного человека.

Еще в 1963 году на Пьяном Быке подобрал гальки, чем-то похожие на орудия каменного века. Недалеко от пос. Строитель работала археологическая экспедиция. Я принес показать свои находки, но, посмотрев их, молодой человек рассмеялся и показал мне «настоящие каменные орудия». На них на самом деле были видны броские следы обработки, а мои «бульжники», по словам археолога, выглядели какими-то грубыми, в оспинках, но я почему-то их не выкинул. Впоследствии, в 1967 году, научным сотрудником городского музея Геннадием Семеновичем Уткиным был поднят подобный материал, который и отправил в Иркутск. Незамедлительно пришло подтверждение, что это орудия первобытного человека и относятся они к 20—30 тысячам лет назад. Я был рад успеху товарища и даже «тиснул» заметку в местной газете и даже в «Восточке». Тогда прибыли археологи Иркутского университета Г. Медведев и М. Аксенов, чтобы точнее установить

время находок. Сделали десятки шурфов и ... оказалось, что 20—30 тысяч лет назад в Приангарье расселялся древний человек.

В 1970—71 гг. я закончил курсы экскурсоводов. До 1985 г. водил экскурсии по Братску и БЛПК.

В 1970 г. в мае Октябрь Леонов пригласил меня вступить в Братское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, ответственным секретарем которого являлся.

По настоянию О. Леонова в марте 1974 г. появилась первая моя краеведческая работа «Музей в старом Братске». Затем была опубликована статья «Декабрист Петр Муханов».

Мою работу о декабристе заметили, и в сентябре 1975 года был приглашен в Иркутск на I-ую сибирскую научную конференцию декабристоведов, посвященную 150-летию восстания декабристов. Участники представляли научные центры Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы, Новосибирска, Иркутска и др. городов. Это был форум представителей самых разных специальностей, гуманитарных и естественных наук. С 25 по 30 сентября в зале Иркутской филармонии на самые различные темы было прочитано 59 докладов, в том числе 23 — сибиряками. В одном из докладов была упомянута моя работа о декабристе П. Муханове.

Работая в архиве революции в Москве, случайно наткнулся на документы Анатолия Федоровича Шаманского, нашего земляка, Героя Советского Союза. С большим трудом пришлось доказывать, что земля братская родила не двоих героев, а троих.

Октябрь Леонов на основании двух моих статей о декабристе Муханове и Шаманском доказал в архитектурном отделе города, чтобы в честь этих товарищей были названы улицы, что впоследствии было и сделано. Кроме того, по предложенному мной списку в новых строящихся комплек-

сах было присвоено еще шести улицам в южном Падуне и пос. Братскгэсстрой.

Первая публикация в газетах обо мне появилась через шесть дней, как только моя нога ступила на землю братскую. Я приехал в Братск 8 августа 1961 года, заметка Н. Погодаевой «Настоящие ребята» в Красном Знамени была напечатана 13 августа 1961 года: «Вот и Рудольфа Галятина и Владимира Герасимова заставила эта самая романтика оказаться в новом городе Братске. С комсомольской путевкой оба паренька после окончания строительного училища в Костромской области приехали сюда. «Почему?» «Да потому, что стройка-то молодежная!» — говорят два друга».

Первое мое стихотворение «Человек для этого и создан» было опубликовано 10 сентября 1961 году:

Я смотрю на ковш Большой Медведицы.

Из него и жажду я испить?

Скоро это будет — мне не бредится —

И на «ковш» ракета полетит.

Поброжу по всем семи я звездам,

Утоляя жажду в родниках.

Человек для этого и создан:

Воплощать, что вызрело в мечтах.

К 10-летию Братска газета «Красное Знамя» объявило конкурс на лучшую песню о городе. Я написал стихотворение «Вечерний Братск» и послал на конкурс. Оказывается, на мои слова местным композитором Юрием Владимировичем Полиенко была написана музыка, и песня даже была исполнена со сцены клуба «Юность» в честь праздника 12 декабря 1965 года. В дальнейшем этим же композитором были написаны еще две песни: «От чего ты грустила?» и «Сибирячка».

В 1973 году при городском музее создается Братское отделение Восточно-Сибирского отдела Географического общества Академии наук СССР. Председателем избран С. Ф. Шабуневич, научным секретарем — директор музея Л. А. Шевгина.

В общество вступило 7 человек: Ю. Лейдерман, О. М. Леонов, В. М. Рудых, А. В. Федоров, С. Ф. Шабуневич, Л. А. Шевгина и я.

Я полностью весь свой досуг отдавал краеведению. Но краевед слишком много знает. Знать свой край — его хлеб. Он работает с первоисточниками или с живущими рядом людьми, поэтому мог знать только истинное положение дел. Мог ли он, будучи в основном человеком простым, эту правду не писать, не говорить? Два неудобных качества были в нем: знать и любить. Это слова краеведа Гревса, который в 1926 году исчез бесследно за колючей проволокой сталинских лагерей.

Я же задумал тогда «Энциклопедию Братска», а чтобы работать над рукописью,

нужен был свободный доступ к архивам. Обратился за помощью в горком партии. Меня выслушала специальная комиссия из 10 человек. Последнюю черту подвел В. М. Рудых: «Такой работы разрешить нельзя, т. к. это явится хорошим материалом для наших врагов». Так на корню было убито мое желание.

Но, несмотря на это, я работал над другой рукописью — «Летопись Братска». Поделился с О. Леоновым, но он отсоветовал работать над ней, ибо считал, что мои краеведческие работы намного лучше и конкретнее.

Мне удалось опубликовать через газету «Летопись Братска». Потом выпустить отдельными брошюрами и, наконец, в 1992 году выпустить «Летопись Братска» в двух частях.

Собственный корреспондент газеты «Восточно-Сибирской правды» В. Монахов отметил о третьем издании книги: «... смею заверить, все доступное и достоверное вошло в «Летопись Братска», которая, на мой взгляд, квалифицированно отражает цепную реакцию хода истории. И мне, как придирчивому читателю, показалось правильным, что советский период ни одним словом не был подредактирован новыми умонастроениями. Для жанра летописи редактор первейший враг — в угоду сиюминутным задачам он чаще всего искажает ход истории. К счастью, таковых на пути этого издания не нашлось, хотя, как мне известно, многие краеведы расходятся в оценках работы В. Герасимова».

На самом деле, «взъерошились» два общества: ВООПИК и краеведов, заявив, что они категорически не согласны с изложенным материалом в «Летописи», т. к. автор не удосужился дать им на проверку рукопись.

Во-первых, это неверно. В свое время мою рукопись прочитал и дал ценные указания ответственный секретарь ВООПИК

Октябрь Михайлович Леонов;

во-вторых, предоставить рукопись обществу краеведов в то время было невозможно, ибо его еще не существовало; в-третьих, с моей рукописью познакомились коллективы музеев городского краеведческого и «Братскгэсстроя», архивариусы архивов БЛПК и БрАза, замечания которых я учел.

Действительно, я не обратился с рукописью в городской архив, потому что полностью доверял архивным документам, был уверен в их непогрешимости.

Собирать материал для летописи начал с 1967 года. Некоторые факты на сегодняшний день уже невозможно проверить. Например, я работал в библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, которая ныне перестала существовать, т. к. была сначала затоплена, а потом сожжена.

«Летопись Братска» — это не только познавательное, но и строгое научное издание, снабженное ссылками на первоисточники, дополнительным материалом, комментариями, указателем, фотоиллюстрациями, — дополняет Владимир Монахов.

Все наверняка думают, что я за свою книгу получил «сумасшедшие деньги», увы, — ни гроша. Дай бог, что за издание заплатила администрация города.

К 40-летию города была готова 3-я часть «Летописи Братска», но не нашлось хорошего спонсора. К 70-летию Братского района в Москве вышел сборник «Ангарида», в который вошли три моих: «Откуда есть пошла Ангарида», «Распространение грамотности в Братской волости», «Окинская пашня».

Сейчас готова рукопись «Старый Братск», историко-этнографические очерки с древнейших времен до 1961 года. К сожалению, чтобы ее издать нужно 50 млн рублей, которых у меня нет.

В черновике лежит работа «Камни говорят...» об окаменелостях, найденных в земле Братской. Подбирается материал для

книги «Климатологическая история Братска», которая расскажет о климате, погоде и экологии с древних времен до наших дней в хронологическом порядке. Видимо, это мои последние работы по краеведению.

На Братском лесопромышленном ком-

плексе отработал 30 лет, 15 лет из них в музее БЛПК, который создавал с 1979 года в ДК «Лесохимик», потом заново с 1982 года в техникуме. 2 500 экспонатов и более 170 000 посетителей — вот итог моей работы.

20.10.97 год. В. Герасимов.

Библиография:

Книжные издания:

1. Герасимов В. Летопись Братска: Рекомендации в помощь лектору, пропагандисту, политинформатору, агитатору. — Братск, 1982.
2. Герасимов В. Летопись Братска: Рекомендации в помощь лектору, пропагандисту, политинформатору, агитатору. — 2-е изд., доп. и перераб. — Братск, 1985.
3. Герасимов В. Краткая хронология развития Братского лесопромышленного комплекса. — Братск, 1990.
4. Герасимов В. Декабрист Муханов на поселении: Ист. очерк. — Братск, 1991.
5. Герасимов В. Памятники и памятные места Братска /Сост. В. Герасимов — Братск, 1991.
6. Герасимов В. Летопись Братска: В 2 ч. — Иркутск: Изд-во Ирк. ун-та, 1992. — Ч.1. — 167 с.; Ч.2. — 127 с.: ил.
7. Герасимов В., Федоров А. Народное образование в Братске и Братском районе. — Братск, 2000. — 150 с.
8. Герасимов В. Братск-острожный: В 2 т. — Братск, 2001.
9. Герасимов В. Природа Братска и его окрестностей. — Братск, 2001. — 176 с.
- Публикации в периодических изданиях:
10. Герасимов В. П. Муханов в Братском остроге //Кр. Знамя. — 1975. — 18, 24, 25 окт.
11. Герасимов В. За власть Советов //Кр. знамя. — 1977. — 11 нояб.
12. Герасимов В. Интервью о прошлом: [История образования Братского района] //Огни Ангары. — 1977. — 24, 28 сент.
13. Герасимов В. В честь декабриста //Вост.-Сиб. Правда. — 1983. — 4 дек.
14. Герасимов В. Письма с фронта //Кр. Знамя. — 1983. — 12 мая.
15. Герасимов В. На пути к 10 миллионам: 1965—1983 гг. //Брат. целлюложник. — 1984. — 12, 19 мая; 2, 13, 16, 20, 23 июня.
16. Герасимов В. Братск и декабрист Муханов //Кр. Знамя. — 1985. — 14 дек.
17. Герасимов В. Помним имя его: [об А.Ф.Шаманском] //Брат. целлюложник. — 1985. — 9 мая.
18. Герасимов В. Башня Братского острога //Кр. Знамя. — 1987. — 11 апр.
19. Герасимов В. Братск революционный //Кр. Знамя. — 1987. — 3, 4, 9, 10 сент.
20. Герасимов В. Дом В. Рябикова //Кр. знамя. — 1987. — 6 июня.
21. Герасимов В. Улица Рябикова //Кр. знамя. — 1987. — 11 июля.
22. Герасимов В. Мемориал Славы //Кр. знамя. — 1987. — 15 авг.
23. Герасимов В. Николаевский завод //Красное знамя. — 1988. — 4, 18, 25 июня; 2, 9 июля.
24. Герасимов В. Первая политическая: [о проведении первой политической демонстрации в Братском остроге] // Кр. знамя. — 1988. — 12 нояб.
25. Герасимов В. Улица декабриста Муханова //Кр. знамя. — 1988. — 19 марта.
26. Герасимов В. Огнеопальный: [о протопопе Аввакуме] //Кр. Знамя. — 1990. — 30 авг.
27. Герасимов В. Братчане в Великой Отечественной войне //Кр. Знамя. — 1991. — 7 июня.
28. Герасимов В. Сколько их было: К 360-летию Братска-острожного // Кр. знамя. — 1991. — 20 февр.

- 29.Герасимов В. Ангариды, или начало жизни земли Братской // Брат. лесохимик. — 1992. — 25 янв.
- 30.Герасимов В. Ангарский жемчуг // Знамя. — 1994. — 19 нояб.
- 31.Герасимов В. О нашем музее: [о музее истории и технологии БЛПК] // Братский лесохимик. — 1994. — 2 нояб.
- 32.Герасимов В. Не сохранили красоту.. [о деревянной церкви, построенной в Братском остроге в 1840 г.] // Вост.-Сиб. правда. — 1995. — 24 мая. — С.7.
33. Герасимов В. Были свои Ломоносовы: [Из истории школ Братской волости] // Знамя. — 1996. — 16 марта.
- 34.Герасимов В. «Распутка сеял ячмени» // Знамя. — 1996. — 25 июня. — С. 3.
- 35.Герасимов В. Как встречали Новый год жители Братска до революции // Братск Православный. — 1999. — № 1. — С.4.
- 36.Герасимов В. «В Сибири горесть, по несчастью, не так убийственна...»: К 200-летию со дня рождения П. Муханова // Вост.-Сиб. Правда. — 1999. — 6 янв. — С.2.
- 37.Герасимов В. Аввакум // Твоя газета. — 2000. — № 34. — С.3.
- 38.Герасимов В. Валентин Владимирович Рябиков // Твоя газ. — 2000. — 10 авг. — С.3.
- 39.Герасимов В. Город и район — вместе // Знамя. — 2001. — 22 мая. — С.5.
- 40.Герасимов В. Муханов Петр Александрович: Имена Братска // Знамя. — 2001. — 9 февр. — С.2.
- 41.Герасимов В. Петроглифы Долгого порога // Знамя. — 2001. — 16 нояб. — С.5.
- 42.Герасимов В. Старый Братск // Твоя газ. — 2001. — № 5. — С. 3.
- 43.Герасимов В. Сколько району лет? // Знамя. — 2003. — 30 мая. — С.4.
- 44.Герасимов В. Его улица: [о Герое Советского Союза А.Ф.Шаманском] // Знамя. — 2005. — 8 февр. — С.2

Л.В. Телешун

Савицкая Е. П. (Есипова),
Семёнов В. М., г. Братск

ОТ ТУНГУСОВ ДО ЧАЛДОНОВ

13 марта 2019 года исполнилось 10 лет со дня смерти историка, братчанина Владимира Михайловича Семенова. Он был выпускником ИГУ, археологом, изучал историю Братского района, Братска острожного, топонимику, геологию, генеалогию, историю затопленных деревень Братского района. Он был моим однокурсником, и мы иногда печатали совместно исторические статьи в городской газете «Красное Знамя» в 90-х годах об истории нашего города.

Эта статья была опубликована ранее в Газете «Единство действий в Братске» № 24 от 15 июня 2006 г., а также в Книге «Ангарида», посв. 70-летию Братского района в 1996 году.

Вашему вниманию предлагается наша совместная статья с Семеновым В. М., чтобы почтить его память.

В исторической литературе устоялось мнение о том, что Братский острог, построенный на стрелке Оки и Ангары, располагался в районе расселения бурятских племен. По нашему мнению, однако, он не был поставлен на землях бурят, поскольку их самый северный и наиболее близкий к старому Братску бурятский географический пункт — Мельхитуй — был расположен южнее по окинскому лесостепному коридору на добрые сотни километров. Буряты никак не могли, будучи полукочевыми (конными) скотоводами, существовать в таежной зоне, т. к. их лошади и скот были основой хозяйства, и это никак не годится для условий тайги. Из этого можно сделать вывод о том, что окрестности поставленного в 1631 года

первого острога населяли тунгусы, а также разрозненные мелкие племена тюрков, сойотов, кетов и асанов. В 1626 году тунгусы рассказывали Максиму Перфильеву:

«Брацкая земля богата, и людей в ней много, и многих малых землиц. Товары в Брацкой земле соболи, лисицы и бобры ... много». Из этого становится понятно, что «сидячие» — южные эхирит-булагатские буряты и их консолидированные племена в Аларских степях облагали ясаком («объясачили») «малые землицы» тунгусов, а также и другие местные племена.

О расселении эвенков близ будущего Брацкого острога косвенно свидетельствует и посещавший острог во время переезда по Ангаре и Байкалу Николай Спафарий в 1675 году.

«... живут тунгусы многие и промышляют соболи и бобры, и иной всякий зверь».

Возможно ли нам себе достоверно представить, каким же образом протекала жизнь первопроходцев и их потомков — «обживателей» окрестностей Брацкого острога? В

популярном изложении, но строго следуя историческим документам, мы сделаем попытку воссоздать суровое столетие второй половины XVII — середины XVIII веков: времени правления царя Алексея Михайловича и императора Павла I.

Итак, прежде всего нам следует выяснить, а кто же были эти не лишённые мужества первые переселенцы земель Среднего Приангарья? В отличие от практически освоенной торговыми и промышленными людьми Западной Сибири наше Приангарье испытало на себе вторжение так называемого служилого люда. Это была особая категория мужского населения России, в обязанности которой входило взимание ясака с местного населения, постройка, охрана и управление укрепленными административными пунктами (острогами).

Это были казаки и представители администрации: воеводы, служащие приказной избы (писари), дворяне. К этой же группе относились и некий вспомогательный персонал: кузнецы, винокуры, плотники, солевары,

рудознатцы и т. д. Первые служилые люди, заложившие зимовья, а затем и Брацкий острог, не имели своих семей. Семью имели лишь воевода Пашков и его сын (строители нового Брацкого острога 1655—1656 гг.).

Поэтому совершенно неудивительно, что Сибирский приказ в Москве был завален челобитными вроде той, которую отправили из Енисейска в 1630 году: «...цели, государь, нам прислать из Тобольска нам женочек на ком жениться, а без женишек, государь, нам быти никак не мочно».

К этому следует добавить, что неких женок и девок в Приангарье поступало исключительно мало и чаще всего они оседали еще в Енисейской губернии. Именно по этой причине освоение вновь приобретенных территорий активизировалось лишь к началу второй половины XVIII века — первой волне переселения из Поморья, из части северной стороны России. Именно к этому времени относятся и упоминания в документах года основания населенных пунктов будущей Брацкой волости.

Названия старинных деревень по году их основания:

Ершова — 1649 год, Нижняя Шаманка — 1649 год.

Гарменка — 1678 год, Пашина — 1676 год.

Подъяланка — 1699 год, Матера — 1669 год.

Тенга — 1658 год, Банщикова — 1687 год и т. д.

Исследователь женского вопроса в Сибири в XVII веке Н. Н. Оглоблин так характеризовал состав первых русских жителей Сибири: «В большинстве это была бессемейная и бездомовая гольтѣба, привязанная к известному городу или острогу, и единственно здесь получаемым «государственным жалованием» да возможностью «погулять» тут после походных лишений — «добраться до хмельного зелья», «пития, табаку, игры в зернью» и т. д.

Затем по царскому указу в 30-х годах XVIII века сюда переводится пашенное крестьянство. Они прибывали сюда обычно в ссылку или шли как «семейские» — так называли терпевших за веру старообрядцев, которые не приняли церковную реформу патриарха Никона. Сюда же по этапу пригоняли клейменых людей, с рваными ушами и носами ярых преступников.

Вот поэтому в Сибири были весьма распространены фамилии Карнаухов — с оборванными или обрезанными ушами.

Клейменов — с выжженными на лбу или на щеках словами «вор», «преступник».

Непомилуев — человек, которому было отказано в помиловании и в освобождении от назначенного наказания.

Непомнящий, Безотчество, Беспрозванных — люди, которых поймали без паспорта и которые отказывались называть свою истинную фамилию.

Но самой любопытной прослойкой, которая формировалась в Сибири, становились насильно крещеные тунгусы и буряты. Они занимались огородничеством, подражая русским людям, осваивали уход за скотом и обучали русских охотничьим премудростям в тайге.

Позволим себе добавить любопытный факт истории. Нынешним братчанам будет интересно узнать о том, что их предки более чем три столетия назад столкнулись в этих местах не только с бабром (исчезнувшим животным рода кошачьих), а также и с одnogорбыми верблюдами — хаптагаями. На этих-то верблюдах в верховьях Оки и Ии приезжали в окрестности Брацкого острога буряты. Между прочим, верблюды исчезли из Куйтунского района только в середине 50-х годов XX века параллельно с затоплением водохранилищем пастбищных угодий и утратой в колхозах и совхозах навыков ухода за этими животными.

Грамотные европейцы (русские и ино-

странцы), волею судьбы попадавшие в окрестности Брацкого острога, не жалели слов и эпитетов для описания экзотики аборигенов. Так, военнопленный шведский офицер Вербер, будучи жертвой Северной войны, которую Петр I вел за выход к Балтийскому морю, проезжая волоком с Илима на Ангару, останавливался в Брацком остроге. Он сделал об этом запись, в которое выражал неимоверное удивление от всего, что он увидел в этих местах:

«Летом народы эти (тунгусы) ходят нагие, живут вообще очень бедно. Они блуждают подобно оленям и порой дня по четыре остаются вообще без всякой пищи. Покойников своих они не хоронят, а кладут на высокие деревья. У них существует странный способ делать лицо красивым (по их понятиям): в детстве они вышивают щеки выкрашенными в черный цвет нитками в виде всякого рода фигур. Все это они оставляют в коже на несколько дней, а затем вытягивают нитки. Вследствие чего остаются черные точки и следы от вышитых на щеках фигур. Чем больше кто из них обезображивает свое лицо подобными болезненными прокалыва-

ниями, тем красивее и знатнее считается у своего народа».

Не следует думать, что вокруг Брацкого острога толпами ходили тунгусы, угрожая спрятавшимся за частоколом острожной изгороди русским казакам непонятным оружием. Уже к началу XVIII века на отрезке Ангары от устья реки Вихоревки и до устья реки Оки существовало около десяти поселений и зимовий. Это Тонга, Матера, Аникина и другие русские поселения. Население на весь Илимский уезд было в пределах 12,1 тысяч человек. В то же время местных «народцев» (тунгусов, бурят, татар и т. д.) было всего 800 человек. Это число постоянно варьировалось: летом роды и отдельные семьи выходили из тайги на берег Ангары и группировались вокруг острога. В зимнее время года они вновь исчезали на зимних постоянных стойбищах, поскольку летние были временными сезонными местами их обитания.

Царский Кабинет не однажды посылал своих администраторов для того, чтобы больше узнать о новых землях Приангарья, а также получить возможность закартографировать их и выяснить возможности дополнительной присылки новых преступников, государственных крестьян, «гулящих женок» в суровый край Сибири. Нужно же было осваивать сибирский регион как экономически, так и политически. К тому времени как Брацкий острог, так и сама волею управлялись приказчиком, назначаемым губернским воеводой.

Приказчик обладал абсолютной властью на местах, и он творил многочисленные бесчинства. Местное население часто обиралось до нитки. Так, каждый мужчина (женские души не шли в статистику) должен был сдать десятую часть урожая царскому Кабинету. Далее он должен был вносить плату за содержание самой Канцелярии, служилого люда и за так называемый «винный хлеб» — за производство водки.

Русское население в течение 4 дней на одну имеющуюся лошадь обрабатывало некие «прогонные», т. е. занималось доставкой почты, а также государственных чиновников по дорогам на Илим — Лену, и Тулун — Нижнеудинск. Иностранцы должны были уплачивать подушный ясак «мягкой рухлядью», т. е. пушниной.

Время с середины XVIII века до середины XIX века — самое страшное время произвола местных властей и издевательств над аборигенами и русскими людьми. Исторические документы сохранили до нашего времени сведения не только о сожжении первого Брацкого острога бурятами, но и о крупном выступлении народных масс против власти приказчиков. В исторической литературе эти факты известны как восстание в Брацком остроге.

Поясним на примере. В 1695–1696 годах посадские люди и пашенные крестьяне были возмущены безобразиями, творимыми приказчиком Христофором Кофтыревым. Он откупил у государства право на выгонку хлебной водки и стал заставлять покупать ее в местных селениях по высокой цене. Кофтырев вынуждал посадских людей бесплатно работать исключительно на себя самого, а за неповиновение сразу вводил ясак. В вину Кофтыреву вменялось то, что он-де брал взятки, присваивал кашу, а в страдную пору заставлял крестьян рубить лес. К посадским крестьянам присоединилось служилое казачество, которому из года в год не выплачивалось жалованье и не выдавался хлеб. Отказывались платить ясак «плохому люде» и местные буряты и тунгусы. Во главе восстания, если следовать документам, были Григорий Бессонов, Митяй Кириллов, Данила Терентьев.

В результате Кофтырев был изгнан, и на него была написана царю челобитная грамота, которую отправили в Енисейск. «Дело Кофтырева разбиралось более десяти лет, и, наконец, указом Петра I приказчик был

освобожден от должности, а на нее был назначен сын Максима Перфильева. В течение 10 лет существовала эта «Брацкая республика».

По разрешению вопроса с назначением нового приказчика восставшие вернули в целости Приказу всю казну, хлеб, а также ружейные припасы. Это историческое событие в выразительной художественной форме было отображено в книге иркутского писателя Г. Кунгурова «Артамашка Лузин».

В завершении очерка об этом суровом столетии формирования населения Приангарья позволим себе одно замечание. Дело в том, что местные старожилы с удовольствием рассказывают после баньки эту историю, называя себя «желторотыми чалдонами». Это выражение давно уже не имеет под собой первоначальной обидной окраски, а, скорее всего, звучит уже с гордостью. Здесь есть две версии происхождения этого словесного оборота.

Древние истории гласят о том, что наши деды слово «чалдон» в своем мифотворчестве производили от сокращения слов «че-

ловек с Дона». Дескать, свободный казак с Дона искал здесь счастья. А то, что он желторотый, то это, скорее всего, некое местное обзывательство.

Более правдиво выглядит иная точка зрения. Когда арестанты шли в Сибирь по этапу, их собирали в так называемые «желтые роты» (по цвету их арестантской одежды), сшитой из обеленного холста. Эти роты были сформированы на перерассыльных пунктах отрядами до 200 человек. Многие арестанты наряду с обкорнанными ушами (карнаушие) и выдернутыми ноздрями были начисто лишены языков. Языки им вырывали в наказание за «злые слова и дерзкие речи», брошенные сторяча или по неосторожности в адрес хозяина, царя или барина, т. е. человека благородной крови.

Безязыкие, естественно, не выговаривали слов. Если же они пытались говорить, то это было совершенно непонятно, т. е. ДОДОНИЛИ или ЧЕЛДОНИЛИ. Вот эти-то безязыкие арестанты, сфор-

мированные и пригнанные в т. н. желтых ротях, и были первые чалдоны. Слово это вначале имело несколько ироничный оттенок, а позднее семантика этого слова была полностью утрачена. Надеемся, что сегодня мы вполне восполнили этот пробел.

Литература

Александров В. А. Русское население Сибири XVII—XVIII вв. (Енисейский край). М., 1964 г.
Будинский П. И. Заселение Сибири и быт первых поселников. Исследование. Харьков, 1889 г.
Кожухов Ю. В. Русские крестьяне Восточной Сибири в 1/2 XIX в. 1800—1861 г. ДГУ, 1967 г.
Материалы по исследованию землепользования и хозяйств быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Т. 1, Иркутск, 1889; Т. 2 вып. 1—5, Т.3, 4, Вып. 1—6. Иркутск, 1893—1894 г.

Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб, 1865 г.

*Е. П. Савицкая — председатель
Братского отделения областного
общества Краеведов Приангарья.
Историк, краевед, экскурсовод и педагог.
Город Братск Ирк. обл.*

КРАЕВЕДЫ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ: НИНА ФЕДОРОВНА ЖМУРОВА СИБИРЬ, СИБИРЬ, ГОРЖУСЬ, ЧТО Я ТВОЙ СЫН...

*Ж*мурова Нина Федоровна родилась в деревне Вишнякова Киренского района Иркутской области. После окончания школы она приехала в Братск, окончила Братское медицинское училище, работала в больницах города. Замужем, воспитала троих сыновей.

Жмурова Нина Федоровна является членом двух литературных обществ города Братска: «У Сербского» и «Откровение». Свои произведения она публиковала в коллективных сборниках братских поэтов: «Счастье быть собой», «Отражение», «Откровение», «Живое слово Братска», «Братск творческий», «Приморская 49».

Кроме того, публиковалась она и в авторском журнале «Северо-Муйские огни» (Бурятия), в литературно-художественном журнале «Метаморфозы» и «Мир животных» (Республика Беларусь).

Жмурова Нина Федоровна — участница и победительница конкурсов:

«Люди встречаются, люди влюбляются» (3-е призовое место), «Дай, Джим, на счастья лапу мне» (2-е призовое место). «Листок календаря» (1-е призовое место в газете «Ленские зори» Киренского района).

Нина Федоровна — автор семи книг: в 2011 году вышел ее первый поэтический сборник «Дари тепло». В 2012 году — книга

прозы «Когда цвела черемуха», в 2014 году — книга сказок для детей «Барыня-сударыня». В 2016 году вышла детская книга стихов «Подарите радость детям» и «Помнить дольше, чем живу» — книга прозы о затопленных деревнях Усть-Илимским морем.

В 2017 году Жмурова Нина Федоровна печаталась в поэтическом сборнике «Здесь сердцу мило все» и в 2018 г. — вышла книга прозы «Возвращаюсь к родным берегам», в которой говорится об исчезнувших и исчезающих деревнях Киренского района, о людях, сельском хозяйстве, войнах, о моей малой родине. Не раз она приглашалась на творческие встречи в школы, детские сады, библиотеки и на встречи с детьми, а также и со взрослыми.

«Радость жизни заключается для меня в том, что можно на своем пути встретить человека-сокровище, залюбоваться его душой, и уже невозможно себе представить, как же раньше жилось без него. Таким человеком для меня стала Нина Федоровна Жмурова — братчанка, писатель, поэт, сказочница и краевед. Эта обаятельная и тихая женщина очень скромна, внимательна к людям, и ее учила сама жизнь», — Савицкая Е. П.

Краеведение позволяет мне познакомиться с людьми — кладами, и сегодня я бы хотела познакомить сибиряков с этой удивительной женщиной. Впервые мы увиделись на конференции, посвященной теме затопленных деревень Братского района. Обычный доклад, но необычное изложение: во всем чувствовалась глубокая душа, нежность к родной земле и огромная тоска по утраченной Родине. По профессии Нина Федоровна медицинская сестра. В 1973 году она окончила курсы медицинских сестер — воспитателей детских яслей. После окончания 1977 году Братского медицинского училища она работала медицинской сестрой в больницах Братска.

Мы познакомимся с Ниной Федоров-

1969 г. д. Вишнякова

ной на творческой встрече с писателем Анатолием Казаковым, разговорились, и тогда я спросила Нину Федоровну: «Как же вы, очень занятой человек, пришли к писательскому труду? Как появились ваши первые книги и стихи? Расскажите мне, пожалуйста!»

И вот — ее история началась. Когда Нина Федоровна вышла на пенсию в 2008 году, она уже писала стихи, но периодически, а чаще всего она писала сценарии на любые темы и к праздникам для своих детей, когда они учились в школе, когда в них участвовали и дети, и их родители. Однажды Нина Жмурова пришла в клуб им. Виктора Соломоновича Сербского, где прочитала несколько своих стихотворений. Вначале ее очень раскритиковали, но Нина упорно хотела знать, а что же в ее стихах не так. Она стала много читать стихов разных авторов, улавливала рифму, думала о форме и размере стихотворного ритма.

Приобрести опыт помогали поэты-писатели, соратники по перу. Они подсказывали, корректировали, заставляли думать, искать изюминку стиха, слагать рифмы, а

через год ее стихи набрали силу и приобрели то, чем можно зачитаться и заслушаться любому человеку, которому дорога Сибирь, и который тонко чувствует прелесть простой человеческой жизни. Так к Нине Федоровне Жмуровой пришло признание поэтов и общественности города Братска. В этих стихах все пропитано родным краем, его красотой, любовью к людям, семье и уникальной неповторимостью тех мест, где Нина Жмурова выросла и жила в детстве.

Первая ее поэтическая книга называлась «Дари тепло».

Не подняться деревне из-под толщи воды.

Нам уже никогда не вернуться домой.

Мы там жили, любили, не ждали беды...

Все, что память хранит, поделюсь, друг, с тобой.

Заведующая библиотекой в то время Москвитина Катерина Васильевна посоветовала ей писать еще и книги о родной земле. Так появилась идея написать первую краеведческую книгу, которую она посвятила мужу Ивану. Любопытно, что книга «Когда цвела черемуха» была написана и пода-

рена мужу Ивану на его Юбилей. Она рассказывает о затопленной Усть-Илимским водохранилищем родине — деревне Туба. Книга вышла в свет в 2012 году.

Вторая книга Нины Жмуровой о малой Родине называлась «Помнить дольше, чем живу». Материалом для книги «Помнить дольше, чем живу» поделились жители села Московское. Московский Иван Михайлович — тремя ученическими тетрадами, в которых все записи о труде, жизни людей, войнах были написаны мелким почерком. Мария Ивановна Чупина принесла фотографии и выписки из архива. Нина Федоровна работала над этими документами, записывала воспоминания Ивана Михайловича и соседки Маши, оформляя страницы книги, добавляя к ним краски и стихи. Эта книга была написана о селе Московское, ныне тоже затопленном Усть-Илимским водохранилищем.

Для книги «Помнить дольше, чем живу» были использованы документы из архива города Братска. Написав эти две книги об исчезнувшем селе и деревне, Нина Федоровна подумала о том, что ее родная деревня Вишнякова не сгорела и даже не оказалась на дне рукотворного моря. Из 47 дворов-построек осталось всего десять. Нина Федоровна всегда хотела написать о становлении деревни, о предках, прадедах, обо всей родне и, конечно же, о своих земляках, об их жизни, чтобы наши дети, выросшие в городах, знали и помнили историю, ушедшую в века.

Начался кропотливый сбор исторического и архивного материала для новой книги. Нина Федоровна тщательно записывала все воспоминания своей мамы, бабушки, братьев, вспомнила то, что рассказывали ее сестры и землячка Елена Алексеевна Смолина, которой уже исполнилось 95 лет. Она — настоящий кладезь информации, много рассказывает о труде крестьян в деревне, особенно в военное время.

Нина Федоровна встретила со многими земляками, прослушала все их воспоминания о родной деревне. Один из таких — Садохин Владимир Петрович, которому сегодня 85 лет. Он даже нарисовал Нине Жмуровой план деревни Вишнякова до 1950 года и отметил на нем расположение домов по улицам, сказал, кто в каком доме жил, как звали земляков и даже сколько у них было детей в семье. Что и говорить — прекрасная память!

Нина Федоровна ездила за историческим материалом в город Иркутск и Киренск, долго работала в архивах. Оказалось, что многие документы безвозвратно утрачены либо сгорели на пожарах, либо по особому приказу были уничтожены, или по халатности некоторых работников не были переданы в архив. Наконец, новая книга вышла. Она оказалась очень большой, но красивой — настоящим итогом многолетнего литературного труда!

Книга «Возвращаюсь к родным берегам» родилась в 2018 году к юбилею деревни, и в это же время исполнялось ровно 10 лет, как Нина Жмурова пришла в литературный Клуб «У Сербского» и «Откровение». В новой книге 20 больших глав. Здесь рассказывается об открытии Сибири вообще, о строительстве и красотах родной деревни, о труде и жизни ее соседей-земляков.

Из книги Н. Жмуровой «Возвращаюсь к родным берегам»:

«Чувство Родины, как родничок, черпающий силы у матушки-природы. Вишнякова — наш маяк, берег и причал. Мы уехали, но мы не оторвались от тех мест, где родились и жили, крепко связанные узами памяти с родной землей, с нашими предками и родителями. С годами это чувство крепнет, не исчезает связь с дорогим нашему сердцу краем, нашей малой Родиной».

Две большие главы посвящены войнам: Гражданской и Великой Отечественной, а есть и другая — она о том, как в XVII веке

строились деревни на реке Лене, а еще о том, как все они росли в детстве, как играли, как помогали родителям по хозяйству, как проводили праздничные дни и колхозные народные собрания. В книге очень много уникальных фотографий земляков, и здесь много уделено внимания каждой указанной семье.

Книгу открывает стихотворение «Родина моя».

Родина моя — это тропочка до школы.

Родина моя — это птичий гам веселый.

Дом бревенчато-тесовый,

Корабельный лес сосновый.

Плач рожденного ребенка,

Песня звонкая девчонки.

Родина моя — это мамина улыбка.

Родина моя — это спящий кроха в зыбке.

Хлебосольные селяне, земляничные поляны.

Родниковая водица, золотистая пшеница.

И земляки говорят множество добрых и теплых слов в благодарность за прекрасные воспоминания и за сведения о Родине — родной деревне Вишнякова.

Деревня Вишнякова — это Киренский район Иркутской области. С 1994 по 2007 год Нина Федоровна не была в родных краях, а когда вернулась, то ужаснулась, увидев разруху.

«В 2012 году здесь уже зияла пустота и разорение. Последний раз я была в деревне в 2017 году, когда работала в архиве и беседовала с земляками», — рассказала писатель Нина Жмурова. Она со слезами на глазах вспоминает о том, что в 2007 году она посетила родные берега, побывала вновь на родных просторах своей любимой Родины и увидела то малое, что осталось от любимой деревни. В 2012 году здесь уже зияли пустота и разорение... Старики либо ушли в мир иной, либо переехали к детям, некоторые разъехались кто куда.

Нина Федоровна говорит о том, что именно тогда она и захотела написать новую

книгу — для того, чтоб оставить о деревне память тем, кто сейчас является ее выходцем. Начался новый поиск документов и большая кропотливая работа по ночам.

Книгу «Возвращаюсь к родным берегам» с любовью и благодарностью Нина Федоровна (работала над книгой с 2015 по 2018 год) посвятила в том числе и своей маме — Пласкеевой Анне Павловне (Таракановой), своим родным и близким людям, а также и всем землякам.

Краевед Нина Жмурова так написала посвящение в книге:

«Мне интересна жизнь не только близких, но и земляков, самых обычных, которые жили в деревне. Каждая семья интересна по-своему, а история уникальна по-своему.

Дорогие мои земляки! Мне хотелось бы, чтобы книга «Возвращаюсь к родным берегам» вам понравилась. Она вышла в свет к 370-летнему Юбилею деревни Вишняковой! Я писала ее с любовью ко всем вам, вкладывая в нее смысл и всю душу. Конечно, многие интересующие меня моменты я не нашла в документах, и эти события остались не описанными, а жаль! Когда уже книга была сверстана, я нашла в Интернете «Книгу памяти» о репрессированных. Из шести земляков нашей деревни было оправдано только двое, четверых расстреляли по статье № 58. Я работала над книгой почти четыре года и за это время сумела найти многих родственников доселе мне неизвестных, и с которыми мне еще предстоит встретиться. Я познакомилась со многими своими земляками, мы созваниваемся, и они ждут мою книгу, интересуются родственниками и соседями-земляками. Жаль, что я поздно начала писать. Многие ценные свидетели событий той незнакомой для нас жизни — родители, наши деды уже ушли в мир иной.

Дай Бог, Вам всем здоровья, удач, и пусть эта книга порадует всех вас!»

Не прощаюсь, люблю и помню,
Прикипела навеки душой.
Посвящаю, свой долг исполнив,
Книгу — память тебе, край родной!

Посвящаю и нашим предкам
От сохи что проделали путь.
К внукам, правнукам, нашим деткам
Обращаюсь, прошу: «Не забудь,

Как, зажав в кулак силу воли,
Наши предки смогли одолеть
Войны, выпавшие на долю,
Лихолетье голов претерпеть.

Все, что было и все, что будет,
Все, что, друг, окружает тебя,
Берегите, любите, люди,
Ведь без этого жить нам нельзя!»

То ли Бог, то ль, судьба — не знаю,
Нас с тобой повенчали, мой край!?
Вдалеке от тебя мечтаю
Вновь вернуться в чудесный тот рай!

**Стихи автора книги
«Возвращаюсь к родным берегам»
Н. Ф. Жмуровой.**

Мало кто так искренно и проникновенно может любить свою Родину, а ведь это наш общий долг, наша святая обязанность — передавать свой опыт, свои знания, свои наставления тем, кто придет вслед за нами! Конечно, не всем уготована судьба стать поэтом или писателем, но это и не обязательно, однако святая обязанность всех нас — любить родную землю, родных людей, уважать тех, кто живет с нами рядом, и помнить то, что завещали нам наши предки — сибиряки.

Н. Ф. Жмурова.

Когда цвела черемуха

Раскинув руки в стороны, доверчиво

прижавшись к земле, как к матери, на берегу залива спал мужчина. Рядом, охраняя его безмятежный сон, сидел мальчик лет пяти. Теплый ласковый ветерок качал цветочки и беззаботно шевелил черные кудрявые волосы спящему мужчине.

— Ваня, мы тебя по всему поселку ищем, а ты вот где пристроился, что у тетушки в доме места мало? Перепугал ты меня, а Вовку-то зачем увел? — мужчину разбудил возмущенный голос жены.

— Не ругайся, дорогая, здесь так хорошо, спокойно, это же мои родные края. Не уходи, посидите с сыном рядом со мною, посмотрите на воду, подышите чистым воздухом, благодать-то какая!

Вода чайного цвета спокойно плескалась о берег и тихо нашептывала тайну прошедшего времени.

— Вот сейчас нырну, проплыву пять километров, окажусь в своей деревне, — Иван грустно вздохнул, на глазах навернулись слезы. — Рукой подать, а не ступишь на крыльцо родного дома, не пройдешь знакомой улицей, все утопило Усть-Илимское море.

— Какие красивые места были у нас, может, есть красоты в других местностях, но мои родные края — одно из самых замечательных чудес на земле. Закаты в полнеба, зори, не успев расстаться, целовались при встрече друг с другом. Тайга без конца и края, луга заливные, пахнущие медом и цветами. А как буйно по весне цвела черемуха по берегам звонкой, серебристой речонки Туба. Небо синее высокое с золотистыми лучами солнышка, радуга расписная над полем, реки, в которых водилась всякая рыба.

Да разве обо всем расскажешь, это нужно видеть, с этим нужно жить. Бережно хранит моя память поспевающие хлеба, волнующиеся, как море, запахи вспаханной земли. Голоса птиц, мычание коров, ржание коней, плеск волн, русскую песню, девичий смех. Все это встает передо мною со вчерашней ясностью.

дер. Вишнякова.

Бывало, летишь на самолете и, пролетая Качинскую сопку, видишь дорогу моему сердцу — деревню Туба. Как будто выбежала она на пригорок и остановилась, заглядевшись в речку. Несколько переулков, длинная улица вдоль правого берега реки Илим, вместили в себя сорок пять крестьянских дворов.

Потемневшие от времени, шоколадно загоревшие на солнышке теплые бревенчатые домики-избы, как ласточкины гнездышки, уютно прилепились друг к другу. Подперев небо трубами, поблескивая стеклами глазастых окон, приветливая, как мать, весело встречает тебя родная деревенька. С высоты, как на ладони, открывается панорама моих родных просторов. Внизу, по течению реки, деревню окружают бескрайние поля, вверху, против течения — заливные луга. За деревней — поля, а дальше — лес. У нас все было, что полагается сибирской крестьянской деревне.

Клуб, где дети за пять, а взрослые за

двадцать копеек смотрели фильмы, где любил собираться деревенские жители: попеть, поплясать, просто пообщаться. Сельсовет, мне всегда казалось, что за столами, где много разных бумаг, сидят очень умные, строгие люди, которые о чем-то рассуждают и очень много едят. Контора, здесь все время что-то считали, брякая костяшками счетов, прибавляли, отнимали, писали, мусолили карандаши. И по делам, без конца скрипя дверью, туда-сюда входили и выходили люди.

Церковь, высокая, хранившая что-то таинственное, интересное, с позолоченными куполами, в мое время в ней размещались мастерские. За церковью была пилорама, здесь на доски пилили большие бревна. Как крупа, из-под зубьев пилы сыпались желтые, душистые, смоляные опилки. Кузница, ребятишки, мы часто собирались возле нее. Нам было интересно, как молотом и молотками стучали по раскаленному железу, которое лежало на наковальне, как раскаленный

красный прут, железяку, для закаливания стали, погружали в ведро с холодной водой. Вода хлопотала, бурлила, выпускала белый пар, как будто сердилась, приводя нас в неопикуемый восторг. Нам часто разрешали покачать мех, чтобы раздуть жар в горне.

Сейчас уже смешно вспоминать, а тогда мы устраивали потасовки, вставали в очередь, чтоб разжечь угли. Красные, с горячими языками пламени, они дышали жаром, обжигая наши лица, руки и ноги. Вот почему кузнец всегда был прокопченным и задымленным. Любили мы смотреть, когда подковывали лошадей, это всегда интересно. Лошадь вводили в отгороженное место-станок, привязывали, осматривали копыто, на которое должны были прибить подкову. Подрезали, подстригали шерсть, убирали костяные наросты, грязь, примеряли подкову и прибывали ее гвоздями к ороговевшему копыту.

Возле кузницы всегда были какие-то бочки с солидолом, техническим маслом, валялись железяки, болты, гайки, ненужные подковы. Мы набивали ими карманы, для нас это были необходимые вещи, приносили и складывали в укромном месте, подковы прибывали в сарае для счастья. Кое-что из принесенного пригождалось: большие гайки и болты шли на грузила к закидушкам, и мы кое-чем даже обменивались друг с другом. Болты, гайки, шурупы мы так же находили в ремонтных мастерских, где помогали отцам. Больше, наверно, мешали, но были довольны, когда отцы разрешали что-то принести, смазать техническим маслом какую-нибудь железку.

В мастерских и на территории стояли трактора, машины, сеялки, конные грабли, все, что подлежало ремонту. На земле вечно было все в масляных разводах. В мастерских пахло выхлопной гарью и отработанными техническими газами. Приходили мы домой голодными и усталыми. За испачканную, а иногда порванную одежду, попадало от ма-

терей, но гордость за то, что мы помогали, была сильнее всыпанного ремня, засыпали спокойным, сладким сном.

Магазин, в нем можно было купить все: всевозможный материал, обувь, одежду, хозяйственные товары. Одеколон, спички, соль, предметы туалета, мыло.

Это была торговая лавка смешанных товаров, куда мы с превеликим удовольствием ходили с матерями. Наши мамы покупали сахар, разные крупы, макароны, масло, печенье, конфеты, халву и компоты. Детский сад посещали дети, которых не с кем было оставить, когда родители были на работе.

Фельдшерский пункт пах таблетками, йодом, зеленкой, ребятишки обходили его стороной. За редким исключением, если случалась беда, в больнице оказывала нам помощь фельдшер Вера. За дворами, где стояли комбайны, были две конюшни, редкий день мы не бывали на конном. Внутри, на стенах конного дома, висели уздечки, хомуты, сбруи, пахло конной упряжью, дегтем. Нам разрешали кормить, гонять на водопой, убирать в стойлах, чистить и купать коней.

А летом, на сенокосе, мы на конях возили копыны и косили траву. Это было любимое время всех пацанов. За полями, у самого леса, была ферма, дальше — телятник. Здесь был особый запах, запах коров и парного молока. На ферме была молоканка, где принимали молоко, а потом через большой сепаратор прогоняли его. По одному желобку бежали вкусные, жирные, теплые, сладкие сливки, по другому — обезжиренное молоко — обрат. Обрат спаивали телятам или сквашивали до простокваши и делали из нее творог. Из сливок — сметану, из сметаны сбивали масло, а пахту, остатки от сметаны пили, до чего же вкусные были все эти молочные продукты!

За фермой был свинарник, когда мама там работала, мы с братом помогали ей кормить поросят. Свиной было очень много, а

поросят, казалось, еще больше. Все бегают, визжат, хвосты крючком, носы пятчком. Чуть подальше, в лесу — лисятник, выращивали красивых черно-бурых лис. Один раз произошел интересный случай.

Ночью с леса пришел топтыгин, ох, и как же напроказничал мишка, разворотил лисятник, лисы разбежались. Переполоху было, а что делать, где лис искать, как их собирать? А они до того привыкли к своему месту жительства и к режиму такого питания, что нагулялись и все до одной в назначенный час да и пришли в лисятник на ужин.

А еще у нас даже была своя пасека, вкусный мед и злущие пчелы. Был родник — церковный ручей, поскотина, где взрослые и ребяшня играли в волейбол и футбол. За деревней, за фермами был свой аэропорт. В тайге сделали просеку — взлетную полосу, садился и взлетал самолет «АН-2».

Вот только школы в нашей деревне не было. Она была в поселке Корсукова на левом берегу реки Илим. Осенью и весной переплавлялись мы на лодках, а зимой по льду — пешком. А ходили в любую погоду: прожигает ли холод, льет ли дождь, сечет ли снежная крупа, солнце ли припекает, как на работу, колесила ребяшня по дороге жизни в школу. В реку Илим впадало много ручейков и речушек, но самая красивая, чистая, звонкая, напевная, серебристая — речонка Туба. Все с давних пор и поныне очень дорого мне.

С глубоким чувством любви и уважения к земле и землякам Иван мысленно вел нас по своим родным местам. Лицо то оживлялось улыбкой, то омрачалось грустью воспоминаний. Глаза сияли особой, ведомой только ему одному, лучистой радостью.

Нравилось мне, когда первая молоденькая, остроконечная травка, пробивая морщинистую кожу земли, топорщилась нежной, зеленой щетинкой. С каждым днем все гуще и гуще наряжая лик земли в зеленый,

цветной ковер. А двор словно был застелен изумрудным половичком гусиной травки. Всюду бегали куры, кукарекали петухи, лаяли собаки, мычали коровы, ржали кони, визжали поросята, гоготали гуси. Все это гомонило, пищало, пело, копошилось, жило с утра до позднего вечера бок о бок с веселым, деревенским, многоликим крестьянством.

Каждая изба-двор была похожа на своего хозяина: либо ладная, прибранная, ухоженная, избушка-теремок. Все к месту приложено, ничего не разбросано, порядок, сразу скажешь, что здесь живет добротный, мастеровой человек. Либо все тяп-ляп, в народе о таких людях говорят: нерадивый, руки не с того места растут или стяжина-лень несусветная.

Во дворах были хозяйственные постройки: амбары, хлева, подслеповатые, подкопченные бани, сарайки, где хранились дрова. За постройками были огороды, которые подходили на свою хозяйку. Все, что росло на приусадебной земле, вся огородная овощь, разность — купчихой выглядела. Ни былинки, ни травинки лишней, все прибрано, подвязано, ухожено. Все ровненько, чинно, ладненько растет, пышет, цветет, наливаются. Чтобы земля не подвела, не подводи ее в любви своей. Про такую хозяйку говорят: домовитая, хозяйюшка-огородница.

На другой огород глянешь, глаз некуда положить, все заросло лебедой, мокрецом, крапива выше забора, все вкривь и вкось. Не хозяйка здесь живет, а ленивая растяпа. Везде и во всем нужна забота, стремление, радение, сноровка и любовь к земле. Земля, как дитя, ласку любит.

А земля-то у нас — пух, черная, удобренная, пахать и копать одно удовольствие. А по вспаханной жирной, рассыпчатой, теплой земле идешь босиком, нога по щиколотку проваливается. Эх, утопили такие пойменные, обжитые веками золотые места!

Иван прерывисто, шумно вздохнул, про-

2005 г. д. Вишнякова

глотив ком то ли грусти, то ли нахлынувших воспоминаний, продолжил.

— Закрою глаза и как наяву вижу мамину тропку на ферму и маму. Встречая чуть проклюнувшуюся зарю, бежит она доить коров. А вон, твердо шагая по торной дороге, идет в мастерские или выезжает в поля на тракторе отец. Дороги, деревенские дороги, по которым спешили на работу. От зари до зари трудились взрослые на колхозных полях, фермах. У нас сеяли зерновые, кукурузу, садили картошку, конопля росла за конюшней самосевом, из конопли делали веревки. Сеяли здесь свою пшеницу Тубинка, из ее муки выпекали пышный, вкусный, духмяный хлеб. И, казалось, вкуснее того хлеба я не едал ничего подобного.

Отец мой был вечно в поле. Он и пахал, и сеял, и косил, сено в стога метал, хлеба жал. От него пахло сеном, хлебом, пылью, соляркой. Все женщины трудились либо на ферме, доили коров, либо растили телят, поросят и лис. У мамы было четырнадцать коров, всех надо подоить, накормить и убраться. Доярки успевали помочь весной на полях, летом — на сенокосе, осенью убирать зерно и овощи с полей. Весной, когда с рек сходил лед, мужики неводом ловили рыбу.

Всю пойманную рыбу делили на всех жителей деревни. А рыба-то была отменная: и таймени, и сиги, и ленки, щуки, о разной мелочи я уж не говорю. Колхозники зря без дела не сидели, трудились, не покладая рук. Это их трудами пополнялись государственные запасы молочными продуктами, мясом, зерном, медом, пушниной, овощами. Кроме колхозной много было работы на личном подворье.

А осенью собирай урожай, а там грибы и ягоды в лес зовут, успевай, не зевай. Когда был собран урожай с полей, сдан государству, засыпан в закрома, заготовлено все впрок, люди занимались домашними делами. Мужчины с октября по первопутку уходили в лес на охоту. Если зверя в тайге было много, охотились до января, если охота была плохая, выходили раньше.

Зимой мужчинам работы тоже хватало. Вывозили дрова из леса, сено с лугов, солому с полей, работали на конном и помогали женщинам на скотном дворе. А сколько приходилось времени тратить весной на заготовку дров для колхоза и для своего дома. С середины марта и до конца апреля уходили на день семьями в лес. Валили топорами сушняк, выбракованный лесничим лес, пилили двуручной пилой, кололи колунами на

чурки и складывали в поленицы для просушки. И что удивительно, при всей занятости, трудоемкости ежедневного труда, в любое время года, не было суеты, нервозности. Люди никуда не бежали, сломя голову, как в городе. Все делалось не впопыхах, а равномерно, сезонно, в срок, все могло и успевалось.

Еще и еще раз мне хочется сказать, может, я вновь повторюсь, если скажу, что у нас были самые красивые места. Где бы я ни бывал, где бы ни ездил, я таких красот не видел. Прекрасные заливные, цветущие всеми красками луга. Поля, где колосились зерновые культуры. Душистее воздух, длиннее лучистые, светлые зори. Где-то под ложечкой чуть сдавит, защемит сердечко, затуманит слеза глаз от радости, что ты видишь красоту поспевающего хлеба. Пшеница, как море волнуется, когда волны бегут по поспевающим хлебам. Рожь, с огрузневшим колосом, склонила голову, ждет, чтобы ее погладили. Красота! Любуйся, не налюбуешься!

А какие красивые, интересные праздники были у нас! Особенно весной, когда цвела черемуха. Ее аромат наполнял окрестные места, дурманил, пьянил взрослых, волновал и звал в свои благоухающие заросли молодежь. Заканчивались посевные колхозные работы, посадка овощей, отсаживались сельчане и на личных подворьях наступал небольшой роздых от трудов-забот.

В это время проходили маевки. Сельчане собирались где-нибудь у леса или у речки под черемухой, накрывали поляну, выставя нехитрую деревенскую снедь. Поздравляли люди друг друга с тем, что вовремя отсыались, положили зернышко в теплую, жирную земельку. Прошла пора весенней страды, можно дать душе праздник. То ли от белых туманов над водой, то ли от кипени заневестившейся красивой черемухи, то ли от того, что во время отсыались, светлели лица людей, разглаживались морщинки. А

вот уже и песня под звуки баяна поплыла над родными просторами, закружились пары в танце. И ты поплыл, поплыл над землей и вновь увидел, как пашет трактор, как по паханому полю, проваливаясь по щиколотку, бегут босоногие ребятишки. Как в жирную черную землю падает золотое, отборное зерно, а за сеялкой важно вышагивают птицы. Ощущение праздника и радости — выше всего.

Осенью, когда были убраны овощи, обмолочены зерновые культуры, наступал праздник урожая, праздник отжинок. Опустевшие поля укрывались инеем, рябина наряжалась в красные бусы, сельчане собирались в клубе. Правление колхоза отчитывалось перед колхозниками о проделанной работе за год. Сколько сдали зерна государству, сколько сложили в колхозные амбары-закрома. Никого не обходили вниманием, всех благодарили и поощряли, премировали подарками, не забывая посильный детский труд.

Все заканчивалось веселым гулянием, шутками, песнями, пляской. Развернет наш дядя Миша баян, и поплывут по кругу, вальсируя, пары. Вновь тогда увидишь, как волнуется рожь, как падают скошенные травы в цвету, а потом пласт за пластом вырастают зароды сена. А когда пойдут отбивать каблуками дробь молодойки, когда заскрипят половицы от бойких, охочих до русской пляски женщин, не усидят мужики спокойно в сторонке.

Эх, ма, кутерьма, бабы да девчонки...

Раззадорившись, раскинув руки в стороны, закружат рядом с женщинами, как коршуны, запарят свободно, легко, как орлы. Или пойдут, пойдут вприсядку. Тут и частушка приспела с переборами, кто кого перепоеет, кто кого перепляшет:

Я бедовая бабенка
 День гуляла, два спала.
 На работу не ходила,
 А ударницей была.

Пропоеет звонкий женский голос и тут же басовитый мужской подхватит:

О — е - е, да о - е - е
Я залезу на нее,
На нее, на бравую,
Березоньку кудрявую.

И снова увидишь, как плывут по полю комбайны, как сыплется золотое зерно из бункера комбайна в кузов машины или мешки. Мешки, как солдаты, становятся рядами, рядами, рядами. Или увидишь картофельное поле, на котором лежит крупная, круглая или, как лепехи, овальная картошка, успевай собирать. А вон там убирают хрустящие, тугие кочаны капусты. Заполняют разными овощами амбары, закрома, подвалы.

И было-то весело не от выпитого, а от радости общения, от чувства гордости, от того, что не зря живешь на земле. Не хлебом единым жив человек. А в клубе уже поют песни. А песне той было тесно, и места ей было мало, и вот она уже рвется наружу и летит над притихшей деревней и опустевшими, опущенными первым снежком, грустными полями. И так же, как тогда весной, когда цвела черемуха, светлели лица людей, теплели души, становилось радостно на душе.

Тогда мы еще не знали и не ведали, что все эти красоты, эти пойменные жирные земли окажутся под водой. Что всех моих родных и земляков разбросает судьба по разным уголкам России. Тогда нам просто хотелось работать, учиться, мечтать, растить детей, петь и плясать.

Хотелось нам творить, любить и просто жить по-человечески там, где уважали и гордились тобой, где вольно кружили над землею птицы, где ласточки вили гнезда,

где в реках плескалась рыба, где колосилась рожь, где цвела черемуха.

Иван замолчал и долго еще смотрел на воду, видимо, еще пребывая в родных краях. За столь короткий отрезок времени, от детства до юности, он снова прожил большую, счастливую, наполненную всеми красками жизнь!

Заключение

Нина Федоровна Жмурова очень надеется на то, что нынешнее молодое поколение будет достойно этого опыта и этой исторической памяти нашего народа, и пусть молодое племя приумножит наши успехи, наш опыт жизни и передаст его следующему поколению сибиряков, тем, кто сегодня еще даже пока что не родился.

Мы, краеведы Приангарья, историки и этнографы, от всего сердца благодарим дорогую нашу землячку и братчанку за трудолюбие, за ее огромный и прекрасный итог по изучению истории своей малой Родины и за то наследство, которое она оставила сибирским потомкам!

Низкий поклон Вам, Нина Федоровна, за прекрасные книги, а также стихи и сказки маленьким сибирякам! Пусть Муза не покинет Вас, и пусть Ваше перо будет легким! Пусть оно подарит нам новые прекрасные книги, согретые теплом Вашего горячего и доброго сердца! А мы будем стараться быть достойными памяти наших предков-сибиряков, ведь у них есть то многое, чего мы не умеем и пока даже не знаем!

С уважением и благодарностью за ваш труд, краеведы Приангарья и жители Иркутской области!

Записано и отредактировано с согласия автора Н. Ф. Жмуровой.

Е. П. Савицкая.

ЛИСТАЯ ВРЕМЕНИ СТРАНИЦЫ И ДУМАЯ О ПРЕЖНИХ ДНЯХ...

(История ссылки в острожный Брацк князя Юрия Долгорукова)

В истории политической ссылки Брацка острожного XVIII столетия остается много «белых пятен». В. Н. Шерстобоев упоминает трех явных «государственных преступников», которые были высланы в Илимскую волость не за воровство или иные злодеяния, а обозначены как видные деятели оппозиции самодержавному режиму. Среди них генерал-майор князь Юрий Долгоруков и князь Илья Чюрмантеев (1).

Поскольку целью данной статьи было стремление выяснить биографические подробности сосланного в Брацкий острог в 1737 году одного из князей Долгоруковых (князя Юрия), то описание его роли в оппозиции было бы невозможно без рассказа о роли тех представителей семьи, которые были причастны к т. н. «заговору верховников» 1730 года. В данной статье мы попытаемся обобщить результаты историко-генеалогических изысканий в родословной князей Долгоруковых. В краеведческой литературе в какой-то мере уже раскрыты некоторые малоизвестные стороны политической ссылки Брацкой и Илимской провинции середины XVIII века, но мы хотим привести некоторые свои выводы в дополнение к уже известным фактам.

Ни одна из 29 ветвей князей дома Рюрика не имела в первой трети XVIII столетия стольких представителей в управлении Империей, сколько дало многочисленное семейство князей Долгоруковых (2). И все это несмотря на то, что немало лиц этого «гнезда», возвысившись, затем под-

верглись жестокой опале и сложили свои головы в смутные времена правительницы Софьи Алексеевны и императора Петра I (3).

Особенное возвышение при дворе князей Долгоруковых в 20-х годах XVIII столетия стало возможным благодаря поражению партии Светлейшего князя А. Д. Меншикова и последовавшей за этим чередой дворцовых интриг против коалиции семейств Голицыных и Долгоруковых. Светлейший князь, обладая безграничным, почти гипнотическим воздействием на императрицу Екатерину I, стал в 1725-1727 годах фактически единоличным правителем огромной страны.

В таком всевластии, невольно растеряв ощущение действительности, А. Меншиков по воцарении в 1727 году малолетнего императора Петра II Алексеевича сумел добиться его помолвки со своей дочерью Марией. Посчитав, что он практически уже стал тестем двадцатилетнего Петра, А. Меншиков резко оградил его от всяческого внешнего общения. Он поселил царевича в своем доме и навязал ему тот образ жизни, который ни в коей мере не устраивал рано развившуюся самостоятельность юного монарха.

Истории известно о том, что с самого момента своей помолвки Петр начал тяготиться своей невестой, которая, между прочим, была старше его на четыре года. Петр всячески избегал каких-либо с ней отношений, а публично мог даже назвать ее «холодной статуей». Через весьма короткое время после помолвки он всерьез был увлечен своей родной теткой — Елизаветой Петровной!

Пытаясь сохранить свой status quo единовластного главы правительства с правами регента, Меншиков совершил ряд опрометчивых шагов, унижающих как императора, так и цесаревну Елизавету. В дворцовых кругах это было воспринято как

беспредел, «бесстыдная узурпация власти» и привилегий императора. Врагам Меньшикова уже ничего не стоило окончательно очернить Светлейшего князя в глазах императора и подсказать ему, как одновременно можно избавиться и от узурпатора, и от «ненавистой» невесты.

В том же 1727 году Светлейший князь и генералиссимус А. Д. Меньшиков был лишен всех чинов, званий, имений и кавалерий. Как мы знаем, вся его семья последовала в ссылку на островное поселение Березов. С семьей Меньшикова отправился в ссылку и бывший обер-камергер Петра II, сын всеильного князя Александр. На его место был назначен старший из сыновей члена Верховного Тайного Совета князя Алексея Григорьевича Долгорукова князь Иван.

Именно назначение князя Ивана обер-камергером двора и день ото дня крепнущая его дружба с императором Петром II положили начало небывалому влиянию Долгоруковых в высшем правительственном

органе — Верховном Тайном Совете (4).

Сам же несовершеннолетний император находился под сильным очарованием от семьи нового обер-камергера. Долгоруковы использовали свой способ отстранить Петра II от государственных дел, отправляя его на любимую долговременную забаву — охоту в леса под Тулой и Рязанью.

Таким образом, на протяжении почти 3-хлетнего царствования Петра II важнейшие государственные посты занимали князь Долгоруковы и поддерживающие их князь Голицыны. Особняком держались хитрый Остерман да граф Головкин. Упрочив свое положение, они даже во времена Анны были спокойны, хотя в этот период головы Долгоруковых уже падали с плах (5).

Верховный Тайный Совет фактически возглавил имевший в петровской «Табели о рангах» чин действительного тайного советника князь Василий Лукич Долгоруков. Военным ведомством в то время руководил его дальний родственник — фельдмаршал

в чине действительного тайного советника князь Василий Владимирович. Возводящую на престол или низвергающую с него дворцовую Гвардию курировал князь Юрий Юрьевич еще задолго до ссылки в Брацк острожный. Он служил адъютантом у своего родного дяди фельдмаршала Василия Владимировича в звании генерал-майора.

Отец Юрия Долгорукова Юрий Владимирович был старшим братом фельдмаршала. Будучи майором Преображенского полка, он, возглавляя карательный отряд по сыску беглых крестьян на Дону, в сентябре 1707 года был разбит казаками Кондратия Булавина. Юрий Владимирович погиб в бою, но через год войска булавинцев были наголову повержены Василием Владимировичем в местечке Кривая Лука.

Третьим Долгоруковым, который вышел из недр Верховного Тайного Совета, был отец обер-камергера Петра II князя Ивана — Алексей Григорьевич Долгоруков, действительный тайный советник. И, наконец, последний, носивший тот же чин по «Табели о рангах», брат-близнец фельдмаршала Василия Владимировича — князь Михаил Владимирович.

Кроме указанных правительственных особ к этой фамилии можно присоединить еще более десяти Долгоруковых, занимающих ту или иную ступень управления империей. Причин, которые привели семейство Долгоруковых к опале, казням и ссылке, достаточно количество. Попробуем разобратся по порядку.

«Верховнику» князю Алексею Григорьевичу, имевшему четырех сыновей и трех дочерей, удалось склонить юного Петра II к женитьбе на своей средней дочери Екатерине. Император, питая глубокую привязанность к брату Екатерины обер-камергеру Ивану, согласился. Однако за день до свадебной церемонии заболевший оспой Петр II в ночь на 19 января 1730

года скончался, не оставив духовного завещания. В этом случае перед Верховным Тайным Советом встала задача срочного определения наследника Российского престола из числа потомков по прямой линии Петра Великого и Ивана V (6).

Через несколько часов после смерти императора состоялся семейный совет Долгоруковых, на котором князь Алексей Григорьевич, получивший поддержку брата Сергея, предложил возвести на престол невесту Петра II — свою дочь. Для этой цели было изготовлено специальное завещание (как стало известно, его сумели ловко подделать) Петра II, но категорически выступили против этого решения два других брата — Василий и Михаил.

На заседании Верховного Тайного Совета Голицыны, Остерман и Головины сразу объявили завещание «подложным», а невесту Петра вообще не приняли во внимание. Князья Долгоруковы, рассчитывавшие на поддержание Гвардией кандидатуры Екатерины при посредничестве князя Юрия Юрьевича Долгорукова, внезапно отступились от своих планов. Адъютант фельдмаршала не мог игнорировать мнение своего дяди и поэтому участвовать в дебатах по завещанию и по наследнице престола тоже не мог.

Консолидация «верховников» произошла лишь при поиске реальных претендентов на царский престол. Уже в самом представительстве Верховный Тайный Совет отрицал интересы богатой аристократии и в меньшей степени рвущихся к власти дворянства и разночинцев. Избрав на престол Анну Иоанновну, вдовствующую герцогиню Кудрянскую (7), «верховники» разработали ей условия, следуя которым она имела право принять Российский престол (т. н. «Кондиции»). Архивы не сохранили для истории даже черновиков этих «Кондиций», а сам подлинник был, по преданию, разорван самой Анной Иоаннов-

ной, когда ей стало известно, что условия предоставления права престола содержали ограничения самодержавной власти (8), и это было попыткой аристократической олигархии еще более «возвыситься» во власти.

Одной из главных причин низвержения Долгоруковых, а также и других деятелей Верховного Тайного Совета, многие историки считают одно из требований «Кондиций», а именно: «недопущение» приезда в Россию вместе с Анной Иоанновной Эрнста Бирона. В придворных кругах ходили упорные слухи о сильном его влиянии на герцогиню Курляндскую. Скорее всего, этот пункт в «Кондициях» был, и он вполне подтверждал зависимость впоследствии Анны от Бирона, а также саму роль «немцев» во внутренней и внешней политике России и преследования князей Голицыных и Долгоруковых.

Хроника ссылки Долгоруковых исторически делится на два периода: 1730-1738 годы и 1738-1743 годы. 9 апреля 1730 года последовал высочайший Указ императрицы о высылке семьи любимца Петра II в отдаленные имения Пензенской губернии. Спустя пять дней после этого был обнародован и Манифест, по которому князья лишались «всех чинов и кавалерий». Алексея Григорьевича отправляли в дальнюю деревню, в которой «ему велено жить безвыездно за крепким караулом».

Как оказалось, это была лишь превентивная мера, императрица и Бирон готовили более жесткое (но характерное для XVIII века) наказание.

Уже будучи «за караулом», Алексей Григорьевич, а также и все князья Долгоруковы, причастные к подложному завещанию Петра II и составлению «Кондиций», 12 июня 1730 года получают высочайший Указ следующего содержания:

«Того ради послать князя Алексея Долгорукова с женою и со всеми детьми в Ора-

ниенбург. Князя Василия — в Соловецкий монастырь, князя Ивана Григорьевича сына — в Пусто-Озеро (Пустозерский монастырь) (9). Уже через три дня все имения Долгоруковых были конфискованы в пользу Кабинета Ее Императорского Величества.

Как видим, опала и ссылка более всего коснулись семьи «верховника» Алексея Григорьевича и его сына, бывшего обер-камергера Ивана. По традиции тех времен за отцов отвечали как супруга, так и их дети. Поэтому статистика гонений на «гнезда» Долгоруковых выглядит странно и впечатляюще.

Общий список тех, кто был сослан в «дальние деревни» и Березов:

Генерал-фельдмаршал, член Верховного Тайного Совета, действительный тайный советник князь Василий Владимирович Долгоруков (родился 1667, умер 11 февр. 1746 г.). Находился в ссылке со второй супругой. Детей в браке не было.

Его брат-близнец, член Верховного Тайного Совета, действительный тайный советник князь Михаил Владимирович (родился в 1667, умер в 1750 г.). В ссылке находился с двумя сыновьями и двумя дочерьми.

Член Верховного Тайного Совета, действительный тайный советник князь Василий Долгоруков (казнен 26 октября 1739 г.), не женат.

Член Верховного Тайного Совета, действительный тайный советник князь Алексей Григорьевич (умер в Березове в 1734 г.) Его супруга Прасковья Юрьевна, урожденная княжна Хилкова, и их семеро детей: Иван (обер-камергер) с супругой Натальей Борисовной, урожденная Шереметьева; сын Михаил (второй их сын умер в Березове). Братья Ивана — Николай, Алексей и Александр. Сестры Анна, Екатерина (невеста Петра II) и Елена, будущая жена Юрия Юрьевича Долгорукова.

Брат «верховника» Алексея Григорьевича — князь Сергей Григорьевич, действительный тайный советник (казнен 26 октября 1739 г.) отбывал ссылку с женой Мартой Петровной, урожденной баронессой Шафировой. У них было четыре сына и дочь.

Братья предыдущих — Иван (казнен вместе с Сергеем Григорьевичем) был не женат, и Александр Григорьевич с супругой, урожденной Салтыковой.

Генерал-поручик, адъютант фельдмаршала Василия Владимировича Долгорукова князь Юрий Юрьевич.

Всего в опале и ссылке был 31 человек из членов разветвленной фамилии Долгоруковых. Второй этап гонений на эту семью начался с доноса в 1738 году подьячего Тишина, подавшего Тобольской канцелярии «извест о хулении» Долгоруковыми императрицы Анны Иоанновны, «о неметчине», захватившей власть в России, и конкретных высказываниях о герцоге Курляндском Бироне.

Хотя неофициальные повторные гонения начались годом раньше с подобного же доноса на князей Сергея Григорьевича и Юрия Юрьевича.

Князь Юрий Юрьевич в 1737 году был сослан в Брацкий острог. Сергей Юрьевич попал под пресс жесточайших преследований по доносу подьячего Тишина. К 1738 году в живых уже не было князя «верховника» Алексея Григорьевича, который умер в Березове за четыре года до кровавой расправы.

Летом 1738 года по отписке Тобольского губернатора бывший обер-камергер Иван Алексеевич был заключен в земляную тюрьму (10), а его братья Иван, Николай и Алексей Алексеевич были этапированы в Тобольск. Продержав Ивана три месяца в земляной тюрьме, власти вывезли его в губернский город, где он трижды подвергался пытке на дыбе, и тогда-то бывший

обер-камергер начал давать признательные показания на своих родственников. В результате на эту же дыбу пошли его дядя Сергей Григорьевич, Василий Лукич и другой дядя — Иван Григорьевич.

Показания Ивана против родственников были настолько тяжелы в обвинениях, что решением Кабинета Ее Императорского Величества сам князь Иван Алексеевич был приговорен к казни колесованием, а его оба дяди и Василий Лукич были приговорены к отсечению голов.

Свезенные в Новгород Долгоруковы 8 ноября (25 октября ст. ст.) 1739 года были подвергнуты тяжким наказаниям. Иван был четвертован, дядья и Василий Лукич были казнены отсечением голов, а родным братьям вырезали языки. В 1740 году братьев Долгоруковых сослали для работы на судах второй экспедиции Беринга. Николай был сослан в Охотск, Александр — на постройку судов на Камчатке, а Алексей был определен матросом и ходил на судах в дальние экспедиции.

Сосланных в дальние места и имения

сыск не коснулся, и поэтому никто к дознанию в отношении Долгоруковых не был привлечен. Сестры Ивана Алексеевича позднее из Березова были пострижены в различные монастыри Сибири. Екатерина — в Томск, Анна — в Верхотурье, а в Тюмень — Елена. Возвращение князей Долгоруковых из ссылки началось лишь в конце царствования Анны Иоанновны.

Далее по случаю рождения у Анны Леопольдовны и принца Антона Ульриха Брауншвейгского сына Иоанна (будущего императора Ивана VI Антоновича) первой прощение получила Наталья Борисовна Шереметова — жена бывшего обер-камергера Петра II Ивана. Она вернулась в европейскую Россию в октябре 1740 года с двумя детьми, которые родились в Березове. Это были Михаил и Дмитрий.

Дворцовый переворот графа Миниха 8 ноября 1740 года, провозгласивший Анну Леопольдовну правительницей при младенце императоре Иване Антоновиче, явился закатом всевластия Бирона. Герцог Курляндский был сослан в Пелым, а о начавшейся амнистии Долгоруковых забыли более чем на год. Лишь возведенная Гвардией на царский престол в конце ноября 1741 года Елизавета Петровна отметила свое царствование традиционными милостями и процентами. Они коснулись и непосредственно князей Долгоруковых.

Во все концы полетели указы о помиловании «невинно сосланных»: Тверь, Томск, Верхотурье, Брацк острожный, Охотск, а также только что основанный Петропавловск-Камчатский. Оставшиеся к тому времени в живых князья Долгоруковы возвращались в родовые имения, но «чинов и кавалерий» вернуть было уже некому. В апреле 1742 года Указ о помиловании князей был доставлен в Петропавловск-Камчатский, где на судах Второй Камчатской экспедиции командора Беринга работали сыновья знаменитого «верховника» Алек-

сея Григорьевича: князя Николай, Алексей и Александр Долгоруковы.

В октябре 1742 года князья прибыли в Иркутск. Сюда же, кстати, были доставлены и амнистированные из Охотска жертвы интриг Бирона князь Алексей Васильевич Барятинский и пострадавший еще в 1727 году от генералиссимуса А. Д. Меншикова генерал-лейтенант граф Антон Девиер, который даже в ссылке был правителем Якутска, а затем Охотска! (11).

Таким образом, получилась такая вот своеобразная партия «возвращенцев» из глубин Сибири. Поскольку путь партии пролегал не по санному следу еще только строящейся Московской дороги-тракта, а водой вниз по Ангаре, то отъезд амнистированных из Иркутска был отложен до следующего года, потому что Ангара в тот период рано покрылась льдом (12). Лишь в середине марта 1743 года ссыльные прибыли в Брацкий острог.

Здесь к ним присоединились князь Юрий Долгоруков и доставленный с Усть-Кутской судоверфи князь Илья Чюрмантеев, работавший в Ленской ссылке на снабжении Камчатской экспедиции (13). В столице князья Долгоруковы появились этим же летом. Бывший член Верховного Тайного Совета фельдмаршал князь Василий Васильевич, обласканный уже как год, три оставшихся года своей жизни был президентом Военной коллегии. Князя Юрия Юрьевича, который безвинно провел пять лет в ссылке в Брацком остроге, императрица Елизавета Петровна удостоила чина генерал-майора и определила вновь служить адъютантом своего дяди. После его смерти повелела служить в Военной коллегии.

В 1733 году князь Юрий Юрьевич Долгоруков женился на своей дальней родственнице, младшей сестре невесты Петра II, княжне Елене Алексеевне Долгоруковой. В день замужества ей исполнилось

уже 28 лет, семь из них она провела в заточении в стенах Томского монастыря. Елена Долгорукова прожила долгую жизнь (14), но довольно поздний брак и все пережитое сказались на ее здоровье: у супругов не было детей.

Брат-близнец президента Военной коллегии действительный тайный советник Михаил Владимирович, возвратившись из ссылки, согласно Указу 1736 года на службу больше не поступал. Он умер в 1750 году. Его сын, князь Василий Михайлович, преследуемый Анной Иоанновной, при Екатерине II стал знаменитым полководцем, генерал-фельдмаршалом (15).

Две дочери Михаила Владимировича умерли в ссылке, а две, благодаря приближению их мужей ко Двору, никаких гонений в своей жизни не испытали (16).

- А как же складывалась жизнь в ссылке в селе Брацк острожный государственный преступника, бывшего генерал-поручика князя Юрия Юрьевича Долгорукова?

Сведения об этой истории в краеведческой литературе крайне скупы. Из «Иркутских летописей» известно, что Ангара в 1737 вскрылась 28 марта. Еще известно, что Московская дорога из Тобольска через Томск шла до Енисейска. Далее она проходила через Прибайкалье, причем достичь цели можно было лишь водным путем вверх по Ангаре, минуя цепь Брацких порогов, и далее — в Иркутск.

Из этого следует, что не позднее как с конца марта, сопровождаемый конвоем, князь Юрий Долгоруков, не доезжая до Брацких порогов, поднялся по реке Илим, и, т. о. достиг воеводства Илим (17). Конвойный офицер доставил в Илимскую воеводскую канцелярию Указ Кабинета Ее Императорского Величества об определении места ссылки, а также условий содержания ссыльного князя Долгорукова.

Обычная практика определения на место жительства государственных преступников в Илимском крае складывалась годами, и она предусматривала их освобождение из-под стражи, а также запись в разряд разночинцев, поселение на жительство в посаде без выдачи каких-либо «кормовых денег» (18).

Со ссыльным же князем Долгоруковым ситуация складывалась несколько иначе. Судя по отписке Илимской воеводской канцелярии иркутскому вице-губернатору (а именно она, канцелярия, была подчинена комитету по делам ссыльных в провинциальной канцелярии вице-губернатора об исполнении указов Кабинета Ее Императорского Величества), условия содержания государственного преступника князя Долгорукова отличались от общепринятых (19).

Прежде всего Указ предписывал выделение ему из казны ежедневной суммы т. н. «кормовых денег» в размере 10 копеек. Для региона Восточной Сибири покупательная способность денег в то время была

намного выше, чем в европейской России и на Урале, и это во многом объясняется трудностью и риском их доставки (20). Годовое содержание преступника составляло 36,5 рублей. Иным категориям преступников «кормовые деньги» полагались только на время следования по этапу, да и то их ежедневная сумма равнялась всего трети дневных «кормовых денег» князя Юрия Долгорукова.

В то же время пребывавшему до 1737 года в ссылке в «отдаленных деревнях» Долгорукову Указом от 15 июля 1730 года полагалось «прожиточных денег» один рубль в сутки. Десятикратное урезание денег в брацкой ссылке существенно отражалось на условиях его содержания в целом. Попавший, например, в Илимскую ссылку за три года до прибытия сюда князя Долгорукова бывший полковник Танской получал «кормовых денег» 50 копеек в день, однако в отличие от князя Юрия он содержался под строгим солдатским караулом, то есть почти в тюремном режиме (21).

Отпиской Воеводской канцелярии сообщалось о том, что государственный преступник князь Долгоруков определен отбывать ссылку в Брацком остроге. Здесь же отмечалось, что, «следуя Указу Кабинета в суточной выдаче ссыльному выдавать по две свечи в сутки», «казенными свечами канцелярия ссыльного обеспечить не может, поэтому следует объявить торги среди местных производителей на откуп производства такого количества свечей: 730 штук в год» (22).

Итак, в Брацком остроге князь Юрий был поселен в одном из 50-ти домов в посаде. Трудно сказать сегодня, каким образом протекали эти пять лет его ссылки, но он наверняка встречался и мог говорить

с Иоганном Георгом Гмелиным — ботаником Российской Академии наук, который останавливался в Брацком остроге в августе 1738 года. В это время он возвращался через Брацкий острог из Китая в европейскую Россию. Долгоруков был свидетелем попытки ясачных людей (бурят и тунгусов) поднять восстание с целью захватить острог в 1738 году.

В нашем исследовании мы, наконец, можем поставить точку. Остается сказать о том, что князь Юрий Юрьевич Долгоруков был одним из первых (или самый первый!) политических ссыльных Брацкого острога. Следует добавить, однако, что под политической ссылкой мы понимаем изоляцию деятелей оппозиции, относящихся к категории «государственных преступников», т. е. тех людей, которые посмели покуситься на устои государства и принципы самодержавной власти.

Брацкий острог принимал в разные времена различные категории осужденных на каторгу и ссылку людей.

Среди них были: видный деятель церковного раскола протопоп Аввакум Петров (1656-1657 г.).

Астраханские стрельцы в 1705 году за татьбу — бунт, по определению Соборного Уложения 1649 года (23).

Через Брацкий острог прошло большое количество ссыльных за воровство, грабеж, поджоги, кражи и т. д.

Однако первым из категории «государственных преступников» в остроге был один из тридцати (!) Долгоруковых — знаменитой и многострадальной в России фамилии — так и не оказавшийся нужным своему государству и не признанный в своем служении родному Отечеству!

Литература:

1. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т.2. Иркутск. 1957 г.
9. Безвременье и временщики: Воспоминание об Эпохе дворцовых переворотов (1720-1760-е годы). Сост., вступ. Ст. коммент. Е. Анисимова. Л: 1991 г., с. 352.
11. Иркутская летопись (летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова) с предисловием, добавлениями и примечаниями И. И. Серебренникова. Труды ВСОРГО, 1911, № 5, с. 56.
12. Фенологические данные взяты там же, стр. 56.
18. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. II.
19. Полное собрание Законов Российской Империи. Т. 9, № 6876, с. 73
21. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня, Т.2.
22. Там же. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня, Т.2.
23. Зиннер. Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и учёных XVII века. Иркутск, 1968 г. с. 176.

Комментарии:

2. В текстах XVI-XIX вв., а также и в настоящее время встречается ошибочное написание прозвания князей — Долгорукие. Грамматически правильно будет звучать — Долгоруковы, от прозвания потомков князя Ивана Андреевича Долгорука (XIV век и XVI колено от Рюрика).

3. Князь Юрий Алексеевич Долгоруков, начальник Пушкарского приказа, «был поднят на коля» стрельцами во время бунта 15 мая 1682 года так же, как и его сын, начальник Стрелецкого приказа князь Михаил Юрьевич. Братья князя Яков - боярин, воевода; Лука, Борис (оба — стольники) и Григорий Фёдорович Долгоруковы были дипломатами. Они все подверглись «странной опале» со стороны правительницы Софьи. Князь Василий Васильевич в 1718 году в ходе «розыска» пострадал по делу царевича Алексея Петровича, как, впрочем, и будущий фельдмаршал князь Василий Владимирович. За взяточничество привлекался к ответу и князь Алексей Григорьевич (за «масоновы злодеяния») в ноябре 1724 года.

4. Из восьми членов Верховного Тайного Совета, кроме графа Остермана, канцлера графа Головина, а также двух князей Голицыных, все остальные были из рода Долгоруковых. Среди них генерал-фельдмаршал князь Василий Владимирович, действительный тайный советник князь Михаил Владимирович, действительный тайный советник князь Василий Лукич и действительный тайный советник князь Алексей Григорьевич.

5. С упразднением Верховного Тайного Совета и с падением Долгоруковых Остерман стал главным из трёх кабинет-министров Анны Иоанновны. После смерти канцлера Головкина он сосредоточил в своих руках внешние сношения России. Однако при Елизавете Остерман был объявлен государственным преступником и сослан в Берёзов, где вскоре и скончался.

6. Пётр II объявил себя совершеннолетним в возрасте 12 лет, в то время как официальный монарх признавался совершеннолетним в 16 лет и мог вступить в законный брак.

7. 4-я дочь Ивана V Алексеевна (брата Петра I) Анна в ноябре 1710 года была выдана замуж за Фридриха Вильома герцога Курляндского, но по пути на родину молодой муж умер в январе 1711 года.

8. Ограничения существенно коснулись самодержавной власти императрицы: замуж выходить запрещено, войн не начинать, поместий не выдавать и мира без согласия Верховного Тайного Совета не заключать.

10. Провоцируемый на разговор «противу двора» подьячим Тишиным князь Иван Алексеевич допустил нелестные выражения как против Бирона, так и против самой императрицы. К земляной тюрьме, куда он был устроен властями, доступ был закрыт как его жене, так и детям. Пища подавалась заключённому через небольшое оконце караульным, которому было строго запрещено разговаривать с осуждённым узником. Это была официальная, определённая Соборным Уложе-

нием 1649 года превентивная мера предварительного следствия в отношении подобных лиц, заключённых под стражу.

9. Князя Негайской Орды Илья Чюрмантеев и Михаил Ураков прибыли в Илимский край в составе 77 ссыльных. Они были приставлены к работе на Усть-Кутском солеваренном заводе и на судах снабжения 2-й экспедиции Беринга. Оба князя были активными участниками сопротивления строительству Оренбургской линии укреплений и поддерживали восстание башкир в 1735 году. Князь Михаил Ураков умер в Илимском уезде, и место его захоронения до сих пор неизвестно.

14. Точных данных жизни князя Юрия мы не имеем. Ни в «Российской родословной книге» князя Петра Владимировича Долгорукова, ни в «Истории родов русского дворянства» об этом ничего не сказано. Даты жизни княжны Елены Алексеевны 1715-1799 гг.

15. За усмирение крымских татар он получил приставку к фамилии за доблесть, и стал родоначальником новой ветви — Долгоруковых-Крымских.

16. Одна из дочерей была замужем за Л. А. Милославским, а другая — за генерал-поручиком графом А. Р. Брюсом. Кстати, возвращённая из ссылки бывшая невеста Петра II княжна Екатерина Долгорукова в 1745 году Елизаветой Петровной была выдана замуж за овдовевшего к тому времени графа А. Р. Брюса, но вскоре умерла.

17. Таким же способом в то же самое время, в марте месяце, водным путём прибыл в Иркутск новый вице-губернатор, статский советник Алексей Бибилов.

20. Так было до середины XVIII века, пока не были построены Екатеринбург и Кольванский монетные дворы на Алтае.

Елена Савицкая

САМОЦВЕТЫ КРАЕВЕДЧЕСКОГО ТРУДА В БРАТСКЕ

Важности приобщения ребенка к культуре своего народа написано сегодня очень много. Это и понятно, потому что обращение к отеческому наследию воспитывает уважение и любовь к своему народу, бережное отношение к природе, гордость за землю, на которой ты живешь. Поэтому детям необходимо с самых ранних лет жизни знать и изучать культуру своих предков! 25 марта руководитель Братского отделения АНО «Сообщество краеведов Приангарья» Савицкая Елена Петровна посетила вместе с ветеранами педагогического труда ДОУ № 41 мероприятие «Сретенье». И хотя праздник этот уже прошел в феврале, специально для педагогов и особых гостей было сделано исключение. Этот фрагмент праздничного выступления и дети, и педагоги очень любят, потому что он очень яркий и веселый!

И лучше всего в этом нам помогает этно-

графический музей «Русская изба», координатором и идейным вдохновителем которого является в ДОУ № 41 Зверева Ирина Петровна. Вместе с ней работает сильная команда. Всех их в первую очередь объединяет огромная любовь к детям и желание приобщить своих воспитанников к истокам отечественной народной культуры.

Формирование духовно богатой, творчески мыслящей и активной личности, интегрированной на элементарном уровне в систему национальной культуры, способной в будущем к участию в духовном развитии общества — именно это и является основной целью деятельности детского музея ДОУ № 41. Педагоги детского сада считают необходимым создание таких условий, которые дадут возможность ввести детей в мир народного быта, костюма. Они дадут возможность почувствовать глубину и красоту народных обычаев, игр и обрядов, зажгут в каждом воспитаннике искорку любви и интереса к жизни нашего народа в разное историческое время, помогут воспитать ребят на истинно национальных традициях и в дальнейшем донести до их сознания, что они — часть отечественной народной культуры.

Сегодня мы на многое смотрим по-иному, многое для себя заново открываем и переоцениваем. Поэтому, создавая систему приобщения к народной культуре, педагоги ДОУ № 41 опирались в первую очередь на принципы гуманности, доброжелательности и открытости, а это то, что и характерно для нашего русского менталитета.

Основные направления деятельности:

- Проведение экскурсий, праздников, развлечений для воспитанников, педагогов и родителей;
- Создание экспозиций, стационарных и передвижных выставок;
- Установление связей с другими музеями и организациями с целью пополнения фондов;
- Изучение легенд, учет и хранение собранных материалов.

На сегодняшний день основной фонд музея ДОУ № 41 составляют 114 исторических предметов. Они являются первоисточником наших знаний по истории, культуре и живой природе. Из них подлинников – 91 и 23 – воспроизведения подлинников. 160 материалов, изготовленных обычно для нужд экспозиции, помогают глубже понять отражаемые в экспозиции события, схемы, планы, копии подлинных предметов, людей; модели ландшафтов, куклы в национальных костюмах – это есть то, без чего вообще невозможно проводить работу с дошкольниками, что составляет научно-вспомогательный фонд.

Это удивительный коллектив заинтересованных людей, безгранично любящих как свою историю, так и работу, и, конечно же, детей! Все присутствующие на мероприятии зарядились невероятным позитивом, были вдохновлены событием и театрально-музыкальным действием с участием ребятнишек, что сами попытались сделать тряпичные куклы и даже спеть народную песню «Эх, лошадка древняя».

Вот ведь как бывает, когда восхищение увиденным дает энергию, вдохновение и

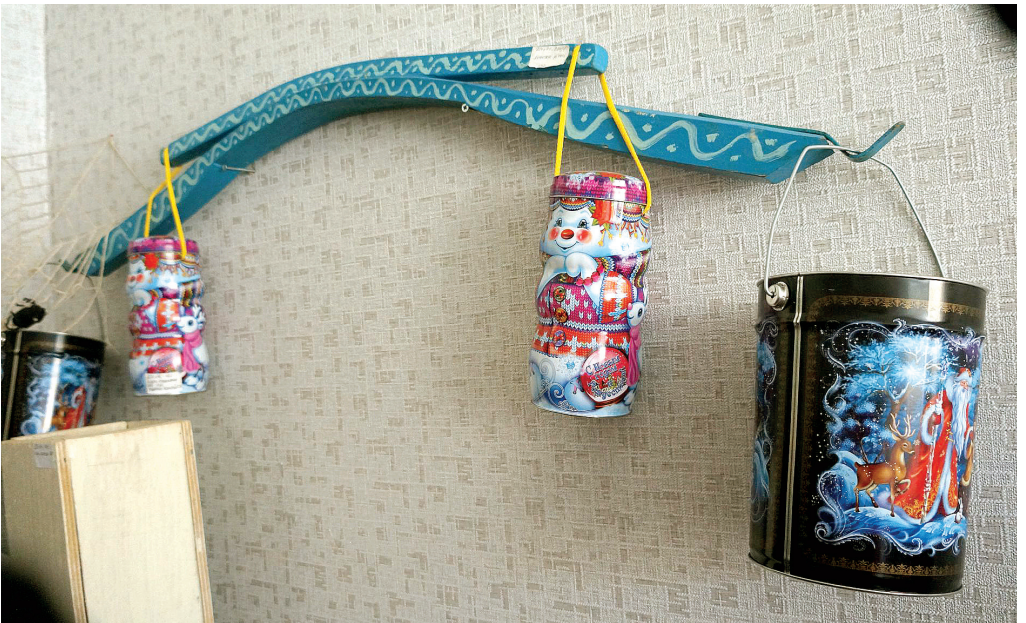
все получается сразу!

Огромное спасибо нашим педагогам, прекрасным детям! Обаятельная и талантливая заведующая ДОУ № 41 Белова Оксана Николаевна гордится своими сотрудниками и уверена, что их команда очень сильная! Мы подтверждаем это, потому что со стороны все видно!

Так держать!!!

Низкий вам поклон за такую превосходную работу!

ИРКУТСКАЯ
ИСТОРИЯ

В. Антоник, сотрудник Музея истории города Иркутска им. А. М. Сибирякова, Филиал «Музей городского быта»

«ПРОЖИВАНИЕ ПРОЕЗДОМ:
ГОСТИНИЧНОЕ ДЕЛО
В ИРКУТСКЕ (1860-е – 1919 гг.)»

ВВЕДЕНИЕ

Источниками для изучения темы были: документы Государственного Архива Иркутской Области (ГАИО): Ф.70 «Органы Иркутского городского самоуправления»; Ф.161 «Иркутская казенная палата и податные инспекторы г. Иркутска»; Иркутская периодическая печать (электронная библиотека «Хроники Приангарья» Иркутской Областной Государственной Универсальной Научной Библиотеки им. И. И. Молчанова-Сибирского), в т. ч. выпуски «Известий Иркутской Городской Думы» (ИГД); летописи г. Иркутска от Н. С. Романова и Ю. П. Колмакова. Перед подготовкой выставки изучена краеведческая литература: коллективная монография «Иркутск в панораме веков: очерки истории города», исследования по теме С. И. Гольдфарба, Е. Р. Ладейщиковой, М. М. Плотниковой и В. М. Рекуновой.

Данные источников о численности и принадлежности предприятий трактирного промысла за тот или иной год нередко не совпадают вследствие открытия новых предприятий, закрытия (разорения, уничтожения огнем, приостановления на ремонт) имевшихся предприятий, переименования, смены владельца или адреса. Иногда бывает трудно установить точное местоположение той или иной гостиницы, потому что источник часто в качестве адреса указывает

лишь улицу, в лучшем случае угол улиц или домовладение.

Установление местоположения предприятий облегчает оригинальные названия. Для трактирных предприятий характерно, что названия их менялись со сменой владельцев, исчезали с улиц города при закрытии предприятия, исчезнувшее название могло появиться по другому адресу у нового предприятия.

В справке исследован такой вид трактирных заведений, как иркутские гостиницы (меблированные номера). Только очень небольшое количество зданий, в которых они размещались, дошли до нашего времени. Особое внимание обращено на торговые знаки предприятий, которые в своей массе составляют своеобразный пласт городской топонимики.

1. Предприятия трактирного промысла в Иркутске

Иркутск к середине XIX века представлял собой крупный губернский центр Восточной Сибири с численностью населения 26 594 чел. (1864 г.).¹ По свидетельству путешественника Н. Гильтебрандта, в Иркутске в этот период отсутствовали «кафе-рестораны, трактиры».²

Город находился на пересечении восточно-западных и северных транзитных путей, привлекал и окрестных жителей, желающих торговать, найти работу и т. п. Во второй половине XIX века в городе постоянно присутствовали массы служивых и торговых людей, перемещавшихся в направлении запада, востока, севера и обратно: чиновники гражданские и военные, журналисты, ученые-исследователи и путешественники (в том числе иностранные), не говоря уже о ссыльных и каторжане. Жители близлежащих поселений систематически приезжали в город по делам торговли, в присутственные места и т. п. Так называемое «временное на-

селение» города возросло особенно заметно в период строительства и ввода в действие транссибирской железнодорожной магистрали.

Поэтому среди торговых занятий в Иркутске одним из распространенных был так называемый «трактирный промысел», развивавшийся в направлении соединения услуг проживания и питания: владелец гостиницы оборудовал при ней ресторан (рассчитанный в т. ч. и на городских жителей), при меблированных комнатах устраивался трактир (как правило, для постояльцев), голод всегда можно было утолить и в постоялом дворе.

Поначалу гостиничное дело для предприимчивых людей в Иркутске не было приоритетным. Более выгодным была торговля — пушиной, чаем и т.п., добыча золота. И все же постепенно обустройство мест для кратковременного комфортного проживания приезжих становилось привлекательным промыслом. Исследователи считают, что первая гостиница в Иркутске была открыта в 1838 г. иркутским купцом 3-й гильдии Венедиктовым.³

Со второй половины 1860-х гг. нехватка помещений для ночлега и мест общественного питания стала активно восполняться строительством доходных домов-особняков с целью отдачи внаем меблированных комнат. К концу XIX века Иркутск располагал уже несколькими неплохими гостиницами, многими меблированными комнатами и десятками постоялых дворов (см. табл. № 4). Спрос на места для приема пищи и ночлега Иркутск удовлетворял на любой вкус и кошелек.

Начинающий предприниматель, как правило, начинал в трактирном промысле в качестве управляющего («заведывающего»), в дальнейшем — становился самостоятельным владельцем заведения. Помещение (дом) для предприятия обычно арендовали или приобретали в собственность. Аренда,

конечно, требовала ежегодной платы домовладельцу. Так, например, иркутский мещанин Быков Иван Васильевич, владелец известной в городе гостиницы с рестораном «Гранд-Отель» (6-я Солдатская ул., дом Никулина), в 1905 г. платил за занятые им помещения 24 тыс. руб. или 10% от торгового оборота. Крестьянин Оёкской волости Комаров Дмитрий Николаевич, владевший постоялым двором в доме цехового Полканова Захара Федоровича, платил 600 руб. (15% от торгового оборота).⁴

Содержание в Иркутске трактирного заведения обходилось в сумму около 2-х тыс. руб. в год (по свидетельству иркутской конторы Александро-Невского винокуренного товарищества от 01.04.1892), в т.ч.: «патентная бланка — 451 р., городской акциз — 800 р., 2/5 гильдейское свидетельство — 40 р. 80 к., билет на право торговли — 26 р. 50 к., приказчиье свидетельство — 45 р. 50 к., квартира от — 300 до 600 р., жалованье приказчику — 180-300 р., прочие мелкие расходы приблизительно — 60 р.».⁵

Немало было и так называемых номеров для проезжающих с весьма непривлекательным сервисом. Их предлагали горожане, искавшие дополнительный заработок, с этой целью снимавшие дешёвый дом, чтобы тут же сдать его за другую цену. Такие «гостиницы» возникали нередко спонтанно в пору большого наплыва в Иркутск приезжих. И сдавались тем выгоднее, чем удобнее были расположены. Особенно ценились улицы, прилегающие к Арсенальскому и Мелочному базарам: Арсенальская, Большая, Преображенская и их пересекающие (особенно перекрестки).

О гостиницах, имевшихся в Иркутске до 1879 года («допожарном»), в источниках имеется следующая датировка: 1862 г. — 2 гостиницы (в т. ч. гостиница «Амур» И. О. Краузе, угол ул. Тихвинской и Дворянской)⁶; 1866 г. — гости-

ница П. О. Катышевцева (Вознесенский монастырь, третья по счету в городе)⁷; 1873 г. — гостиница «Деко» (Большая ул., домовладение неизвестно).⁸ В 1874 г. Иркутск насчитывает уже 7 гостиниц. Иркутский летописец Нит Степанович Романов называет их владельцев, места расположения, стоимость проживания (форматирование наше — В. А.): «Гостиницы: Лейбовича, в д. Перминика на Тихвинской ул., «Звездочка», 80 р.-110 р. Его же, в д. Полуэктова на Большой ул., 100 р.-150 р. Брянцева, в д. Сисина на Большой ул., 130 р.-170 р. Его же, в д. Гусева на Харлампиевской ул., «Петербург», 120 р.-160 р. Антонова, в д. Толстопятова, на Большой ул., 125-165 р. Мальмберг, в д. Красавиной на Большой ул., 125 р.-165 р. Метцгер, на Тихвинской ул. в собственном доме, 100 р.-150 р.». ⁹ Где-то среди названных Н. С. Романовым четырех гостиниц на Большой улице имеется и гостиница «Деко», где в феврале 1875 г. останавливалась артистка Императорских театров Д. М. Леонова,¹⁰ а также «Сибирская гостиница» (допожарное здание).

В пожаре 1879 года погибли практически все доходные дома, выстроенные из дерева. «Пожар прервал естественное развитие городской застройки, но в то же время послужил своеобразным катализатором, значительно ускорившим процесс становления доходного домостроения. После пожара <...> стало выгодно строить дома для сдачи внаем. Сдача помещений в

аренду приносила быстрый и стабильный доход, а потому вскоре стала одним из наиболее распространенных видов предпринимательства». ¹¹ На центральных улицах городские власти запрещали деревянное домостроение, там появились особняки из камня, в которых наряду с другими торговыми помещениями разместились первоначально иркутские гостиницы. На остальной территории, в первую очередь, конечно, в центральной части города, строили доходные дома из дерева.

Как пример строительства доходных домов приведем гостиницу «Европейская», располагавшуюся в доме Бабуева. Усольский крестьянин Никита Назарович Бабуев в 1881 г. построил 2-хэтажный доходный дом по Арсенальской ул. (в районе пересечения с Саломатовской ул.). ¹² Так в Иркутске появилась новая гостиница сначала под названием «Таганрог» (именно ее отметил А. П. Чехов в неизвестном письме родным в июне 1890 г. ¹³), позже (с 1894 г.) стала известна как «Европейская» (ею в 1897—1901 гг. владел иркутский мещанин Ф. М. Полканов).

В «послепожарном» Иркутске существовала масса заведений для размещения нуждающихся в кратковременном проживании. Длительность существования заведений была самая различная.

В 1879—1893 гг. источники упоминают Иркутске следующие гостиницы (меблированные номера):

Таблица № 1

Наименование, место нахождения в городе	Крайние даты упоминания в источниках
1. «Амур», угол Тихвинской и Дворянской ул. (с 1900 г. — угол Амурской и Арсенальской ул., в 1907 г. — «Итальянское Подворье»)	1862 — 1919
2. «Амурское Подворье», угол Большой и Котельниковской ул.	1890 — 1919
3. «Деко» (с 1906 г. — «Центральное Деко»), угол Большой и Тихвинской ул.	1873 — 1919

4. «Москва», Преображенская ул. (бывш. Участнич. казармы)	1880-е – 1900
5. «Московское Подворье», Баснинская ул.	1885 – 1916
6. «Русская» (с 1891 г. – «Иркутск»), угол Грамматинской и Любарской ул.	1880 – 1899
7. «Сибирская» (с 1899 г. – «Россия», с 1907 г. – «Централь»), угол Большой и Амурской ул.	1881 – 1919
8. «Таганрог» (с 1893 г. – «Европейская»), Арсенальская ул., рядом с Саломатовской ул.	1887 – 1906

После принятия в июне 1893 г. Положения о трактирном промысле многие иркутские предприниматели обратились к новому перспективному источнику дохода.

В 1894-1919 гг. в Иркутске, кроме уже названных (табл. № 1), отмечают следующие гостиницы и меблированные номера:

Таблица № 2

Наименование, место нахождения в городе	Крайние даты упоминания в источниках
1. «Байкал», Глазковское предместье, Кругобайкальская ул.	1902 – 1909
2. «Батум», Большая ул.	1896
3. «Белгород», угол Луговой ул. и Большаковского пер.	1916
4. «Берлин» («Немецкие комнаты»), угол Арсенальской и 3-й Солдатской ул.	1907 – 1908
5. «Большаковские Номера», угол Троицкой ул. и Большаковского пер.	1916
6. «Бристоль», угол Большой (или Арсенальской) и 3-й Солдатской ул.	1900 – 1909
7. «Венеция» (адрес не установлен)	1907
8. «Вокзал», угол Троицкой и Спасо-Лютеранской ул.	1903 – 1916
9. «Германия», Луговая ул.	1909
10. «Гранд-Отель», угол Большой и 6-й Солдатской ул.	1903 – 1918
11. «Даурия», угол Арсенальской и 5-й Солдатской ул.	1918 – 1919
12. «Европейское Подворье», угол Арсенальской и 6-й Солдатской ул.	1910
13. «Запад», Глазковское предместье, Кругобайкальская ул.	1909
14. «Империаль», угол Арсенальской и 4-й Солдатской ул.	1895 – 1903
15. «Иркутск», угол Арсенальской и 5-й Солдатской ул.	1918 – 1919
16. «Кавказ» («Южный Кавказ»), Глазковское предместье, Кругобайкальская ул.	1895 – 1908
17. «Калуга», 5-я Солдатская ул., рядом с Большой ул.	1910
18. «Кефалония», угол Харлампиевской и Луговой ул.	1907 – 1909
19. «Коммерческое Подворье», Тихвинская ул.	1902 – 1917
20. «Континенталь», угол Арсенальской и 5-й Солдатской ул.	1901 – 1919

21. «Крым», Глазковское предместье, Кругобайкальская ул.	1909
22. «Купеческое Подворье», 3-я Солдатская ул.	1907
23. «Курляндия», Глазковское предместье, Кругобайкальская ул.	1909
24. «Марсель», угол Троицкой ул. и Большаковского пер.	1904 – 1911
25. «Международное Подворье», Глазковское предместье, Кругобайкальская ул.	1909
26. «Метрополь», угол Луговой ул. и Большаковского пер.	1895 – 1919
27. «Метрополитэн», 5-я Солдатская ул., рядом с Большой ул.	1910
28. «Мир», Баснинская ул.	1906 – 1910
29. «Националь», Тихвинская рядом с Большой ул.	1906 – 1919
30. «Новая Гостиница», Амурская ул.	1906
31. «Новый Свет», угол Арсенальской и 4-й Солдатской ул.	1903 – 1907
32. «Орианские Номера», Троицкая ул.	1909
33. «Пале-де-Кристалль», угол Троицкой ул. и Большаковского пер.	1909 – 1911
34. «Париж», угол Арсенальской и Благовещенской ул. (в 1919 г. – 5-я Солдатская ул.)	1899 – 1919
35. «Полярная Звезда», Ремесленная слобода, Гончарная ул. (с 1907 г. – угол Баснинской и Почтамтской ул.)	1906 – 1917
36. «Преображенское Подворье», угол Преображенской и Большой Блиновской ул.	1908 – 1919
37. «Роза», угол Арсенальской и Благовещенской ул.	1907 – 1909
38. «Россия», угол Савинской и Спасо-Лютеранской ул.	1907 – 1908
39. «Руцук», Котельниковская ул.	1909
40. «Севастополь», угол Харлампиевской и Луговой ул.	1916
41. «Семейное Подворье», Почтамтская ул.	1908 – 1909
42. «Столичное Подворье», угол Спасо-Лютеранской и Савинской ул.	1907 – 1916
43. «Стрельна», угол 3-й Солдатской ул. и Власовского пер.	1909
44. «Феодосия», Дегтевская ул.	1901
45. «Франция», угол Амурской и Арсенальской ул. (с 1908 – угол Троицкой ул. и Большаковского пер.)	1901 – 1909
46. «Харбин», Арсенальская ул.	1909
47. «Центральное Подворье», угол Арсенальской и 5-й Солдатской ул.	1918 – 1919
48. «Центральные Номера», угол Баснинской и Почтамтской ул.	1900 – 1919
49. «Шато-де-Флер», Большая ул.	1907
50. «Швейцария» (адрес не установлен)	1907
51. «Эрмитаж», угол Арсенальской и 3-й Солдатской ул.	1899
52. «Ялта» (адрес не установлен)	1900
53. «Яр» (адрес не установлен)	1903
54. «Ярославское Подворье», Мало-Блиновская ул.	1900 – 1919

В сфере общественного питания также появлялись новые предприятия – рестораны, трактиры, кофейни и т. п.:

Таблица № 3

Наименование, место нахождения в городе	Крайние даты упоминания в источниках
1. «Аквариум» (адрес не установлен)	1918 – 1919
2. «Амур» (при гостинице), угол Амурской и Арсенальской ул.	1907 – 1919
3. «Аркадия» (при гостинице «Гранд-Отель»), угол Большой и 6-й Солдатской ул.	1914 – 1918
4. «Биржа», угол Арсенальской и 6-й Солдатской ул.	1908 – 1919
5. «Босфор» (адрес не установлен)	1918 – 1919
6. «Бристоль» (при ресторане), угол Большой (или Арсенальской) и 3-й Солдатской ул.	1900 – 1909
7. «Вокзал» (при ресторане), угол Троицкой и Спасо-Лютеранской ул.	1914
8. «Гурзуф», угол Арсенальской и 5-й Солдатской ул.	1907 – 1919
9. «Декаданс» (при гостинице «Бристоль»), угол Большой и 3-й Солдатской ул.	1907 – 1909
10. «Деко» (при ресторане), угол Большой и Тихвинской ул.	1901 – 1919
11. «Империаль» (при гостинице), угол Арсенальской и 4-й Солдатской ул.	1901 – 1903
12. «Киев», Котельниковская ул.	1906
13. «Континенталь» (при гостинице), угол Арсенальской и 5-й Солдатской ул.	1901 – 1919
14. «Крит» (адрес не установлен)	1918 – 1919
15. «Люкс» (адрес не установлен)	1918 – 1919
16. «Марсель» (при гостинице), угол Троицкой ул. и Большаковского пер.	1909 – 1911
17. «Метрополь» (при гостинице), угол Луговой ул. и Большаковского пер.	1908 – 1919
18. «Модерн» (при гостинице «Централь»), угол Большой и Амурской ул.	1907 – 1919
19. «Националь» (при гостинице), Тихвинская рядом с Большой ул.	1914 – 1919
20. «Пале-де-Кристалль» (при гостинице), угол Троицкой ул. и Большаковского пер.	1909 – 1911
21. «Плевна», угол Арсенальской и Котельниковской ул.	1897 – 1909
22. «Россия» (при ресторане), угол Большой и Амурской ул.	1901 – 1907
23. «Россия», угол Ланинской и Фадейшинской ул. (в 1914 г. – угол Преображенской и Русиновской ул.)	1907 – 1914
24. «Ростов-на-Дону», угол Тихвинской и Баснинской ул.	1909
25. «Самсон», угол Большой и Котельниковской ул. (с 1912 – угол Большой и 3-й Солдатской ул.)	1911 – 1914
26. «Сибирь», угол Луговой и Баснинской ул.	1914 – 1919
27. «Харбин», Большая ул., против Саломатовской ул.	1918
28. «Эдем», Большая ул., рядом с 3-й Солдатской ул.	1916 – 1919

Кроме указанных заведений, у которых был собственный торговый знак, имелось множество безымянных меблированных комнат и трактиров, которых источники называли только по имени владельца или по месту нахождения. Идентифицировать и установить точное время их существования сложно.

Качество услуг, предоставляемое в заведениях трактирного промысла, было, мягко говоря, самое неоднозначное. В «Известиях Иркутской Городской Думы» регулярно публиковались Врачебно-санитарные ведомости, в которых отдельные предприятия нередко указывались в негативном контексте (недостатки в санитарном состоянии территории и помещений). С 1910 г. Иркутская Городская Управа издавала ежемесячные выпуски «Врачебно-Санитарной Хроники», при чтении которых разница в уровне комфорта — очевидна.

Антон Павлович Чехов, посетив Иркутск в июне 1890 г., назвал его «превосходным городом, совсем интеллигентным», отмечал среди прочего и его «хорошие гостиницы». ¹⁴ Однако в справочнике для путешественника «Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России» 1898 г. содержатся нелицеприятные отзывы об иркутских гостиницах, отмечается отсутствие в Иркутске комфортных мест для ночлега проезжему человеку. ¹⁵

2. Особенности трактирного промысла в Иркутске

8 июня 1893 г. в России было Высочайше утверждено новое Положение о трактирном промысле. Трактирным промыслом признавалось «содержание открытого для публики заведения, где продаются кушанья и напитки для употребления на месте». ¹⁶ Заведения трактирного промысла могли быть: «без отдачи в наем покоев» (трактиры, рестораны, харчевни, столовые, кухмистерские, буфеты и т. п.) и «с отдачей в наем покоев» (гостиницы, постоялые дворы, ме-

блированные комнаты и подворья со столом и т. п.). Устанавливался достаточно жесткий порядок получения разрешения на производство трактирного промысла.

Городские власти разделяли трактирные заведения на те, которым разрешалась продажа крепких напитков, и без продажи крепких напитков. От этого зависел объем особого трактирного сбора в пользу городского бюджета.

Заведения трактирного промысла с продажей крепких напитков, в свою очередь, подразделялись на три группы. К первой группе относили самые доходные гостиницы Иркутска, назначив им общий сбор 5 тысяч рублей. Так, гостиница «Деко» должна была в городскую казну внести 1 600 рублей, «Сибирь» и «Европейская» — по 1 200 рублей, а гостиница «Иркутск» — 1 000 рублей. ¹⁷

Согласно постановлению Иркутской Городской Думы владелец должен был содержать гостиницу с соблюдением обязательных правил, составленных городским санитарным советом — «Санитарные правила для гостиниц, подворий и меблированных комнат». ¹⁸ В правилах были оговорены многочисленные детали быта, обеспечивающие должные условия санитарии помещений, комфорта постояльцев, поведения персонала.

По свидетельству иркутского историка М. М. Плотниковой, гостиницы в Иркутске, «занимая в начале XX в. лучшие места города и находясь в острой конкуренции, не только содержали свои помещения в идеальном порядке, но и по качеству коммунальных услуг, предоставляемых своим постояльцам, могли служить образцом для городского хозяйства». ¹⁹

В целом, говоря о возможности открытия трактирного заведения в Иркутске, надо сказать, что конкуренция среди желающих была нешуточной. Предприниматель (начинающий или со стажем — неважно) просил

Иркутскую Городскую Управу допустить его к «жребию на раздачу питейных заведений», вносил залог и должен был уповать на удачный случай. Вот, например, документ от 21 декабря 1893 г.: «В Иркутскую Городскую Управу Временно Иркутского 2-й гильдии купца Якова Семенова Комарова Прощение. Имею честь покорнейше просить Городскую Управу допустить меня к жребию, если такое будет на раздачу питейных заведений, именно: на штофную лавку, шинок и ренсковый погреб с распивочной продажей вина. <...>». ²⁰

Нередко проситель получал отказ в выдаче свидетельства на содержание питейного заведения. Наиболее настойчивые предприниматели искали все возможные пути для получения такого свидетельства. С этой точки зрения интересно такое заявление от 28 декабря 1894 г.: «В Иркутскую Городскую Управу Иркутской мещанки Надежды Николаевы Обольской Заявление. Еще задолго до издания Городового Положения 1870 г. муж мой Захар Архипов Обольский производил виноторговлю, а затем уже более 10 лет я сама лично специально занимаюсь виноторговлей в Иркутске, имея для этого ежегодно почти по два трактирных заведения. <...> Фирма Обольских по виноторговле является самой старинной, существующей доселе 25 лет. <...> Имею честь покорнейше просить Городскую Управу войти в подробное рассмотрение моего ходатайства к выдаче мне питейного заведения без жребия <...>». ²¹ Для справки — дом Обольской Н. Н. сейчас восстанавливается в Иркутске напротив Музея городского быта.

Доходность трактирного предприятия зависела от места расположения (близости к центру города и скоплению народа), отсутствия рядом конкурентов, наличия развлекательной программы для посетителей. Городская Управа распределяла, а Дума утверждала разделение заведений трак-

тирного промысла на группы «по степени доходности, размерам оборотов, роду и особенностям производимого промысла, по месту нахождения их в городе или по другим, наиболее соответствующим правильному распределению сбора, признакам». ²² С каждой группы городские власти устанавливали сумму трактирного сбора. Раскладку трактирного сбора в группе по каждому предприятию в отдельности производили сами владельцы на своем собрании.

Ежегодная процедура обложения трактирных заведений налогом в городской бюджет всегда была очень дискуссионной, т. к. ноша трактирного сбора была весьма ощутима. Споры между владельцами предприятий в первой, самой прибыльной группе иногда не достигали соглашения, тогда Городской Управе приходилось вмешиваться в раскладку сбора внутри группы. Нередко трактировладельцы, как правило, осенью, обращались к Городской Управе и Думе с жалобами, оспаривая свое якобы завышенное обложение на следующий год.

Так, 16 октября 1903 г. на заседании Городской Думы рассмотрено «Прощение Господину Иркутскому Городскому Голове» от семи трактиросодержателей. Предприниматели жаловались на значительное повышение трактирного сбора, что, по их мнению, является «совершенно непосильным, так как доходность соответствующих предприятий, ввиду значительно развившейся конкуренции, далеко не достигает размеров, оправдывающих столь значительный налог». ²³

Городские власти, как правило, не шли навстречу просьбам предпринимателей, имея в виду, в первую очередь, наполнение городского бюджета. Тем сильнее было недовольство отдельных рестораторов, которым казалось, что некоторым их коллегам допускаются послабления.

Например, Давид Дмитриевич Ахматов, иркутский мещанин, владелец гостиницы

«Марсель» 28 ноября 1906 г. жаловался, что в его гостинице, мол, «нет ни оркестра, ни балабачников, ни открытой сцены, одним словом, тех приманок, на которые так падка иркутская публика и без которых не может быть торговли ни в одном из ресторанов». Этим он обосновывал несправедливость раскладки трактирного сбора на 1907 г. в размере 3 000 руб., при этом приводил пример: «Так, на [гостиницу] «Континенталь», не имеющую поблизости серьезных конкурентов, назначено 3 000 р., т. е. ту же сумму, как и на мое предприятие. Между тем «Континенталь» находится в центре города, близ бань, базара. Назначение одной и той же суммы на мою гостиницу и «Континенталь» несправедливо». ²⁴

6 сентября 1907 г. Городская Дума рассмотрела коллективное прошение, которое подписали 17 «содержателей трактирных заведений с продажей крепких напитков». Текст звучал тревожно: «Последние шесть лет непосильное увеличение сбора с содержимых нами заведений довело нас почти до полного разорения. Некоторые из нас принуждены были даже совсем закрыть свои заведения, как то: «Полярная Звезда», «Шато-де-Флер», «Южный Кавказ», и ожидается в скором времени закрытие еще двух крупных ресторанов. Это объясняется тем, что в настоящее время в городе Иркутске нет никакой торговли, меблированные комнаты в гостиницах стоят пустые, так как каждый старается занять себе меблированные комнаты где-нибудь подешевле. <...> Все это заставляет нас обратиться с покорнейшей просьбой в Городскую Думу о понижении суммы сбора с содержимых нами заведений, по крайней мере, на 50% <...> в противном случае многие из нас будут принуждены закрыть свои заведения». ²⁵

Поступали и одиночные заявления, в которых предприниматели, выгораживая себя, кивали на конкурентов. Так, Иркутская Городская Управа 22 ноября 1907 г. за-

читала жалобу «от содержателя гостиницы и ресторана на углу Большой и Амурской улиц Иосифа Исаевича Гиллер. Заявляя, что принадлежащий ему ресторан «Модерн» обложен сбором [на 1908 г.] в 8 000 р., г. Гиллер находит такое обложение «неправильным и несправедливым по отношению к другим ресторанам, находящимся в одинаковых условиях и обложенных далеко меньшими сборами». <...> Далее г. Гиллер объясняет причину столь высокого его обложения тем, что содержатели гостиницы «Метрополь», «Марсель», «Континенталь» и «Деко», имея за собой большинство голосов, вошли между собою в соглашение, цель которого состояла в том, чтобы за счет г. Гиллера уменьшить обложение содержаемых ими гостиниц <...>». ²⁶

Осенью 1909 г. в Городскую Управу со своими претензиями одновременно обратились три предпринимателя, владельцы первообразных заведений: купец 2-й гильдии Всеволод Николаевич Бочкарев (гостиница «Централь» и «Метрополь», ресторан «Модерн»), мещанин Федор Михайлович Полканов (гостиница и ресторан «Континенталь»), цеховой Иван Абрамович Ишаев (гостиница «Пале-де-Кристалль» и ресторан «Декаданс»).

На заседании Городской Управы чиновники отмечали, что Ф. М. Полканов, в частности, «находит обложение его заведения 2 000 руб. в доход города настолько высоким, что такое обложение повлечет за собой разорение. Поэтому г. Полканов просит городскую управу уменьшить обложение на 50%. Свое ходатайство Полканов мотивирует тем, что в настоящее время торговля переживает глубокий кризис и застой». ²⁷

К жалобам тройцы рестораторов городские власти подошли серьезно, с октября по декабрь 1909 г. их заявления рассматривались несколько раз: и в Управе, и в специальной комиссии, и на заседаниях Думы, при этом возникали горячие дебаты, обсуж-

дение выходило на общую тенденцию сокращения торговой активности в Иркутске, освещалось в городских газетах.²⁸ И все же их жалобы по обложению на 1910 год оставлены без удовлетворения. Хотя при рассмотрении обложения на следующий 1911 г. городские власти все-таки приняли во внимание ухудшение объективных условий существования трактирного дела в губернском городе²⁹ и несколько снизили трактирный сбор (кстати, И. А. Ишаев свое предприятие закрыл).

В 1911 г. Городская Управа продолжила изучение текущих дел с рестораторским бизнесом в городе. Читаем Журнал Иркутской Городской Управы от 20 июня 1911 года: «За последние два года [1910–1911] устанавливаемый Городской Думой сбор с трактирных заведений, находящихся в г. Иркутске, вызывает много протестов со стороны владельцев на крайне чрезмерное обложение их заведений сбором, который совершенно не согласуется ни с настоящим экономическим положением города, ни с оборотом этих предприятий. Главным образом, противниками существующего обложения являются владельцы больших гостиниц, ресторанов, буфетов и меблированных комнат, т. е. тех трактирных заведений, которые уплачивают почти половину всего сбора <...>».³⁰

Более того, чиновники прослеживают ситуацию в период «до 1905 года, т. е. до Русско-Японской войны, когда в Сибирских городах вообще, а в частности в Иркутске, не было большого притока посторонних капиталов, которые оживляли бы и заставляли жить город более интенсивной жизнью <...>» и после «1905 года, когда вместе с передвижением массы войск на Дальний Восток появились и различного рода предприниматели, город принял другой вид и сделался центром всевозможных коммерческих предприятий <...>». Суммы общего обложения трактирных заведений посте-

пенно увеличивались с 45 тыс. руб. в 1904 г. до 86,5 тыс. руб. в 1908 г. Далее Городская Управа вынуждена констатировать, что «с окончанием войны, когда волна передвижения войск и различного рода предпринимателей отхлынула обратно в Европейскую Россию, и город стал входить в нормальные условия жизни, многие трактирные заведения вынуждены были прекратить свое существование».³¹

Таким образом, обсуждение размеров трактирного сбора на 1912 год Городская Управа начала раньше обычного: в июле 1911 г. организовала осмотр членами специальной комиссии, а также документально ознакомилась с положением дел в заведениях трактирного промысла; не ограничиваясь цифрами доходности и торгового оборота, приняла во внимание «и самую внешность заведения, дающую до некоторой степени возможность судить и о классе публики, его посещающей». В результате распределение трактирного сбора было сделано с обоснованием по каждому заведению. Например, «Ресторан «Континенталь» (Полканова). Обложение на 1912 год проектируется в 1 500 р., т. е. менее существующего на 300 р. Обложение необходимо понизить, так как ресторан этот не имеет ни шантана, ни музыки, и расположен сравнительно далеко от центра города».³²

Что же касается «внешности заведения», то вот свидетельство Начальника Штаба Иркутского Военного Округа (из его письма в Иркутскую Городскую Управу 23 июня 1912 г.): «В городе Иркутске, как известно, имеются только 5 относительно приличных гостиниц («Централь», «Гранд-Отель», «Центральное Деко», «Коммерческое Подворье» и «Метрополь»), в которых офицерские чины, по прибытии их в город по делам службы, могут остановиться без боязни уронить свое достоинство».³³ Все остальные гостиницы города, как видим, он в расчет не берет.

В сентябре 1914 г. трактиросодержатели вновь массово обращались в Городскую Управу с ходатайствами об отмене или хотя бы о снижении промыслового сбора за последнюю треть года (в связи с запрещением торговли крепкими напитками в виду начала русско-германской войны), мол, «с воспрещением продажи крепких напитков <...>, они лишены теперь главного источника своих доходов, и вся их торговля ограничивается отпуском лишь пищи, как в обыкновенных столовых или кухмистерских». Обсуждение этого вопроса также получило резонанс в местной прессе.³⁴ Городская Дума отказала предпринимателям 1-го и 2-го разрядов по существу их жалоб, для 3-разрядных заведений частично пошла навстречу. Одновременно городские власти изменили критерии трактирного обложения: от спорных оценок предприятия по таким критериям, как «местоположение», «обширность», «привлекательность» и т. п., решили установить размер сбора с трактирных заведений в твердые 2% от суммы годового дохода.

Таким образом, очевидно, что деятельность содержателей заведений трактирного промысла в Иркутске развивалась с переменным успехом.

3. Предприятия трактирного промысла в Иркутске в 1917-1919 гг.

В 1917-1919 гг. Иркутск испытал много общественно-политических потрясений, которые всколыхнули бытовую сторону жизни города. В первой половине 1918 г. наиболее крупные трактирные предприятия были пристроены под нужды Советской власти. Так, в помещении ресторана при гостинице «Континенталь» уже в марте 1918 года была открыта первая советская столовая для рабочих-красногвардейцев. Ее комиссаром назначен А. С. Рыздзинский.³⁵

При вернувшейся на полтора года старой власти трактирные заведения заработали в

прежнем режиме. Во второй половине 1918 г. усилилась конфронтация между владельцами трактирных предприятий и персоналом. Газетные публикации того времени свидетельствуют:

«Правление профессионального союза поваров гор. Иркутска обратилось в Отдел Труда и Промышленности с заявлением, в котором доводит до сведения Отдела, что владельцы кофеен-столовых «Континенталь», «Крит» и «Босфор», не считаясь с тарифным договором, утвержденным Центральным Бюро союза профес[сиональных] союзов, уволив прежде служивших, наняли китайских подданных-поваров, не смотря на то, что у правления союза имеется много безработных. <...>

Содержатель кафе «Босфор» уволил всех посудниц и три официантки. На запрос правления о причинах владелец кафе заявил, что он, как хозяин, имеет право распоряжаться служащими так, как найдет это нужным. <...>

Дело заключается в том, что после национализации советской властью этой гостиницы [«Московское Подворье»], служащие ее остались на своих местах. В данный момент, когда гостиница опять перешла в руки их прежнего владельца, служащих уволили, не уплатив за прослуженное время и за месяц вперед, мотивируя увольнение тем, что они служили у советской власти. <...>

На основании этого проф[ессиональный] союз просит о снятии с работ поваров китайцев в указанных предприятиях».³⁶

В ответ на объединение поваров и других служащих ресторанов, гостиниц и т. п. в профессиональные союзы трактировладельцы тоже создали свой правозащитный союз:

«Завтра, в 5 час. вечера, в помещении 3 общественного собрания состоится общее собрание союза гостиничных и ресторанных предприятий. В виду важности вопросов

явка обязательна»;

«Правление Союза гостиничных и ресторанных предприятий просит всех членов союза пожаловать на общее собрание в пятницу, 22 сего ноября, в 5 часов вечера, в помещение 3-го Общественного Собрания по 1 Солдатской ул., для обсуждения вопросов, касающихся всех членов Союза. В виду важности вопросов явка обязательна»;

«Правление Союза владельцев гостиничных и ресторанных предприятий в г.Иркутске извещает всех членов Союза, что в четверг, 2 января нового стиля, в 3 часа дня, в гостинице «Националь» — Тихвинская улица — состоится вторичное общее собрание членов Союза, которое будет считаться законным при всяком числе собравшихся. Порядок дня: 1) Доклад проекта устава об открытии торгового кооператива «Взаимопомощь». 2) Текущие дела. Явка для всех членов обязательна»;

«К забастовке поваров. На предложение комиссара труда передать возникший конфликт на разрешение примирительной камеры, союз владельцев гостиничных и ресторанных предприятий ответил, что на днях по этому вопросу союз созывает общее собрание содержателей ресторанов и кухмистерских»;

«Собрание рестораторов. 7-го февраля группа владельцев ресторанных предприятий обсуждала вопрос о забастовке поваров. Обсудив создавшееся положение, группа нашла, что предъявляемый тарифный договор неприемлем от начала до конца по существу и постановила его не подписывать. Учитывая же «особо тяжелое положение массы лиц, не имеющих домашнего стола» и считая, что они должны «удовлетворить насущную потребность общества», группа полагает возможным принимать на службу всех без исключения лиц, знакомых с кулинарным искусством (штрейкбрехеров — авт.), не исключая и членов союза поваров». ³⁷

В 1919 г. в гостиницах «Метрополь», «Париж», «Централь», «Центральное Деко» разместились бежавшие из Омска члены правительства и военного командования Колчака, ³⁸ в ресторане «Сибирь» организовали студенческую столовую. ³⁹

С установлением в Иркутске в январе 1920 года Советской власти гостиницу «Гранд-Отель» занял Губком РКП(б) и Центральный штаб рабоче-крестьянских дружин. ⁴⁰ Предприятия, представляющие общественную значимость, были муниципализованы. Гостиничные номера и меблированные комнаты были переданы в городской жилищный фонд: в них либо разместились советские государственные и общественные учреждения, либо улучшили свои жилищные условия представители победившего класса.

Рестораны, кофейни и т. п. привлекли внимание новых городских властей как уже готовые к эксплуатации пункты общественного питания — столовые. В частности, бывший «Континенталь» стал столовой для командированных работников партсоставов. ⁴¹ Однако для городского населения того времени такое количество столовых было чрезмерным: «Поразительное падение числа обедающих в городских столовых установлено в последнее время: вместо свыше 10 000 обедов, в день теперь осталось лишь 3 200. Это сокращение началось с момента введения обеденных карточек и говорит за необходимость упразднения лишних столовых и сокращение штатов до 150 человек. Сейчас закрываются «Аквариум», «Континенталь» и «Крит». ⁴²

Заключение

Владельцы предприятий трактирного промысла, стремясь привлечь постояльцев, проявляли фантазию в части внедрения в гостиничный быт технических новинок и дополнительных услуг, а также в вычурности формы и привлекательности содер-

жания газетных реклам. Первейшая роль в коммерческом успехе отводилась, конечно же, названию предприятия, и предприниматели соревновались в выборе оригинального торгового знака, стремясь достичь броскости и благозвучия вывески. Причем при смене владельца заведения обычно менялось и его название. А иногда название, утраченное при закрытии одного предприятия, появлялось на входных дверях другого предприятия, при другом владельце и по другому адресу.

В период активного развития трактирного промысла в Иркутске в конце XIX — начале XX вв. торговые марки гостиниц, меблированных комнат, мест общественного питания вносили своеобразный вклад в городскую топонимику. На карте города и в адресных справочниках появлялось множество названий, индивидуализировавших, наряду с наименованиями улиц, предместий и т. п., иркутскую инфраструктуру.

Экскурсоводы, проводя гостей города по найденным экскурсионным маршрутам и рассказывая об Иркутске, обязательно показывают здания, где размещались в прошлом гостиницы «Гранд-Отель», «Деко», «Коммерческое Подворье», «Метрополь», «Централь». Эти здания и эти вывески стали знаковыми для городской истории, ратифицированы и известны широкой публике. Некоторые топонимы (как, например, «Бристоль», «Империаль», «Континен-

таль», «Националь» и некоторые другие) известны только историкам-краеведам. А многие названия обойдены вниманием иркутян, но они существовали на иркутских улицах, сегодня о них можно узнать только из иркутской прессы конца XIX — начала XX вв.

История иркутского трактирного (гостиничного) бизнеса достаточно интересная, она богата количеством и многообразием заведений, их названиями, именами владельцев. Когда-то в городе возникала идея устроить в бывшем «Амурском подворье» музей гостиничного бизнеса (памятуя о лестных словах А. П. Чехова об иркутских гостиницах, которые он написал в одном из номеров «Подворья» на Котельниковской). Идея забыта, а здание чеховской гостиницы постепенно уходит.

Музей городского быта предлагает версию о том, что иркутская гостиница «У Хейфица» (ул. Дзержинского, 44) расположена на историческом месте гостиницы «Таганрог» (Арсенальская ул., 52), и (после соответствующей проверки этой версии через БТИ) считает необходимым рекомендовать владельцу переименовать свое предприятие в «Таганрог», тем самым вернуть в город прежний топоним, одновременно увековечив имя Антона Павловича Чехова.

**Подготовил: научный сотрудник МГБ
В. Г. Антоник**

Литература:

1. Адрес-Календарь г. Иркутска. Справочная книга. — Иркутск, 1901 — 452 л.
2. Адрес-Календарь Иркутской губернии. — Иркутск, 1916. — 212 л.
3. Весь Иркутск с отделом Забайкальской области. Адресно-справочная и торгово-промышленная книга на 1908 год. — Иркутск, 1908. — 345 л.
4. Весь Иркутск с отделами Забайкальской и Якутской областей на 1909 год. — Иркутск, 1909. — 545 л.
5. Гильтебрандт Н. Очерки Иркутска. — «Иркутские Губернские Ведомости», 1859, 15 января, № 003, С.16.
6. Гольдфарб С. И. Иркутск: истории старого города. — Иркутск: Изд-во «Комсомольская правда-Байкал», 2007. — 584 с.
7. Городское самоуправление в Иркутске: 220 лет / под общ. ред. М. М. Плотноковой. — Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. — 243 с.

8. Иркутск в панораме веков: очерки истории города / колл. авт. — Иркутск, 2002. — 512 с.
9. Иркутская летопись 1661-1940 г.г. / сост. Ю. П. Колмаков. — Иркутск, 2003. — 848 с.
10. Календарь-Справочник по г. Иркутску и Иркутской губернии на 1914 г. — Иркутск, 1914. — 395 л.
11. Краткий Иркутский Справочный Календарь на 1902 год. — Иркутск, 1901. — 98 л.
12. Ладейщикова Е. Р. Типология жилых деревянных доходных домов Иркутска. / Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». — Иркутск, 2015. — Выпуск 7, 314 с. — СС.221-226.
13. Памятная Книжка Иркутской губернии 1909 года. — Иркутск, 1909. — 291 л.
14. Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России / [сост.] В. А. Долгоуров. — Томск, 1898. — 569 с. — [Сайт] URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-4180/4>.
15. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1857-1880 гг. — Иркутск, 1914. — 424 с.
16. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881-1901 гг. — Иркутск, 1993. — 544 с.
17. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1901-1924 гг. — Иркутск, 1994. — 560 с.
18. Рекунова В. М. Для временного, но приятного проживания. — «Восточно-Сибирская правда» («Конкурент»), 26.07.2008.
19. Справочник по городу Иркутску и Иркутской губернии на 1915 год. — Иркутск, 1915. — 265 л.
20. Чехов А. П. Из Сибири: Сборник. — Иркутск, 1985. — 416 с.

Примечания

- ¹ Иркутск в панораме веков: очерки истории города / колл. авт. — Иркутск, 2002. — 512 с. — С.139.
- ² Гильтебрандт Н. Очерки Иркутска. — «Иркутские Губернские Ведомости», 1859, 15 января, № 003. — С.16.
- ³ Рекунова В.М. Для временного, но приятного проживания. — «Восточно-Сибирская правда» («Конкурент»), 26.07.2008.
- ⁴ ГАИО, Ф.161, Оп.4, Д.543, ЛЛ.56об., 88об.
- ⁵ ИГД, 1892г., № 18, сентябрь. — Л.66.
- ⁶ Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1857-1880 гг. — Иркутск, 1914. — 424 с. — С.120. Летопись города Иркутска за 1881-1901 гг. — Иркутск, 1993. — 544 с. — С.520. В 1871 г. здесь останавливался Г. А. Лопатин, прибывший для освобождения Н. Г. Чернышевского (Иркутская летопись 1661-1940 г.г. / Составитель Ю.П. Колмаков. — Иркутск, 2003. — 848 с. — С.70).
- ⁷ Рекунова В.М. Для временного, но приятного проживания. — «Восточно-Сибирская правда» («Конкурент»), 26.07.2008.
- ⁸ Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1857-1880 гг. — Иркутск, 1914. — 424 с. — С.294.
- ⁹ Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1857-1880 гг. — Иркутск, 1914. — 424 с. — С.319.

- ¹⁰ Иркутская летопись 1661-1940 гг. / сост. Ю.П. Колмаков. — Иркутск: «Оттиск», 2003. — 848 с. — С.74.
- ¹¹ Ладейщикова Е. Р. Типология жилых деревянных доходных домов Иркутска. / Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». — Иркутск, 2015. — Выпуск 7. — 314 с. — С.222.
- ¹² ГАИО, Ф.70, Оп.2, Д.1028в, ЛЛ.109, 111.
- ¹³ Чехов А. П. Из Сибири: Сборник. — Иркутск, 1985. — 416 с. — С.323.
- ¹⁴ Чехов А. П. Из Сибири: Сборник. — Иркутск, 1985. — 416 с. — С.373.
- ¹⁵ Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России / [сост.] В. А. Долгоруков. — Томск, 1898. — 569 с. — СС.154-155. — [Сайт] URL: <https://elib.tomsk.ru/purl/1-4180/4>
- ¹⁶ ИГД, 1893 г., № 17-18, август. — Л.7.
- ¹⁷ Гольдфарб С. И. Иркутск: истории старого города. — Иркутск: Изд-во «Комсомольская правда-Байкал», 2007. — 584 с. — СС.390-391.
- ¹⁸ ИГД, 1896 г., № 13-14, июль. — ЛЛ.36-39.
- ¹⁹ Городское самоуправление в Иркутске: 220 лет / под общ. ред. М.М. Плотноковой. — Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. — 243 с. — С.157.
- ²⁰ ГАИО, Ф.70, Оп.2, Д.3142, Л.139.
- ²¹ ГАИО, Ф.70, Оп.3, Д.115, Л.95.
- ²² ИГД, 1893 г., № 17-18, август. — Л.11.
- ²³ ИГД, 1903, № 17-18, сентябрь. — Л.40.
- ²⁴ ГАИО, Ф.70, Оп.3, Д.2399, Л.37об.
- ²⁵ ГАИО, Ф.70, Оп.3, Д.2706, ЛЛ.2-3.
- ²⁶ ГАИО, Ф.70, Оп.3, Д.2706, ЛЛ.35об.-36.
- ²⁷ «Восточная Заря», 1909 г., 14 октября, № 145. — С.2.
- ²⁸ ИГД, 1909 г., № 21-22, ноябрь. — Л.101; ИГД, 1909 г., № 23-24, декабрь. — ЛЛ.18-22, 188-191, 201-205; «Сибирь», 1909 г., 26 ноября, № 270. — С.3; «Сибирь», 1909 г., 3 декабря, № 276. — С.3; «Сибирь», 1909 г., 24 декабря, № 294. — С.2.
- ²⁹ ИГД, 1910 г., № 24, декабрь. — Л.210; ИГД, 1911 г., № 1,2, январь. — Л.136.
- ³⁰ ИГД, 1911 г., № 13-14, июль. — Л.98.
- ³¹ ИГД, 1911 г., № 13-14, июль. — ЛЛ.100-101.
- ³² ИГД, 1911 г., № 19-20, октябрь. — ЛЛ.22-24.
- ³³ ГАИО, Ф.70, Оп.3, Д.4211, Л.31.
- ³⁴ Вестник ИГОУ, 1914 г., № 11-12, декабрь. — ЛЛ.168, 174, 230; «Иркутская Жизнь», 1914 г., 10 октября, № 36. — С.3; «Иркутская Жизнь», 1914 г., 12 октября, № 38. — С.3; «Иркутская Жизнь», 1914 г., 16 октября, № 42. — С.3; «Иркутская Жизнь», 1914 г., 18 ноября, № 75. — С.3.
- ³⁵ Иркутская летопись 1661-1940 гг. / сост. Ю.П. Колмаков. — Иркутск, 2003, 848 с. — С.349.
- ³⁶ «Сибирь», 1918 г., 6 августа, № 20. — СС.2-3.
- ³⁷ «Новая Сибирь», 1918 г., 21 ноября, № 10. — С.4; «Новая Сибирь», 1918 г., 22 ноября, № 11. — С.1; «Новая Сибирь», 1919 г., 1 января, № 1. — С.1; «Новая Сибирь», 1919 г., 4 февраля, № 26. — С.4; «Новая Сибирь», 1919 г., 9 февраля, № 31. — С.3.
- ³⁸ Иркутская летопись 1661-1940 гг. / сост. Ю.П. Колмаков. — Иркутск, 2003, 848 с. — С.384, 385.
- ³⁹ Иркутская летопись 1661-1940 гг. / сост. Ю.П. Колмаков. — Иркутск, 2003, 848 с. — С.374.
- ⁴⁰ Иркутская летопись 1661-1940 гг. / сост. Ю.П. Колмаков. — Иркутск, 2003, 848 с. — С.394.
- ⁴¹ «Власть Труда», 1920 г., 19.09, № 258. — С.3.
- ⁴² «Власть Труда», 1920 г., 21 апреля, № 132. — С.4.

Таблица № 4. Трактирные заведения в Иркутске (по годам)

Наименование заведений Трактиры, кухминстерские, кофейни Гостиницы, рестораны, буфеты Мобильные комнаты Постоялые дворы В С Е Г О	1862	1874	1886	1890	1891	1899	1902	1903	1904	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1916	
	Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1857-1880 гг. – Иркутск, 1914. – с.120	Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1857-1880 гг. – Иркутск, 1914. – с.319	Известия Иркутской Городской Думы, 1887г., №15-16, август, а.26	Известия Иркутской Городской Думы, 1891г., №18, сентябрь, а.55	Известия Иркутской Городской Думы, 1892г., №7, апрель, а.15	Известия Иркутской Городской Думы, 1899г., №20, октябрь, а.46-50	Известия Иркутской Городской Думы, 1902г., №15-16, август, а.58-61	Известия Иркутской Городской Думы, 1903г., №13-14, июль, а.7-10	Известия Иркутской Городской Думы, 1904г., №17-24, сентябрь-декабрь, а.58-63	Известия Иркутской Городской Думы, 1906г., №17-20, сентябрь-октябрь, а.36-40	Известия Иркутской Городской Думы, 1907г., №19-20, октябрь, а.31-35	Известия Иркутской Городской Думы, 1908г., №17-18, сентябрь, а.42-46	Известия Иркутской Городской Думы, 1909г., №17-18, сентябрь, а.95-103	Известия Иркутской Городской Думы, 1910г., №17-18, сентябрь, а.126-131	Известия Иркутской Городской Думы, 1911г., №19-20, октябрь, а.15-19	Иркутской Городской Думы, 1912г., №17-18, сентябрь, а.113-116	Вестник Иркутского городского общественного управления, 1913г., №4, октябрь, а.165-168	Вестник Иркутского городского общественного управления, 1914г., №11-12, ноябрь-декабрь, а.231-233	Вестник Иркутского городского общественного управления, 1916г., №10-12, октябрь-декабрь, а.83-86	
	4	23	77	38	40	18	18	6	16	28	29	23	21	21	23	26	31	39	22	33
	2	7	5	4	4	7	11	23	21	23	29	21	21	20	20	17	17	15	15	7
	-	-	1	1	2	9	14	21	8	16	18	12	11	11	11	5	15	15	23	16
	14	нет данных	56	80	92	47	45	32	44	52	51	48	50	50	49	43	39	40	43	40
	20	30	139	123	138	81	88	82	89	119	127	104	102	102	103	91	102	109	103	96

Источники

Примечание: в число трактирных заведений (строка 1) не включены дешевые столовые (на базарах).

А. И. Шинковой

ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА КИРИЛОВА 1886—1896 ГОДЫ.

Часть 2. (Продолжение. Начало «Краевед Приангарья». № 1. 2017. С. 62-75).

В январе 1886 года Н. В. Кирилову шел 26 год, он выехал из Баргузина в Иркутск, чтобы принять участие в заседании общества врачей Восточной Сибири. Иркутское общество врачей официально было открыто 2 сентября 1863 года и считалось одним из старейших провинциальных профессиональных организаций.¹ Оно возникло следом за московским обществом врачей, основанным в 1858 году. Выступать с докладом о положении сельского врача в Забайкальском крае на самостоятельном изучении медицинских проблем молодому Николаю Васильевичу предстояло среди коллег впервые. Проходившее 25 января заседание для него стало своего рода испытанием. Как сообщала газета Сибирь, собрание было весьма интересным. Журналист выделил выступление молодого врача следующими строчками: «Была прочитана статья баргузинского врача д-ра Кирилова о положении сельской медицины в Сибири. Последняя статья, несмотря на субъективность ее, прослушана была с глубоким вниманием; особенно поразительны были мастерски нарисованные картины контрастов в санитарной обстановке сел в могилевской губернии с одной стороны и в баргузинском округе с другой; в общем же почтенный доктор, видимо, преисполненный высоких идеалов и встречавший на каждом шагу если не противоречие, то положительную невозможность осуществить эти идеалы, пришел к безотрадному

заклучению, что сельскому врачу в наших сибирских округах делать нечего. Мы надеемся с течением времени, когда статья д-ра Кирилова будет напечатана в изданиях общества врачей, остановиться на ней с большею подробностью» — писала газета.² Сегодня этот обобщающий труд Кирилова, включавший географический обзор, состояние медицины в Баргузинском округе, этнографические сведения, хранится в архиве Русского географического общества в Санкт-Петербурге. В дальнейшем Николай Кирилов будет выступать среди своих коллег врачей не только в Иркутске, но и в Петербурге, Москве, в городах восточных стран, станет активным членом профессионального сообщества.

В феврале 1886 года Николай Васильевич назначается на должность окружного врача в Верхнеудинск. Его приглашают преподавать гигиену по своей программе в местном уездном училище, состоящем в подчинении у директора иркутской гимназии. Практически сразу же при участии доктора в училище начали проводить метеонаблюдения. В тот год обратиться к теме личной гигиены учащихся пришлось по причине распространения чумы рогатого скота в Забайкалье. Зараза разносилась с кожей убитых животных, крупной партией закупаемой в Монголии. Слабо поставленная ветеринарная служба, когда на одного ветеринара приходилось 51 тысяча голов скота, не могла справиться со сложившейся ситуацией. Попытка санитарных инспекторов устроить на границе карантины на несколько недель не всегда и не всеми соблюдалась. Прежде всего, ввод ограничительных правил не мог устроить торговцев мясом, нуждавшихся в быстром обороте средств, почему те их намеренно игнорировали. Весной 1886 года в Иркутске была зарегистрирована чумная зараза. Ветеринары полагали, что причиной тому мог быть ввоз в город и через город чаев, так как они

Портрет Н. В. Кирилова и О. И. Мушкиной. Из личного архива дочери доктора Юлии Николаевны (Сан-Франциско). На фотографии изображена вторая жена Николая Васильевича Кирилова Ольга Ивановна Мушкина. С ней Кирилов познакомился в Иркутске в 1896 году. В том же году они выехали на Дальний Восток. Как писал исследователь из Бичуры Д. А. Андронов, у Ольги Ивановны 6 лет назад без вести пропал муж. Такое неопределенное положение «замужней» женщины не позволяло ей и Кирилову совершить венчание в церкви. Они жили гражданским браком и имели четверых детей. Извлечение из http://bichura.ru/istoriya/vrach-kirilov-i-ego-okruzhenie_1/ (обращение к интернет ресурсу 28.11.2018)

идут защитными в кожи, которые не всегда просматривались и нередко были заражены.³ В своих разъездах по уезду Кирилов постоянно наблюдал отсутствие санитарии в деревнях. Тому причиной было и то, что крестьяне не использовали навоз, как удобрение на полях. Вместо того, чтобы потом поля засеять тем же овсом, навоз сбрасывали в реку. Отчего вода там окрашивалась в жёлтый цвет, плохо пахла и долго была непригодна для питья. В результате таких пагубных действий происходила массовая гибель рыбы, что ограничивало и без того скудный рацион крестьян. Ущерб биологическим ресурсам был налицо. Кирилов по-

тратил немало усилий, чтобы через печать и при личном общении с людьми убедить их бережней относиться к природе и своему здоровью. Случалось и так, что его усилия обезопасить здоровье населения оказывались тщетными. Одну его популярно написанную статью «О дезинфекции повседневной, профилактической», отосланную в Читу в «Областные ведомости», не приняли к публикации, в редакции газеты сочли ее ненужной выдумкой.⁴ Непонимание редакцией поднятой врачом проблемы по соблюдению личной гигиены и дезинфекции мест общего пользования надоумило Николая Васильевича начать собирать мате-

риалы для составления особой инструкции сельским попечителям, опубликованной в 1893 году в «Восточном обозрении». ⁵ То, что впоследствии в каждом городе Забайкалья имелся холерный барак, несомненно, была заслуга и Н. В. Кирилова.

Приступив к жизни в сибирской глуши, Николай Васильевич не мог свыкнуться с неприглядным отношением сельских жителей к элементарным нуждам относительно общего санитарного состояния — как человека, так и окружающей его среды проживания. Казалось бы, совсем несложно соблюдать правила, чтобы избежать так распространенного на селе дифтерита или чахотки. Но этого не происходило. Кирилов обратил внимание на то, что, как правило, в селениях скотные дворы подходят к стене жилого дома, отсюда почва под ногами с ее испарением из-под пола избы приносит вред человеку. Доктор отмечал, что недопустимо помещать в избу птицу, телят, для которых желательно строить отдельные теплые помещения. Особенно его поражало то, что в округе села сплошь вырубался лес, в результате открытая местность засушивалась, дети вынуждены были играть подле скотных дворов, а то и на куче навозного перегноя. Если в европейской России было принято устраивать возле домов палисадники, то в сибирских деревнях делать то же самое казалось вредным делом. Предубеждения преобладали над здравым смыслом. Местное поверье, исходящее от коренных сибирских жителей, пугало вновь переселившихся сюда крестьян. Было распространено мнение, что «сад выживает хозяина из дому». Доктор часто советовал администрации заводить общественные бани, чтобы в них могли мыться те, кто не имеет на своем дворе таковой. При бане же предлагал отводить место под прачечную. Он также рекомендовал иметь централизованную скотобойню, шерстомойню, отдельное место для конопли, из которой выжимали

масло и ткали грубую одежду, используемую в работе крестьянами. Кирилов взывал к ответственности все те службы, которые обязаны были контролировать санитарную ситуацию в своем округе. ⁶ Необходимых мер по оздоровлению санитарии в обществе врач Кирилов будет добиваться постоянно, где бы только ни приходилось ему трудиться. В Верхнеудинске Кирилову не довелось долго работать. Уже через два месяца его переводят окружным врачом в Петровский Завод (ныне Петровск-Забайкальский) Верхнеудинского округа, где он прожил четыре года. Полученное новое место службы ему удалось совмещать с должностью заведующего горнозаводским лазаретом. Здесь он продолжал писать статьи на самые злободневные темы, касающиеся не только медицинской профессии, где поднимались проблемы в здравоохранении, но и обращался к темам, волновавшим его уже как гражданина, живущего вблизи Байкала. 6 июля 1886 года газета Сибирь помещает большую статью Кирилова под названием «По поводу “вопроса” о байкальском рыболовстве». В этой статье автор продолжает тему, поднятую в прошлом 1885 году, когда он совершил свою ознакомительную поездку на северную сторону Байкала, на Верхнюю Ангару, что в обязательном порядке совмещалось с его профессиональной деятельностью. Теперь же врач выступил со статьей, обличающей неразумное, все возрастающее использование байкальского омуля с целью обогащения, ловля рыбы для продажи. Автор обращает внимание читателей на то, как человек нещадно эксплуатирует природу, поражается, что такое отношение к среде своего обитания становится нормой. «Человек изводит соболя, выбивает медведя, коз, где хорошо было 12 дедам, плохо приходится 200 внукам, ибо не хватает для них естественных даров», — заявляет Николай Васильевич. Пока он жил в Баргузине, то замечал, как тамошние 3 кулака

эксплуатировали 70 работников-рыбаков, хотя все они являлись пайщиками одной артели, но были бедны. Нужда заставляла их обращаться к зажиточным односельчанам то за бечевкой для починки сети, а то и за солью, чаем, случалось, и на хлеб просили денег. Богачи их снабжали необходимыми продуктами, но в долг и за проценты. Рыбу в Байкале ловили круглый год, хищнически истребляя и не давая ей окрепнуть. Поэтому возникшая причина сокращения омуля в Байкале не может считаться чем-то исключительным и удивительным случаем, писал Н. Кирилов.⁷

Статья о рыболовстве на Байкале была замечена и по достоинству оценена администрацией области. В августе 1886 года Николая Васильевича командировали в Селенгинский округ. Сюда еще при Петре I ссылали взбунтовавшихся стрельцов, позже декабристов и поляков. Кирилов должен был заведовать санитарной частью на рыбных промыслах. Одновременно доктору была поставлена задача: изучить условия жизни рабочих, занятых в местной рыбопромышленности. Такое поручение поступило от военного губернатора Забайкальской области генерал-майора Я. Ф. Барабаша, который сам посетил несколько рыболовных артелей и входил во всякие мелочи быта местного населения, так как по долгу службы еще был наказной атаман местного казачьего войска. Кирилов со свойственной ему ответственностью взялся за работу. Уже через месяц был составлен подробный «Отчет по командировке на Селенгинские рыбные промыслы врача Кирилова, в сентябре 1886 г.». Отчет на 46 страницах включал следующие разделы: дельта Селенги; снаряды рыболовные; будущность байкальского рыболовства и практические выводы. Кирилов отмечал, что еще каких-нибудь 20 лет назад крестьяне, расселенные по Селенге, жили в достатке и ни в чем не нуждались. Выращивали свои хлеба, из-

лишки продавали соседям-бурятам, «черпали» омуля в Байкале, но с умом во время его рунного хода, оставляли еще «черпать» и в верхних селениях верст в 200 от устья реки Селенги. Но с годами сюда стали съезжаться искатели обогащения — иркутяне, которые наряду с архиерейским домом игнорировали запрет на лов во время рунного хода омуля в августе—сентябре. Священники вообще ухитрились объявить о посягательстве на их «Высочайший дар». Кирилов отмечал, что вблизи дельты Селенги проживало 20 000 русского населения, для которого рыболовство дополнялось земледелием. Жившие здесь же не менее 5 000 бурят научились сами выращивать хлеб и уже не нуждались в крестьянском хлебе русских мужиков. Если раньше омуля ловили 4 тысячи человек, то ныне ловят 7 тысяч человек. Купцы скупают омуля прямо на месте лова и отправляют его в Иркутск, Нерчинск, Томск и даже в Тобольск. Байкал дает 150 тысяч пудов рыбы в год. Лишь на Селенге рыбы продавали на 2 миллиона рублей. Потребность в рыбе с каждым годом росла. В Иркутске стоимость омуля уже вдвое выше мяса, он принимает значение пикантной закуски — делает вывод Кирилов.

Доктор исследует жизнь в рыбачьих артелях. Делит их обитателей на возрастной и количественный состав, объясняет используемые способы ловли рыбы. И как врач обращает особое внимание на чистоту и правильную засолку омуля. При этом не забывает выделить то, что селенгинский омуля практически целиком продается приезжим купцам, а не местным жителям для еды, что заметно сокращало у тех и без того скудный перечень продуктов питания и вело к обеднению прибайкальского населения. Кирилов свидетельствовал, что «от рыбы местное население, живущее в 40 верстах от устья, уже отказалось, добывают ее лишь для продажи другим, чтобы купить себе хлеба».

Выводы проделанного исследования Кирилова сводились к рекомендации запретить лов омуля в период нереста повсеместно, а не только в устье Селенги, тогда как уже в 5 верстах по течению рыбу продолжают ловить, как и прежде. По мнению доктора, немаловажным для воспроизводства омуля в Байкале может стать его искусственное разведение, тогда «все затраты воздадутся сторицею». ⁸

За исследование селенгинских промыслов военный губернатор Забайкальской области особым приказом от 02.11.1886 г. объявил Кирилову благодарность «За отличное исполнение возложенного на него поручения по исследованию современного положения рыбного промысла на реке Селенге». Кирилов не ошибся, когда писал, что количество омуля в Байкале сокращается с каждым годом. Через десять лет в записках общества изучения Амурского края были приведены цифры вылова омуля в Байкале в 1896 году. По этим сведениям, байкальские рыбопромышленники добыли: омуля в Баргузинском и Селенгинском округах 5 000 000 штук на сумму свыше 1 000 000 руб., тогда как остальных рыб во всей области (Иркутской) лишь на 25 000 руб. На душу населения, по расчету для 1891 г., приходился в среднем 1 пуд 26 фунтов рыбы. ⁹ За десять лет выручка от продажи омуля сократилась вдвое. С тех пор прошло более 130 лет. Поднятый Кириловым вопрос по-прежнему остается важным для региона. Теперь, спустя многие годы, мы дожили до такого времени, когда опять приходится запрещать лов омуля на Байкале. Но и после запрета омуль на рынках не выводится, им продолжают торговать открыто.

В том же номере Известий ВСОИР-ГО, где был напечатан отчет Кирилова о командировке, было опубликовано «Мнение В. Е. Яковлева об отчете г. Кирилова, касающегося его командировки на Селенгу». Ученый-этнолог Василий Евграфович

Яковлев считал отчет Кирилова продолжением исследования о Байкальском омуле, напечатанного годом ранее. Он правильно замечает, что Кирилову было недостаточно времени на подготовку, чтобы досконально исследовать предмет в новом месте Байкала. Отсюда во второй части отчета приведены отрывочные факты, требующие более тщательной проверки, иначе они вызывают сомнения. Также Яковлевым подмечено, что автор отчета приводит сведения о жизни омуля, которые отличаются от мнения тех лиц, которые постоянно занимаются рыболовством. Рецензент не ставит под сомнение приведенные врачом очень интересные факты, но, по его мнению, они нуждаются в дополнении. А так, в целом, несмотря на то, что в исследовании не приводятся статистические данные за целый ряд лет, труд Кирилова заслуживает того, чтобы быть помещенным в издание Отдела Географического общества — заключает рецензент.

С мнением Яковлева о своей статье Кирилов согласился только в смысле научной критики. Но его удивило другое: что в Известиях отдела лишь для него сделали исключение, поместив в журнал статью с субъективным мнением об его исследовании. Он это понял как лишь нежелание иметь его сотрудником отдела, куда он уже год стремится вступить. ¹⁰ Кирилов торопил события. Пройдет несколько лет, и он будет принят в члены Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества по рекомендации Г. Н. Потанина. Он станет сотрудником Приамурского отдела РГО, Приморского статистического комитета, в организации которых сам примет активное участие, а также членом-корреспондентом петербургского Музея антропологии и этнографии.

В 1889 году Петровск-Забайкальский праздновал столетие со дня своего основания. К этому событию были отлиты юбилейные медали. Среди восьми награжда-

денных жителей города медалью «За самоотверженный труд» был и доктор Николай Васильевич Кирилов.

В 1890 году после Петровского Завода Кирилов поселился в большом селе Бичуре, прожив три года среди переселенцев-раскольников, других местных жителей. По статистическим данным за 1869 год в Бичуре всех крестьян числилось 2 688 душ, тогда как одних семейских было более 3 000 человек. Здесь на каждого работающего было по 2-3 лошади, зажиточно жили те, кто трудились.¹¹ В Бичуре среди русского населения Кирилову приходилось слышать особо выделявшийся говор семейских, так еще называли местные жители староверов, бережно сохранявших старинные обычаи, религиозные правила и обряды. Нелегко пришлось жить Николаю Васильевичу среди таких селян. Те вообще не жаловали врачей, старались обходиться без их помощи, к детям вовсе не допускали и не позволяли им делать прививки, называли их не иначе как «печатью антихриста». Окружной врач Кирилов обслуживал не только Бичуру, но и Мухоршибирь, и по-прежнему Петровский Завод. Из русского населения Забайкальского края, кроме старообрядцев, Кирилов выделял переселенцев, крестьян-старожилов и сибирских казаков, которые по образу жизни мало чем отличались друг от друга. Разве только тем отличались, что казаки за службу получали деньги. Он отмечал домотканую одежду крестьян, горбуши собственного изготовления, лет 20 как вышедшие из употребления. Как только в купеческих лавках появился московский ситец, заменивший холсты, а австрийская «литовка» — горбушу, так меньше в деревнях бабы стали ткать сукно и холст, чем умудрялись заниматься в свободное от сельскохозяйственной работы время в межсезонье. Кирилов в своих записях также касается традиционных способов охоты, рыбалки, дает обзорные сведения о других свободных промыс-

лов по извлечению естественных природных богатств. У него зародилась идея создать общество любителей правильной охоты. Ее он реализует позже, здесь же в Забайкалье, за что ему многие будут благодарны. Он также не забывает отметить отсутствие в деревнях настоящих ремесленников, за исключением кузнецов, вырабатывавших незамысловатые предметы бытового назначения, которые имели небольшой спрос также и среди монголов.¹²

В Бичуре на крыше дома, в котором жил Кирилов, был установлен железный флюгер, помогавший доктору вести метеорологические наблюдения. В селении ничего подобного на крышах не наблюдалось. Долго присматривались староверы к доктору. Тот ведь был не просто практикующим врачом, а еще и занимался в округе Бичуры наблюдением за погодой, постоянно что-то записывал в тетрадь, вел поиски археологических артефактов. Этот человек никоим образом не вписывался в общество, значит, он был не иначе как связан с происками нечистой силы. От такого странного и непонятного человека крестьяне старались держаться подальше, да и терпеть его среди себя не желали. Был собран сельский сход, вынесший приговор — доктор должен покинуть село. Но не сразу это случилось. Несмотря ни на что ему приходилось оказывать помощь семейским, спасать их от эпидемии.

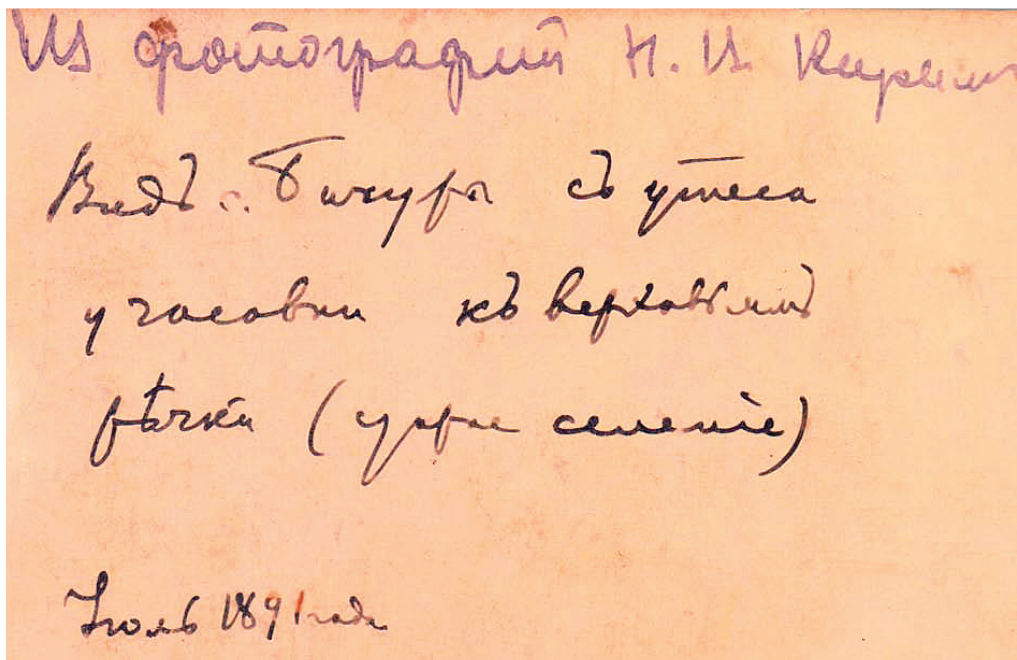
Как-то в 1890 году по пути к семейским Кирилов встретился со своим университетским товарищем А. П. Чеховым. Забайкальский исследователь Дмитрий Андронов в статье «Врач Кирилов» привел описание исторической встречи двух врачей из романа бурятского журналиста Владимира Бараева «Улигер о детстве»: «На первой станции, где меняли лошадей, его [А. П. Чехова — А. Ш.] неожиданно окликнул Н. В. Кирилов. Сокашник по московскому университету, окружной сельский врач ехал

тушить эпидемию оспы. Перетяжка коней проходила бурно: они вставали на дыбы, рвали сбрую, били копытами в оглобли. Как только ямщики-буряты запрягли их, путники еле успели запрыгнуть в тарантас. Кони рванули с места и помчали на восток. Жалея, что мало поговорил с Кириловым, он [Чехов] помахал ему рукой. Все спешили на Амур, чтобы успеть на пароход...»¹³ О той встрече с Чеховым коротко писал 8 сентября 1890 года Кирилов своему знакомому лекарю Кяхтинской таможни Константину Петровичу Козиху.¹⁴

В 1889 году Кирилов посетил Монголию. В тот год в музей ВСОИРГО им было передано 25 предметов: ящик с лекарствами, тибетская книга по медицине, тринадцать таблиц с изображением человеческого тела, амулеты, один амулет под стеклом. В советские годы часть этой коллекции передали в Усть-Ордынский музей. В 1890 году Кирилов стал готовиться ко второй своей поездке в Монголию. В этой связи он обратился с ходатайством в Главное управление Восточной Сибири с просьбой позволить его жене Марии Оттовне отправиться с караваном золота в Санкт-Петербург.¹⁵ Жену он намеренно отправлял в столицу, посчитав, что там ей у родственников будет спокойней, чем оставаться в Бичуре, пока сам летние и осенние шесть месяцев 1891 года будет находиться в Монголии. Очередная поездка в Ургу с посещением буддийских монастырей оказалась удачней предыдущей. В Монголии Кирилов помимо изучения языков и сбора материалов по тибетской медицине занимался археологическими раскопками. Свои находки с территории знаменитого Кара-Корума, древней столицы монгольского государства, он передал в дар Читинскому музею. Из путешествия он также привез много редких образцов по буддийской этнографии, позволивших ему глубже исследовать тибетскую медицину. Среди экспонатов были тибетские таблицы

с указанием внутренних органов человека, большое число лекарства лам-эмчи. После выступления в Иркутске в музее ВСОИРГО с докладом о тибетской медицине и результатах заграничной поездки Н.В. Кирилов передал предметы на хранение в фонды музея Географического общества. Ранее, перед отъездом в Монголию, ему удалось проехать к брату, служившему в Олёкминско-Витимском крае, откуда была привезена коллекция растений на 6 листах альбома, переданная в музей ВСОИРГО.¹⁶ В 1890-е годы Кирилов публикует статьи: О тибетской медицине бурятских лам; реферат Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, 1890; Тибетская медицина. «Наука и жизнь», 1890; Характеристика тибетской медицины в Забайкалье // Протоколы годичных заседаний общества врачей Восточной Сибири в г. Иркутске, 1891; Современное значение тибетской медицины как части ламайской доктрины // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, 1892; Интерес изучения народной и тибетской медицины и средства борьбы с ламами // Этнографическое обозрение, 1893; другие статьи. Более подробно о вкладе доктора Н. В. Кирилова в изучение тибетской медицины написана другая статья.¹⁷

В 1893 году Кирилова переводят в Читю. Через два года его назначают в медицинское управление помощником областного врача. В этом городе ему не раз приходилось выступать с публичными лекциями перед коллегами и в местном офицерском собрании, где по средам велись сообщения как специально военного, так и научно-образовательного характера. Кирилов докладывал разночинной публике о «тибетской медицине». В ноябре 1893 года в офицерском собрании ему довелось три вечера читать доклады о климате Забайкалья. Газета писала что: «Лектор своим совершенно бескорыстным трудом на пользу науки и ближ-

Из фотографий Н. В. Кирилова. «Вид с. Бичуры с утёса от часовни к верховьям речки (старое селение). Июль 1891 года». Фотографии хранились у дочери Кирилова Юлии Николаевны в Сан-Франциско. Предположительно, фотографии мог сделать Н. А. Чарушин.

Извлечение из http://bichura.ru/istoriya/vrach-kirilov-i-ego-okruzhenie_1/ (обращение к интернет ресурсу 27.11.2018).

него давно завоевал себе симпатии мыслящей части общества... что на сообщениях Кирилова много было дам, гимназистов и гимназисток с их воспитателями». ¹⁸

Кирилов все что мог успел сделать в Чите. Он стал одним из инициаторов создания в 1894 году Читинского отделения Императорского Русского географического общества и музея, библиотеки, издательского отдела при нем. Программу и устав Отдел позаимствовал у Восточно-Сибирского от-

дела ИРГО. В медицинском управлении Николай Васильевич был требовательным и принципиальным начальником. Здесь он пытался провести для улучшения медицинской помощи населению некоторые изменения. Не ломая устоявшиеся приоритеты, постепенно хотел внедрить более совершенные методы работы, на что его коллеги не были готовы. Да и особого желания что-либо менять в работе у них не наблюдалось. До сих пор врачебная и общественная деятельность

Кирилова находили благоприятную почву в том смысле, что высказанные им мысли и пожелания посредством печати, публичных выступлений и личного общения, воспринимались людьми положительно, так как в них ощущались вещи, способные принести пользу конкретному делу. А тут перед ним оказались упертые, организованные единым мнением коллеги, не желавшие ничего менять. Таким людям доказать свою правоту оказалось непросто. Чтобы сохранить силы и здоровье для дальнейшей жизни в иных, может даже более сложных, чем прежде, условиях, Кирилов вынужден был оставить место в управлении. О таких людях, как Н. В. Кирилов, философ Владимир Соловьев в октябре 1892 года писал: «Представим себе человека от природы здорового и сильного, умного, способного и незлого, — а именно таким и считают все, и весьма справедливо, наш русский народ». ¹⁹ Одержимые идеями, новшествами люди всегда заметны, но их далеко не все понимают, даже не желают понять. В ином коллективе как только такой человек пытается высказать иное, неординарное мнение, чтобы улучшить положение вещей, идущее супротив сложившегося мнения других, то такой человек невольно становится неудобным узкой группе стандартно мыслящих людей. Неудивительно, что уже весной 1895 года Кирилов оказывается в Нерчинске на новом месте службы. Здесь он продолжает собирать материалы о Забайкальском крае, ведет обширную переписку, пишет статью «Пчеловодство на Ононе» и доклад «О климате Нерчинска», работает над большим трудом «Охотничье хозяйство в Забайкальском крае».

Еще зимой 1895 года Кирилов побывал в Тункинской долине, растянувшейся на 190 километров от южной оконечности Байкала между хребтами Хамар-Дабана и Восточными Саянами. Чехов, следуя на Сахалин через Забайкалье, восхищался красотами края, находил здесь все, что хотел: и Кав-

каз, и долину Пела, и Звенигородской уезд, и Дон. Но Чехов не был в Тункинской долине. Тогда как Тунку Кирилов объездил вдоль и поперек неоднократно. Здесь он собирал свои коллекции. В селении Тункинское, что у подножья южных Саян, в своей «Памятной книжке по сбору рыб и дендрологических коллекций» Кирилов составил программу для собирания коллекций по рыболовству в Тункинском крае и в Култуке. Исходя из этого добывал разные экземпляры рыб в реках Иркуте, Тунке, Хабарнутском озере, даже в монгольском Косополе (совр. оз. Субсугул). Им были записаны способы лова местными жителями десяти видов рыб: язь, щука, окунь, елец, карась, сорожка, налим, сиг, пескарь, таймень. Были отслежены промысловые виды рыб в их возрастном изменении: размер, вес, время и место икромета, количество улова промысловой рыбы в определенные периоды года. Пойманную рыбу спиртовал, делал пояснительные записи с указанием места лова и времени по каждому образцу. В 1895 году Кирилов передал музею ВСОИРГО большую ихтиологическую коллекцию рыб: омули, хариусы, форель, сиги, гальяны, бычки и т. п. (Инвентарные номера 1694-1702; 1707-1728, 1733-1742).

В марте 1895 года Кирилов обследовал берег реки Иркут в местности Красный яр, что ниже селения Тункинского. Также ему удалось обследовать южный склон тункинских (саянских) гор от Култука до Мондинского стана (ныне с. Монды у самой границы с Монголией), что составило около 200 верст. На всем этом пути он делал дендрологические записи, в которых просматривается последовательная основательность: ставится номер, название дерева или кустарника, приводятся их размеры, характеристика почвы, места произрастания вида. Внимание уделяет наличию кедра в лесу, дает характеристики плодовых растений и период их сбора. В ходе сбора

дендрологических коллекций в Тункинской долине ему попался кустарник, название которого никто из местных жителей сказать не мог. В Тункинской же долине была собрана коллекция птиц, которых отстреливали охотники. В число промысловых птиц входили лебеди. Особенно их много было в местности Шера-холой Тункинской волости. Промышленниками Тунки тушка лебедя оценивалась до 2 рублей. В других описаниях жизни Кирилова уже сообщалось о том, что бурятские ламы употребляли желчь лебедя в тибетской медицине и готовы были платить за нее от 2 до 3 рублей. Мазью из желчи лебедя смазывали рот новорожденного ребенка. Эмчи-ламы применяли эту желчь и в нуждах взрослого больного. Также Кирилов отмечал, что ламами ценилась еще желчь утки-турпана, используемая в лечении некоторых болезней, как и то, что буряты не гнушались применять в пищу мясо чаек.

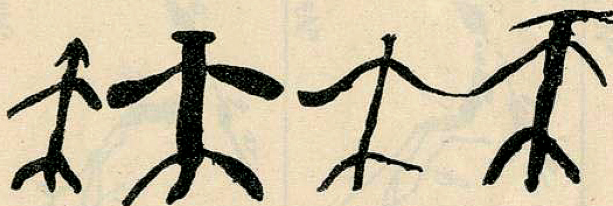
Помимо флоры и фауны Забайкалья Кирилову в разъездах встречались различные предметы материальной культуры прошлого. Начиная с апреля 1895 года удача сопутствовала ему. Тогда удалось отыскать вблизи села Тунка топор из нефрита, другой нефритовый топор был обломан, каменное орудие, в ином месте нашел железные удила. Им было обнаружено несколько мест, где имелись пласты с орудиями каменного века. В одном из таких мест было раскопано сразу три топора, медные и глиняные буддийские бурханы. У буряты Торской инородной управы Тукшейского рода Сырена Молокшенова Кирилов купил конскую узду, обрамленную серебром, старинные конские снаряжения, жернова ручной мельницы (бур. тэрпе), ступу (бур. ур) для толчения чая. Также была приобретена бурятской работы папиросница в виде монгольской палатки (Июль. 1727/1), по ошибке записанная во ВСОИРГО как «табачница» от А. И. Кириллова, препаратора музея.

Совершая поездки по Тункинской долине, Кирилов обращал внимание на местное деревенское население. В этом одном из красивейших мест Забайкалья жили русские и буряты. Жители Тунки некогда не запирали свои дома, были открыты и не такие угрюмые, как, скажем, жители Култука у Байкала. В Тунке наблюдалось большое число красивых русских лиц с белокурыми головами. Те по праздникам одевались в яркие одежды, пели песни. Нередко молодежь, возвращаясь с какой-либо работы, пела и в будни. Здесь же Кириловым была проделана большая работа, вызвавшая интерес у тех, кто был увлечен изучением водных и природных ресурсов края. А еще его раскопы, может быть, скромные и не столь значительные в сравнении с экспедиционными, но все же позволяющие рассуждать о том, что найденные им артефакты могут принести пользу науке, а при более тщательном археологическом изыскании этого региона специально организованной экспедицией можно было найти большее число артефактов.

Не менее значительную работу Кирилов провел, рассматривая археологические остатки Верхнеудинского округа. Его занимали древности, ранее найденные в окрестностях Бичуры, а также у селения Подлопаточного, где были обнаружены железные кольчуги и целый склад мелких украшений. Находки левого берега р. Селенги ниже д. Ганзурино и многое другое. Кирилов дает краткую историческую справку по изучению древностей края. Отмечает встречавшиеся надгробные плиты с надписями на санскритском и монгольском языках, которые по неизвестно какой надобности похищались с первоначальных мест бурятскими ламами. Он делает предположение, что таким образом ламы пытаются доказать свое аборигенство, хотя хорошо знают историю заселения края, но так бурятские ламы подражают монгольским и тибетским ламам.

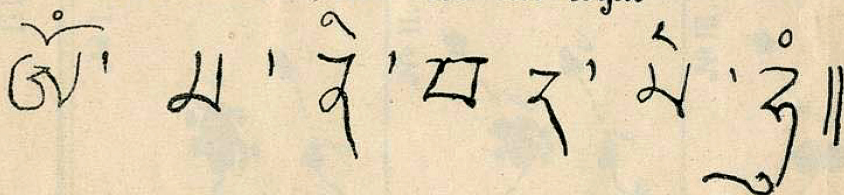
Таблица къ статьѣ Н. В. Кириллова

Начертаніа красною краской
на Хойцагарской скалѣ

Начертаніе тибетской молитвы

Ом - ма - ни - под - ме - хум

Кирилов Н. В. Некоторые указания на археологические остатки в Верхнеудинском округе (Таблица). Извлечение из Известий Восточно-Сибирского Императорского Русского географического общества. Т. 28. 1897.

Кирилов раскрывает способ получения отпечатка со старой надписи на камне: «сырой коленкор плотно прижимают щеткой к поверхности камня и по нему прокапывают простым желатином или суконным типографским валиком, напитанным краской». Технологию эту применяли в орхонской экспедиции, сообщает Кирилов. Врач также подметил, что многие древние надписи были стерты, а на их место ламами начертаны свои молитвы. Исследователю доводилось встречать камни «чудских» могильников. Однажды у села Бичуры крестьяне выпалили места с остатками древних оросительных канав, сошники, втулки, древние металлические изделия. Николай Васильевич

упрекнул местных жителей за то, что те попавшие им в руки старинные медные вещи варварски уничтожили. Свои впечатления о древностях он вставил в текст рукописи. 26 июля 1896 года Кирилов отправил рукопись в Восточно-Сибирский отдел ИРГО, ее опубликовали в Известиях отдела в следующем году.²⁰

Любопытны были и наблюдения Кирилова, оставленные в виде заметок в «Памятной книжке». В частности, в ней отмечалось, что по всей Тунке Кирилов не приметил нигде стогов сена, кроме как у купеческого сословия, поэтому скот вынужден питаться подножным кормом круглый год. Оттого-то как крестьянин, так и

инородец не надеялись вспахать пашню на заморенных лошадях, а сеяли прямо на непаханую землю и боронили. Как говорится, на благо святых. Кирилов приводит свои наблюдения в районе Култука: как местные жители создают артели по добыче нерпы, орехов, соболя, белки, другого звериного промысла.²¹

В мае 1895 года Кирилов получил от лица, пожелавшего остаться неизвестным, 10 рублей на разъезды по сбору дендрологической коллекции и растений в окрестностях Иркутска. Ранее, в 1877 году, по заданию Географического отдела Н. Н. Агапитов, будучи правителем дел ВСОИРГО, занимался ботаническими и дендрологическими изысканиями, правда, в Балаганском районе. Отделу нужны были дальнейшие в этой области науки исследователи. Отчасти таким исследователем стал Кирилов, сумевший в меру сил и возможности все же принести немаловажную пользу Отделу. С наступлением лета 1895 года Кирилов доставил в Иркутск в Географический музей большую связку дендрологической коллекции весом восемь пудов, состоящую из 77 образцов. Коллекция собиралась в Ниловой пустыни, у Тунки, в Култуке, Баргузинском округе и окрестностях Иркутска. Транспортировка коллекции в город обошлась врачу в 3 рубля 20 копеек. Коллекция поступила в музей ВСОИРГО (инвентарный номер 1729). Она долго хранилась в музее, пока из-за ветхости, да и ненадобности, не была списана в 1986 году. Свое недолгое пребывание в Иркутске Кирилов использовал для того, чтобы выехать в долину реки Ушаковки, где за селением Худяковское, на месте с прекрасным покосом, собрать гербарий, разместившийся на 136 листах бумаги. Сюда же поместил пучок ржи, взятый с пивоварских полей. Этот гербарий был пожертвован музею ВСОИРГО. Полученные на разъезды 10 рублей были истрачены. В записной книжке аккуратно записаны

расходы на бумагу — 1 рубль 90 копеек, извозчику за проезд до деревни Худяковское, расположенной в 20 верстах от города — 5 рублей и т. д. Летом того же 1895 года Николай Васильевич успел побывать в верховьях реки Нерчи, где познакомился с бытом забайкальских ороchon. Здесь были собраны этнографические материалы, переданные в Читинский музей.

В это же время он пишет статью о переселенцах. Статья получилась основательная, с подробным разбором тягот, с которыми приходилось сталкиваться отправлявшимся в дальнюю дорогу. Главное, на что обращал внимание врач, так это улучшение условий в местах отдыха измученных переходом людей. Статья оказалась интересной особенно для тех, кто непосредственно по долгу службы был ответствен за переселенцев на своем участке. Не зря же 9 июля 1895 года Председатель Читинского отделения Приамурского отдела РГО получил письмо от Приамурского генерал-губернатора с просьбой об отправке четырех экземпляров статьи Кирилова «Переселение в Амурскую область».²² Следом в 1896 году вышел из печати капитальный труд Ф. Ф. Буссе «Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883—1893 годах, с картами», СПб, 1896. Это был своеобразный отчет известного чиновника и ученого о переселенческом деле за 10 лет. Его интересы еще и как географа-экономиста и государственного деятеля пересекались с общественными интересами доктора Н. В. Кирилова. И в дальнейшем, в связи с продолжавшимися поступлениями переселенческих партий в пределы Иркутской губернии, далее в Приамурскую и Приморскую области, власти старались соблюдать высказанные пожелания разных лиц по проведению массовой дезинфекции вновь прибывших, по их расселению и обустройству. По этому важному делу постоянно велась переписка между соответствующими

службами при посредничестве канцелярий генерал-губернаторств. Рекомендации на этот счет были разные. Пожелания доктора Н. В. Кирилова, передаваемые через прессу, основывались на примерах японской медицинской системы. С ней доктор ознакомился, когда посетил эту страну в 1897 и 1903 годах. Следом выходят его статьи: «Японские санитарные учреждения», где подробно описывается нагасакский морской карантин, дается схема карантинной станции. Статья напечатана в «Сборнике общественной гигиены» в 1903 году. Составляются материалы «Из страны восходящего солнца», «Некоторые особенности постановки медицинского дела в Японии» (черновые заметки) 1905 года.

Продолжая жить в Нерчинске, Кирилов не оставлял занятий климатологией, начатые в Баргузине десять лет назад. В феврале 1896 года в Нерчинске Кирилов прочел публике лекцию «О климате Забайкалья», сорвав дружные аплодисменты присутствующих, писал Е. Д. Петряев.²³ В Нерчинске ему удалось закончить труд «Охотничье хозяйство в Забайкальском крае». В отчете о деятельности Приамурского отдела ИРГО за 1897, 1898 гг. сообщалось, что этот труд Н. В. Кирилова печатается Отделом. Тогда же Кирилов пожертвовал в библиотеку Приамурского отдела книги и журналы.²⁴ Также им были написаны научные доклады, публично обсуждаемые в обществе врачей в Иркутске, а некоторые из них даже были опубликованы. Об этом также сообщал биограф Кирилова Е. Д.

Петряев.²⁵ В Забайкалье Кирилов приобрел дополнительный опыт для своей неутомимой природы. 16 мая 1895 года Кирилов прибыл в Читу на заседание Забайкальского окружного суда и выступил там как медэксперт по делу Марии Закурдаевой, обвиняемой в убийстве мужа.²⁷ Ему же довелось принимать участие в судебном разбирательстве по факту разорения семьи Голицыных, участвовать в других судебных процессах. В дальнейшем, уже проживая в Приморье, он возобновит эту интересующую его работу.

В октябре 1896 года Н. В. Кирилов ездил в Читу, чтобы проститься с друзьями и преподнести в дар читинскому музею свою коллекцию растений в 1 401 наименование. Вслед ему было отправлено благодарственное письмо за подписью председателя Совета Забайкальского отделения Приамурского отдела ИРГО генерал-майора Е. О. Мацневского, директора музея А. К. Кузнецова и других лиц. Тогда же он посетил Иркутск, встречался с И. И. Поповым, редактором еженедельника «Восточное обозрение». Из Иркутска на Дальний Восток Кирилов увез Ольгу Ионовну Мушкину, ставшую его гражданской женой. Так закончилась его служба сельского и окружного врача, длившаяся с перерывами с 5 сентября 1884 года по 5 августа 1896 года. Дальнейший путь доктора Н. В. Кирилова лежал на восточную окраину России, к берегам Великого океана. Здесь, на Сахалине и материке, начался не менее активный, но уже другой период его жизни.

Примечания

¹ Восточное обозрение. № 36, 05.09. 1893. С. 10.

² Сибирь. 2 февраля, № 2. 1886. С. 5.

³ Сибирь. 9 марта, № 10. 1886. С. 5.

⁴ Латышев В. М. Бронислав Пилсудский и доктор Н. В. Кирилов // Известия Института Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск. 2009. № 13. С. 4

⁵ К вопросу о мерах по оздоровлению деревень (материалы к составлению особой инструкции сельским попечителям) // Восточное обозрение. 1893, № 23. С. 8-9.

⁶ Кирилов Н. В. К вопросу о мерах по оздоровлению деревень (Материалы к составлению особой инструкции сельским попечителям) // Восточное обозрение. 1893. № 23. С. 8-9.

⁷ Сибирь. № 26, 6 июля 1886. С. 4-6.

⁸ Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 17. № 3-4. Иркутск, 1887. Типография газеты «Сибирь». 1887. С. 106-151.

⁹ Пальчевский Н.А. Потребность учреждения во Владивостоке морской биологической станции // Записки общества изучения Амурского края. Владивосток. Т. 7. 1899. С.55

¹⁰ ГАИО. Ф. 293, Д. 58, Оп. 1, Л. 101. Письмо Н. В. Кирилова к Г. Н. Потанину. 20 марта, 1888 год. Петровский Завод

¹¹ Известия Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. СПб., 1872. Т. 3, № 2. С. 129, 132

¹² ГАИО. Ф. 294, Оп. 2, Д. 23, Л. 2.

¹³ <http://bichura.ru/istoriya/vrach-kirilov/> (интернет ресурс, обращение 24.11.2018)

¹⁴ Латышев В. М. Бронислав Пилсудский и доктор Н.В. Кирилов // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2009. № 13. С. 6.

¹⁵ ГАИО. Ф. 25, К. 46, Оп. 1, (Т. II), Д. 2098, Л. 1-3.

¹⁶ ГАИО. Ф. 293, Оп. 1, Д. 639. Пре́йн Я. П. Список растений, собранных Кириловым в 1891 г. в Олёкминско-Витимской стране.

¹⁷ Шинковой А.И. Николай Васильевич Кирилов и его вклад в изучение тибетской медицины в Забайкалье // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Вып. 9. Иркутск, 2017. С. 117 – 136.

¹⁸ Восточное обозрение. № 63, 15.12. 1893. С. 3.

¹⁹ В. Соловьев. Вестник Европы. Т. 6. СПб. 1892. С. 360

²⁰ Несколько указаний на археологические остатки в Верхнеудинском округе. Известия. ВСО-ИРГО. Иркутск, 1897. Т. 28, № 2. С. 136-143; Отчёт ВСОИРГО за 1897 г. Иркутск. 1898. С. 33.

²¹ ГАИО. Ф. 294, Оц. 15, Д. 20, Л. 39 Об., 45 Об., 47 Об., 56-65, 68.

²² Записки Читинского отделения Приамурского отдела Императорского РГО., вып. 3, 1898. Чита. 1898. С. 28.

²³ Петряев Е. Д. Нерчинск. Очерки культуры прошлого. Читинское книжное издательство. 1959. С. 81

²⁴ Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 4, вып. 3. Хабаровск, 1898, С. 7-8

²⁵ Петряев Е. Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Чита. 1954. С. 218-259

²⁶ ГАИО. Ф. 294, Оп.1, Д. 1. Черновик рукописи 1895 год.

Павлова Н. Д.

БУРЯТЫ В ПРАВОСЛАВИИ

Территория Иркутской области начала осваиваться русскими людьми с 1620-х годов, и первые православные церкви появились здесь после закрепления отвоеванных земель возведением в 1630-е годы острогов Илимского, Братского, Тугурского и позже — Верхоленского, Киренского, Балаганского, Иркутского и других.

В 1727 году была учреждена самостоятельная Иркутская епархия. Синодальный указ об ее образовании был утвержден Екатериной 15 января 1727 года. Первым Иркутским архиепископом стал Иннокентий Кульчицкий, впоследствии канонизированный православной церковью.

Первыми православными культовыми сооружениями в Восточной Сибири стали часовни. Исторические данные свидетельствуют, что, несмотря на то, что одной из главных построек острога считалась церковь, строительство ее русские первопроходцы начинали обычно не сразу. Например, в Иркутском остроге церковь была сооружена лишь спустя 12 лет после его постановки.

За всякой нуждой нужно было обращаться к правительству, которое находилось далеко, и они не находили возможности одолеть трудности. Главным образом указывали на неустройство дорог, из-за чего невозможно выехать и решить эти возникшие вопросы.

Взаимоотношения православной церкви и сибирского общества представляют собой важнейший вопрос в истории православия в крае. Знакомство с новой религией для коренного населения Восточной Сибири

являлось вхождением в орбиту российской государственности и разрывом с ранее существовавшими обычаями и традициями. Русские же поселенцы не мыслили своего существования без православия, так как православие организовывало и направляло общественный быт, формировало культурную среду и духовную культуру, служило фактором национальной идентичности. Правительство рассматривало православие как один из инструментов, с помощью которых Сибирь можно было сделать русской и закрепить этот край в составе России. Для духовенства распространение православия означало установление своего влияния на новой территории, укрепление экономических позиций и возможность развертывания миссионерской деятельности. Таким образом, распространение православия соответствовало интересам церкви, общества и государства.

Основным носителем православия являлось духовенство, которое организовывало богослужения, содействовало религиозному общению, регулировало семейно-брачные отношения, не допускало распространения старообрядчества, развернуло христианизацию коренного населения. Его опорой было русское население, организованное в рамках православного прихода, и местная администрация.

Деятельность духовенства начиналась после постройки храма и учреждения прихода. В каждом приходе церковное служение начиналось примерно одинаково — первым делом освящались все дома и жилища прихожан. В зависимости от количества дворов и размеров прихода на это уходило от одного до нескольких месяцев. После этого считалось, что поселение данного прихода получило покровительство «небесных сил» и приходская жизнь вступала в традиционные формы. Знакомство с новой религией было удовлетворением духовно-религиозных потребностей, заключавшихся в по-

сещении храма, исполнении христианских обязанностей, приобщении к христианским таинствам, посещении торжественных богослужений, в участии православных и государственных праздниках. Помимо удовлетворения духовно-религиозных потребностей в церкви проводилось «торжественное объявление во всенародное известие» указов и распоряжений властей, совершалось приведение к присяге. Таким образом, приходской храм являлся своеобразным центром общественной жизни.

В основе политики христианизации, проводимой Российским государством и Московской патриархией, лежало стремление укрепить свои позиции среди бурят, приобщая их к православному образу жизни, формируя слой православных инородцев, лояльных к власти. При этом, прежде всего, решалась задача разрушения основ бурятского шаманизма путем гонений против шаманов — служителей этого древнейшего религиозного института, пропаганды христианской морали и новых духовных ценностей в бурятской среде.

Посещать церковь могли как по мере появления потребностей, так и в обязательном порядке — в воскресенье и праздничные дни. Воскресный день считался днем проведения торжественных богослужений. Народу в этот день собиралось много. Церковь чаще посещали женщины.

В конце 17 века церковные власти требовали от священников провести крещение всех новорожденных в русских семьях, а также некрещенных женщин, проживающих с русскими поселенцами. Представители коренного населения принимали крещение добровольно. После этого священник приступал к венчанию всех невенчанных семейных пар. О парах, живущих совместно, но не желавших венчаться, следовало немедленно сообщить архиерею и гражданским властям. Такое сожительство объявлялось «блудом» и преследовалось по закону.

В сентябре 1691 года тобольский митрополит Павел направил во все приходские церкви распоряжение с требованием, что те, кто будут находиться, лица мужского или женского пола, в блудном воровстве, то должны оплачивать в архиерейскую казну «по 2 рубли по 8 алтын 2 деньги», а потом увеличил штраф до 5 рублей. Однако донесений о «прелюбодейных деяниях» от этого не убавилось. Окончательно урегулировать семейные отношения в Сибири властям удалось лишь в середине 18 века.

Особую значимость во 2 половине 17 века приобрел вопрос регулирования семейно-брачных отношений. В Сибири ощущался недостаток русских женщин, поэтому поселенцы покупали или захватывали «инородок». Получило распространение многоженство. Надоевшую женщину можно было продать, как невольницу. При этом продавались как «инородческие невольницы», так и русские женщины. Если мужу нужны были деньги, а жену он мог заменить другой, или он уезжал на время в Россию, или отправлялся в отдаленный поход, то оставлял желающему свою жену с тем, чтобы тот за 10-20 рублей пользовался всеми правами мужа и возвратил бы ее в определенное время. Желая пополнить недостаток женщин, правительство высылало их сюда, набирая из «развратных девиц» или преступниц. Первая такая высылка состоялась в 1630 году.

Близки были прихожанам церковные праздники, такие как ПАСХА, Рождество, Крещение и другие. Местом проведения торжеств служила трапезная. Она строилась вместе с приходской церковью и зачастую по своим размерам превосходила храм. Здесь же проводились праздники, посвященные рождению детей, свадьбы, поминания умерших прихожан. Для смотрения за трапезною нанимали трапезника на 1 год, в дальнейшем его полномочия могли продлить неоднократно.

Актуальной проблемой для приходского духовенства являлось развертывание миссионерской деятельности. На территории большинства приходов проживали представители коренного населения, которые в основной массе придерживались шаманизма. Они, привыкшие почитать своих предков, обожествлять силы природы, поклоняться духам, вести свое происхождение от мифологических животных-прародителей (орла, медведя и т. д.), с большим трудом представляли себе догмат о пресвятой Троице, не понимали рассказов о Палестине или Иордане и иные библейские сюжеты. Иногда преградой становился языковой барьер. Общаться с местным населением приходилось через переводчика, что не располагало к откровенному разговору. Для расположения к принятию новой веры представителей коренного народа следовало приглашать ко двору священника, беседовать с ними, угощать, давать платье и защищать от притеснения воевод, что не всегда выполнялось. Все это вызывало свои сложности и затруднения. К тому же, чтобы вести эту работу, численность духовенства еще была мала, и потому предписывалось, чтобы воеводы на местах оказывали помощь в вовлечении местного населения в новую веру. Именно этим людям ставилась задача, что если захотят креститься местное население, то крестить с их согласия, насильственные действия запрещались. Принятие новой веры происходило на воеводском дворе путем гласного объявления с раздачей нательных крестов и небольших подарков. Новокрещеных мужчин требовалось устраивать на государеву службу, а женщин выдавать замуж за новокрещеного или за русских служивых людей. Одним из распространенных способов принятия православия среди коренного населения стали совместные браки. Они решали вопрос обустройства быта, возмещали недостаток русских женщин. И в то же время захват «жонок» с насиль-

ственной продажей или передачей другим лицам властями должен был пресекаться

В каждом регионе Сибири миссионерская деятельность имела свои особенности. В Прибайкалье первые сведения о крещеных бурятах относятся к 17 веку. В это время в Илимском остроге проживало 23 новокрещеных, согласно «Иркутской летописи» около города Иркутска проживали крещеные буряты. Таким образом, на нашей территории их количество не превышало 100 человек. В целом, к концу 17 века миссионерская деятельность только начиналась, и результаты были незначительны. Тем не менее, уже тогда появились первые сторонники православия среди аборигенов.

С другой стороны, тесное общение с коренным населением привело к тому, что проявилось и обратное явление — влияние шаманизма на русское население. Некоторые поселенцы для решения своих проблем стали обращаться к шаманам. В связи с этим власти пошли на ограничение деятельности шаманов. Общение русских с шаманами вызывало опасения у духовенства и могло закончиться отлучением от церкви и наказанием. Шаманам запретили проводить обряды там, где проживали русские. Каждый случай обращения православных к шаманам рассматривался как упущение в деятельности священников, которым предписывалось следить за своей паствой.

В 18 веке активизировалась миссионерская деятельность православной церкви в Восточной Сибири. В 1714 году был подписан указ, по которому предписывалось крестить всех аборигенов края. Однако они понимали, что принудительная христианизация могла привести к столкновениям на религиозной почве, и потому власти были вынуждены скорректировать свою позицию. В 1719 году вышел сенатский приговор «О некрещении татар и других иноверцев против их воли». В 1720 году был подписан указ «О льготе новокрещеным от

всяких сборов и податей на три года». Этот указ давал новокрещеным временное освобождение от сборов и податей, при этом налоговая нагрузка перекладывалась на плечи сородичей, не принявших православие.

В 1725 году Синод издал постановление, которое предписывало «принявшим православную веру выдавать деньги на платье и подарки». Предусматривалась выдача нательных крестов, икон, холста на рубахи, кафтаны и другие подарки. Инородческое население восприняло подобную практику по-иному. Они принимали православие, получали льготы и пользовались ими три года. После истечения срока они вновь крестились, но уже в другой церкви, надеясь на новые льготы. Таким образом, крещение для них превратилось не в осознанное принятие новой религии, а способ уклонения от уплаты ясака и налогов. Эта практика получила широкое распространение на нашей территории, особенно в Балаганском духовном правлении. За такие дела в первую очередь должны были быть наказаны священники, потому они теперь не спешили крестить, а старались подготовить человека к принятию новой для него веры, иначе могли лишиться своих чинов.

В 1654 году был основан Балаганский острог Дмитрием Фирсовым по приказу енисейского воеводы Афанасия Пашкова. Через некоторое время туда заселили 60 семей, и к концу 17 века казаками была построена Спасская церковь. С 1658 года острогом управлял Иван Похабов. Управляя он очень жестко, жестоко обращался с инородцами, и потому от его жестокости многие буряты сбежали в Монголию. Бежали не только буряты, но и другие люди, так что настало время, когда не с кого было собирать ясак. Иван Похабов был смещен со своей должности за все свои «праведные дела».

В 1710 году за теснотой и обветшанием построенной казаками церкви был выстроен

новый деревянный храм во имя Рождества Христова, который впоследствии сгорел. На этом самом месте в 1728 году была совершена закладка каменного храма во имя Спаса Нерукотворного. Новая церковь была построена в 1787—1796 годах, простояла она до 1932 года и была снесена под предлогом «Религия — опиум для народа». В 1803 году была открыта приходская школа. По Указу Синода в 1872 году церковь из приходской переименована в соборную. К этому времени в Балаганске действовало 11 церквей. В 1774 году Балаганск получает статус города, а в 1856 году он становится окружным городом Иркутской губернии, центром уезда, администрация которого контролировала территорию от Черемхово до Тулуна и на севере до Киренска. В состав входили 23 волости, в том числе вся наша нынешняя территория.

Главное внимание уделялось созданию миссионерских станов в гуще бурятских ведомств. Стан состоял из церкви, жилья священника, домов приюта, миссионерской школы с пансионом, где учащиеся бесплатно жили и питались. Это особенно привлекло малоимущую часть бурят. Первый такой стан появился в 1859 г. в Нукутах. К 1870 г. по обе стороны Байкала было 22 миссии, в 1877-м — 35, а в начале XX века — 41.

Миссионеры организовывали сбор средств на строительство и ремонт храмов, ходатайствовали перед местной властью, духовной консисторией, Иркутским комитетом Православного миссионерского общества. С этого времени миссионерская деятельность среди бурят усиливается. При открытии в стан вошли более 50 000 инородцев трех ведомств. К началу 20 века в составе его числилось 68 улусов с населением около 10 тыс. человек.

Первый храм в Нукутах во имя Святого Инокентия начал строиться в 1848 году на средства тайши Балаганского ведомства Г. Андреева и окончен на средства мецца-

нина Березина в 1859 году. В январе 1878 г храм этот сгорел до основания. Второй храм был построен усилиями бывшего миссионера Нукутского стана протоирея И. Ливанова и тайши Щербакова, а также на средства, собранные с бурят Балаганского ведомства. В 1896 году он также сгорел (из-за неисправной печи), но внутреннее убранство и иконостас были спасены. Летом 1898 года, 14 июня, заложили последний храм. Строил его известный мастер, екатеринбургский мещанин Е. П. Ку克林. К осени все строительные работы были завершены, и 3 ноября того же года архиепископ Тихон освятил церковь во имя Святителя Иннокентия, епископа Иркутского. Здание церкви было деревянное, просторное, в один этаж. Над папертью возвышалась колокольня. В 1920-е годы богослужения в церкви прекратились и в здании устроили больницу, церковь не сохранилась.

Церковь была построена в Одиссе (ныне Зунгар) в 1882–1884 годах и проработала до 1932 года, называлась она — церковь Михаила Архангела, обслуживала всю округу, то есть и соседние деревушки. Как вспоминали очевидцы, рядом с церковью росли сосны, лиственницы. Церковь была очень красивая, ее было видно со всех четырех сторон.

«Одиссинский миссионерский храм, первоначально приписной к Николаевской церкви с. Нукуты, находился от нее в 50 верстах, в бурятском улусе. Заложен он был 26 мая 1882 года на средства старосты Зунгарского рода М. Ашедуева.

В 1903 году в улусе Наймадай была построена церковь Сошествия Святого Духа. Построил эту церковь крестьянин Заларинского села Ф. И. Распопин на свои средства, освятили ее 13 ноября 1903 года. Здание было деревянное, одноэтажное, без колокольни. Первоначально храм этот входил в приход миссионерской Иннокентьевской церкви села Нукуты, а в 1910 году

указом Синода здесь был открыт самостоятельный приход. До наших дней храм не сохранился.

Крещенные не всегда получали билет, дававший им льготу на освобождение от уплаты ясака. Происходило это в тех случаях, когда зайсаны и шуленги (гл. рода) не давали льгот или буряты крестились в детском возрасте, когда были неплатежеспособными.

В 1891 году в Балаганском округе насильственное крещение приняло огромные размеры. Местная администрация и миссионерство, пользуясь поощрением высшей власти, обнаглели до того, что стали издавать циркулярные предписания об обязательном крещении бурят по заранее заготовленным спискам: «изъявившим желание креститься» и «подлежащих» крещению. Списки бурят, подлежащих крещению, пересылались ежегодно исправнику для заверки и направления родоначальникам, которые должны были «представить означенных лиц к приезду преосвященного». Один из тех, кого внесли в список, валялся в ногах у старосты, просил не вносить его в список желающих принять святое крещение, но староста собственноручно внес его в список. Вот таким образом пополнялись эти списки на святое крещение. Родовые старосты принимали ревностное участие в христианизации бурят, так как кроме медалей и поощрений это приносило им еще материальные блага за их «труды». Часть бурят пряталась от этого, другие пытались искать защиты от насилия местных властей и духовенства у иркутского генерал-губернатора, подавали прошения, которые не всегда имели положительный результат. В начале 20 века буряты, выражая свой протест, отказывались содержать православные храмы, миссионерские станы. Миссионерам стали возвращать святые иконы, а те, кто жили далеко от миссионерских станов, вывозили эти иконы в чистое поле и оставляли

их там. Были случаи, когда, насильно связав человека, трижды его крестили и надевали на шею крест, считая, таким образом, его крещеным.

Новым эффективным приемом в деле христианизации бурят явилась подготовка миссионеров из местного населения. Обучение проходило в Иркутской духовной семинарии. Существовали женские духовные заведения, где обучались бурятки: Иркутское училище девиц духовного ведомства, училище при Иркутском Знаменском монастыре. Лучших воспитанников отправляли в Казанскую духовную семинарию, где готовились священники более высокого ранга. Во 2 половине 19 века общая численность миссионеров в миссионерских школах и пансионатах выросла. Эти люди хорошо знали свой народ, язык, обычаи, быт, психологию своих соплеменников и потому находили и применяли методы и формы приобщения их к христианству. Некоторые миссионеры обладали выдающимися качествами, занимались просветительской, научно-переводческой и общественной деятельностью, пользовались широкой известностью и авторитетом. Переводом занимались не только священники, но и грамотные буряты, хорошо владеющие русским языком. Почти двухвековой напряженный труд Иркутской епархии принес плоды благодаря решительной действенной поддержке губернской и местной властей, областных и уездных чинов. И в результате в начале XX века была открыта отдельная Православная Бурятская церковь, под крылом которой оказались тысячи бурят. В 1903 году бурятское православие имело 59 миссионерских станом, духовные училища с количеством обучающихся в них 1 400 чел., десятки священнослужителей, церковные приходы с паствой и церковными старостами из числа бурят.

Распространение православия в Восточной Сибири рука об руку шло с развитием

просвещения. Многие выпускники приходских училищ и духовных семинарий, не принимая духовного сана, все же способствовали распространению православия среди сородичей. К числу их относится династия учителей Болдоновых. Первым учителем из этого семейства стал Яков Афанасьевич Болдонов (1808—1849). Родившись в улусе Закулей, на левом берегу Ангары, он выучился грамоте у ссыльного поляка С. Галковского. Окончив Балаганское приходское и Иркутское духовное училище, 25-летний Яков решил стать учителем, для чего сдал специальный экзамен в Иркутской гимназии. И в 1836 г. он получил право «обучать в частных домах: чтению и письму на русском и монгольском языках и началам арифметики». В частном училище Болдонова училось сначала 52, а позже 104 человека. С 1839 г. он преподавал в Аларском и Павловском правительственных училищах, а через два года возглавил Балаганское приходское училище, где под его руководством работали учителя-буряты Николай Алексеев, Федор Жербаков, Матвей Махусаев, Павел Миронов. Таким образом, Я. Болдонов стал родоначальником бурятского просвещения в Восточной Сибири.

Помимо преподавания Яков Афанасьевич занимался и переводами, медицинским просвещением. Он перевел с русского на бурятский «Правила для учащихся в народных училищах» и брошюру по борьбе с оспой. Эта брошюра помогла внедрить прививки и победить эту страшную тогда болезнь. Значителен вклад Я. Болдонова и в фольклористику. Постоянно записывая народные легенды и пословицы сначала у своей бабушки Хутэрхэн, потом у других родичей и знакомых, он публиковал их в иркутских газетах под псевдонимом Харабсаров. Этим самым он дал пример и напутствие своим потомкам, прежде всего племяннику Николаю Болдонову, который, пойдя по учительской стезе, стал фольклористом и

этнографом. Николай Семенович Болдонов (1833—1899) родился тоже в Закулее. Первоначальное образование получил у своего дяди в Балаганском приходском училище. И так же, как он, окончил Иркутскую духовную семинарию. Способности и знания его оказались такими, что в 1860 г. его оставили в училище помощником инспектора с разрешением преподавать священную и русскую историю. В 1862 г. в Чите вышел его перевод брошюры П. Савенко «О мироздании», ставшей популярной. Учитель И. Пирожков назвал эту книжку «первым произведением письменности на родном языке иркутских бурят». Превосходное владение русским языком, прекрасный голос и красноречие производили впечатление не только на учащихся. Познакомившись с ним, архиепископ Иркутский и Нерчинский Парфений уговаривал Николая принять сан священника. Несмотря на то, что это сулило почет и уважение со стороны местных властей, более весомые по сравнению с учительскими жизненные блага, Н. Болдонов решил посвятить себя просвещению. В 1864 г. он уехал в Балаганск и стал преподавать в инородческом училище. В 1866 г. в Петербурге вышел «Русско-бурятский букварь», который называли миссионерским. Сенсационность издания была в том, что его автор Н. Болдонов впервые использовал русский алфавит для написания бурятских слов, а для обозначения чисто бурятских звуков, которых нет в русском языке, ввел надстрочные знаки и латинские буквы, которые используются и сейчас. Как и его дядя, Николай Болдонов собирал бурятские сказки, песни, улигеры, но не смог издать их. Однако любовь к народному творчеству он передал своему ученику Матвею Хангалову, который, будучи учителем, стал выдающимся фольклористом и этнографом с мировым именем.

Некоторые буряты, крестившись, изучили русский язык и, получив ответственные

должности, начали иметь выгоду, их соплеменники стали охотнее принимать крещение, которое давало возможность учить детей, хорошо устраивать их дальнейшую жизнь, это — Баторовы, Пирожковы, Протасовы и другие. С тех пор стало много бурят с русской фамилией.

Тайша Аларской Степной Думы Галсан Павлович Баторов и тайша Идинской Степной Думы в Бохане Илья Иннокентьевич Пирожков были богаты, богаты были и их приближенные. Так, письмоводитель Аларского тайши Х. Амвросов (второе лицо после тайши) имел годовой доход 10 000 рублей. Трое его детей учились в Томске и Иркутске, что мог не каждый себе позволить. Тайши и дарги были заинтересованы в крещении своих соплеменников, потому что за это они получали премии и ордена. В 1860-е годы активным поборником православия стал боханский тайша Илья Пирожков. За содействие в распространении христианства среди балаганских, осинских и идинских бурят в 1867 году по ходатайству Синода был награжден орденом святого Владимира 4-й степени и чином коллежского регистратора.

В 1880 году священником в Алари был назначен Николай Затопляев, и он решил построить там церковь, в разработке этого проекта участвовали сам Затопляев, тайша Баторов и другие влиятельные сородичи. Все это сказалось на том, какая получилась церковь. Она напоминала восьмиугольную бурятскую юрту, только очень высокую: нижняя часть — 16 м, а верхняя, тоже восьмигранная, — 10 м. Храм венчала 8-метровая колокольня с ярким позолоченным куполом. В каждой стене малого восьмиугольника были высокие окна, полукруглые сверху. Колокольню окружали четыре восьмиугольные башни с зеленоватыми куполами. Общая высота храма со шпилем — 36 м.

Сходство с юртой бросалось в глаза и внутри: обычно крыши деревянных юрт

подпирались четырьмя столбами, а своды церкви украшали четыре массивные колонны. На строительство ушла огромная сумма денег. Аларская церковь была одной из самых богатых благодаря тому, что хорошо вела хозяйство. Государство выделило ей 99 десятин лучших покосов по берегам реки Аларь, из них священнику принадлежало 66 десятин, псаломщику — 33 десятины. Покосы отдавали в аренду крестьянам окрестных улусов. Мужское население Аларской степной думы составляло 14 тыс. человек. Корма для скота, которого у церкви было много, хватало. Церковь имела большие доходы от продажи мяса, молока, масла. Но увеличением сбора с прихожан Затопляев не занимался. Возвращаясь из поездок по улусам, он в лучшем случае привозил воз зерна или тушу барана. Буряты приносили дары не по принуждению, а из уважения к священнику. В строительстве храма помогла Иркутская епархия, но большая часть средств поступила от добровольных пожертвований прихожан и аларцев, уехавших в другие места Сибири.

Освящение церкви проходило в 1892 году при огромном стечении народа. Рождество Христово, Крещение, Пасха, Троица и другие церковные праздники становились событием для людей всех возрастов. Красивые литургии, крестные ходы, пение в храмах, колокольный звон — все это привлекало бурят к торжественным богослужениям. Молодежь охотно ездила в церковь, которая стала местом знакомств, встреч, приводящих к сватовству и красивому венчанию.

Аларская православная церковь выигрывала соревнование за паству у буддийского храма, находившегося рядом. И хотя буряты верили в Христа — многие из них не расставались с шаманством — праздновали тайлаганы, посещали святые места, лечились у шаманов, но буддистов среди них было меньше, чем православных. Вместе с тем многие буряты верили и в Христа, и в Будду, и в шаманских духов. Таким образом, здесь, как и

в других местах Восточной Сибири, реально существовало троеверие.

В соперничестве религий многое зависело от личных качеств священнослужителей. Николай Затопляев пользовался огромным авторитетом, так как был обходителем с прихожанами независимо от их богатства. Богослужения и проповеди вел на простом, доступном обществу русском языке. А молебны в дацане проходили на непонятном санскрите. Кроме того, Затопляев преподавал Закон Божий в местной школе, был благочинным ряда церквей Балаганского уезда. Он изучил бурятский язык, фольклор, занялся переводом бурятских книг священного писания, чтобы сделать их доступными для понимания бурят. Сделав самостоятельно перевод одной из литургий, он начал читать ее в церкви, церковная служба превратилась в нечто невероятное. Во-первых, перевод получился несуразный. Так, например, слова «Бог-отец, Бог-сын, Бог-дух святой» он перевел так: «Эсэгэн бурхан, хубун бурхан, хальсин бурхан». «Хальсин» по-бурятски — ветер. И вышло — «Ветреный Бог или Бог легкого поведения». Плюс ко всему ужасный акцент, искажающий смысл слова до невозможности...

Присутствующие в церкви не могли удержаться от смеха и постепенно один за другим вышли. Остался в церкви один невозмутимый человек — Галсан Павлович Баторов. После такого неудачного выступления священник не проводил больше богослужений на бурятском языке.

В 1877 году число бурят, принявших православие, превысило 10 тыс. человек. Наибольшее распространение принятие православия получило в Аларском, Балаганском ведомствах.

А по данным переписи 1897 года число православных бурят в Иркутской губернии составило 45 364 человека.

17 октября 1905 года вышел Указ, по которому населению Российской империи

была дарована религиозная свобода, начался массовый выход из православия. Сжигание предметов шаманского культа и преследование шаманов не прошли бесследно, но и не дали желаемых результатов.

В конце 19 века сложились традиции приурочивать тайгаланы к христианским праздникам: в летние месяцы к Петрову дню, к Ильину дню, а осенью к Покрову дню. Буряты стали праздновать православные праздники: Николин день, Покров день, Пасху и т. д. Стали посещать церкви, ставить свечки.

Под влиянием Православия произошли изменения в погребально-поминальной обрядности. У бурят наиболее распространенными способами захоронения были наземно-воздушные, а также кремация. В некоторых случаях закапывали в землю. Постоянного или общего кладбища у бурят не существовало. Священники пытались через Степную думу, родовых старост и аульных старшин заставить бурят вне зависимости от их вероисповедания совершать погребальные действия строго по христианским обычаям на специально огороженных сельских кладбищах, предполагая также обязательное соболезнование умирающих приглашенными священниками. Местные законы, принятые без участия представителей Церкви, строго регламентировали всю похоронную обрядность, включая даже глубину могильной ямы, и предусматривали судебное и административное преследование нарушителей.

В конце 19 — начале 20 века наземное захоронение у западных бурят уже не бытовало. Помещение в могилу стало обычным делом, стали ставить надмогильные сооружения с христианскими крестами. Появились кладбища. Прекратился обычай убивать у могилы коня, на котором везли умершего. Начали устраивать поминки на 9-й и 40-й день, а также в годовщину смерти. В отдельных случаях приглашались священники для отпевания, иногда ходили в церковь, ставили свечку в память об умершем человеке.

Буряты стали переходить на оседлый образ жизни, изменился образ жизни, тип жилищ и поселений. Христианизация способствовало приобщению их к земледелию.

С 1905 по 1917 годы выросло число новых приходов за счет прироста населения, массовых переселений из Центральной России по реформе Столыпина. К тому времени наметился диалог между буддизмом и православием, что породило благоприятные перспективы. 28 января 1912 года Иркутск посетил глава буддийского духовенства в Сибири Пандидо Хамбо-лама Итыгелов, «прогрессист», интересующийся всем, что может поднять культуру бурят.

После революции 1917 года, когда церковь отделили от государства, буряты в Прибайкалье стали отказываться от православия и большая часть уходила в шаманизм, кто-то в буддизм, а кто-то до конца своих дней оставался троеверцем или двоеверцем.

Литература:

1. Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии. 17 — начало 20 века. /Научно справочное издание. — М., «Галарт», 2000. — с.346.
2. Иркутские епархиальные ведомости — 1878 - № 17—18.
3. ГАИО фонд № 80, опись № 1, ед. хр. № 9074.
4. Бадмаева А.А. Некоторые новые данные о христианизации бурят. (Интернет).
5. Бураева О.В. Православие у бурят (17—20 вв) ЭО , 2010 , № 1 .
6. Православие бурят Иркутской губернии. (Интернет).
7. Бараев В. «Христианство с раскосыми глазами». (Интернет).
8. История принятия православия в Балаганском уезде бурятами. (Интернет).

ОЛЬХОНСКАЯ
ИСТОРИЯ

Н. А. Король

ПРИОЛЬХОНЬЕ. ХОЗЯЕВА
ТАЙГИ

Восстание народных масс не нуждается в оправдании. /Л. Троцкий/

В а основу для написания статьи взяты эпизоды, связанные с фазами активного вооруженного повстанческого сопротивления, происходившие в Приольхонье в начале 20-х годов прошлого столетия. Однако территориальные рамки повествования временами будут незначительно расширены. Причиной такого решения является привязка к местам действий повстанческих отрядов, которые порой выходят за границы современного Приольхонья. Данная информационная подборка создана на основе публикаций и архивных данных: сводок, отчетов, распоряжений и прочих документов официальных структур и органов Иркутской губернии. Следует отметить, что сведения, содержащиеся в архивных документах, носят фрагментарный и порой противоречивый характер. В данной статье не преследовалась цель дать нравственную оценку минувшим событиям и совершенным поступкам. Это время, когда проявление абсолютной жестокости, безнравственности и аморальности соседствовало с выражением милосердия, проявлениями чести, достоинства, любви и веры в то, что борьба ведется не зря, и грядущие перемены сделают жизнь лучше.

«Районирование волостей по продовольственным районам. К 1 мая 1920 года. Иркутской губернии, за исключением гор. Иркутска, какой выделяется в особый продовольственный район, предполагается организовать 8 продрайонов.

1/ Иркутский, в состав его входит весь

Иркутский уезд в его административных границах данного времени, и к нему относятся волости Верхоленского уезда: Баяндаевская, Еландинская /хош/, Верхне-Удинская, Кутульская, Косостепская, Ользоновская /Эхирит. Хош./, Хоготовская /хош/...»¹ Падение правительства Колчака основной массой крестьянства было встречено положительно. Со сменой власти сельское население связывало возможность получения экономических выгод и свобод, но ожидания не оправдались. Вчерашние освободители от колчаковской реакции к середине 1920 года уже сами воспринимались недоброжелательно. Враждебное отношение крестьян начало проявляться одновременно с проведением мобилизаций, разверсток и прочих мероприятий, осуществляемых Соввластью. Государственные повинности, зачастую проводимые с применением «мер к понуждению», все больше настраивали сельское население против власти большевиков. Крестьянство Верхоленского уезда, в состав которого входила Косостепская волость, состояло на 60—70% из середняков. Ведение середняцкого хозяйства в то время давало возможность вполне приемлемо жить. Установившийся веками жизненный уклад, основанный на собственнической психологии земледельца-индивидуалиста, заядлого собственника, мелкого производителя товаров, торговца, не способствовал возможности крестьянину быстро перестроиться в «общественника и коллективиста». Интересно описывается сложившаяся ситуация в докладной записке от 27 августа 1920 г., адресованной Командиру 69-й Отдельной Стрелковой Бригады Восточно-Сибирского Сектора Войск ВОХР, составленной Начальником Отряда Особого Назначения того же подразделения тов. Некундэ. Отряд ОН 69 Отдельной Стрелковой Бригады в количестве 10 человек, с 27 июля по 23 августа, проследовал по маршруту: Иркутск, Хомутово,

Оек, Усть-Орда, Ользоны, Поворот, Шахтой, Харат, Нижний Кукут, Ользоны, Косая Степь, М. Бугульдейка, Еланцы, Алагуй, Даниловский пер. уч., Баяндай, Задай, Адык, Ользоны, Иркутск. Отчитываясь о своем походе, Некундэ отмечал, что «все пригородное население» настроено по отношению к Соввласти очень враждебно. По пути следования отрядом постоянно проводилась проверка находящегося в улусах русского населения. В результате проверок выявлено большое количество «контрреволюционеров и дезертиров». Отмечалось, что в селах занимаются самогонварением, причем дело поставлено «с размахом». На территории Приольхонья фиксировались продвигающиеся за Байкал, поодиночке и небольшими группами, бывшие офицеры Колчаковской армии. Благодаря помощи местных жителей эти группы благополучно перебирались на восточный берег Байкала. При проверках у населения изымалось оружие. В с. Косая Степь и его окрестностях у местных жителей изъято 17 винтовок, оружие оставлено Волревкому. В с. Еланцы — 3 винтовки переданы Хошревкому. Благодаря обнаруженному в Еланцинском Хошревком деле «о свержении комиссаро-державия и восстановления государственной власти» собран компрометирующий материал на бывших и настоящих служащих Эхирит-Буллагатского аймака.

Основной причиной усиливающегося недовольства населения являлись проводимые разверстки, требования пожертвований и прочие повинности, возлагаемые на сельских жителей. Население готово было выполнять разверстки, но взамен хотело получить товары промышленного производства: сельхозинвентарь, мануфактуру и другие предметы обихода, необходимые для повседневной жизни. В начале 20-х годов государство не могло предоставить крестьянству необходимого количества промышленных товаров, и власти продолжали

ужесточать политику насильственного изъятия продуктов сельского хозяйства из деревни. Ответом на действия властей стало проявление протестов и вооруженные выступления крестьянства Иркутской губернии.

«... Дело по обвинению Анны Васильевны Манзыревой-Иванчуковой, 20 лет, из г. Бодайбо, в том, что зная о дезертирстве своего мужа из рядов Красной армии, который устроился секретарем Алагуевского улуса и при приближении весной 1921 года банды Татаркина ушел в таковую, выдав последней партийных работников, которые были убиты — не сообщила об этом ...»²

Не стала исключением и территория Приольхонья. Одними из первых лидеров местного повстанчества, ставших известными в 1921 году, были Татаркин/Татарников и Романенко. Татаркин — бывший поручик, командир взвода Кавэскадрона ВНУС, перешедший на сторону повстанцев в феврале 1921 года. Романенко — бывший прапорщик, председатель «Военноконской» комиссии, примкнул к повстанцам вместе со всем составом «Конкомиссии». В начале апреля 1921 года Романенко со своей группой находился в сводном отряде Д. Донского численностью примерно 500 человек, стоявшем в районе с. Усть-Орда. Группа Романенко носила название «Первый особый ударный отряд» и пользовалась официальной печатью. В начале мая органами ВЧК фиксируется образование сводного повстанческого отряда Татаркина—Романенко численностью до 40 человек, действующего в районе с. Косая Степь. В сводках ВЧК отмечалось, что население к «белобандитам» относится хорошо, снабжает лошадьми и «хлебо-фуражем». После ухода повстанцев жители составляют списки как пострадавшие, таким образом оправдываясь перед Соввластью. Действия отряда Татаркина—Романенко были направлены против коммунистов, Совработников и со-

чувствующих им лиц, отменяли разверстку и все распоряжения большевиков. Агентура ВЧК докладывала о том, что Татаркин и Романенко ведут переговоры с Д. Донским о переброске его отряда в с. Косая Степь. 27 апреля повстанческий отряд появляется в с. Косая Степь, где расстреляны: крестьяне — Рыков Д. Л. и Рыков П. П., служащий Волисполкома Подгорбунский А. В., красноармейцы — Толстихин Ф. и Артемцев А., члены комячейки — Брянский А. П. и Попов М. И. 29 апреля группа повстанцев численностью 20 человек отмечается в районе с. Даниловка /восточнее с. Баяндай/, где убиты 4 красноармейца и 1 женщина — Литвинова, числившаяся сотрудницей общества потребителей из с. Косая Степь. 13 мая в районе с. Куртун повстанцами разбита отправленная для проведения разведки группа 4-го Особого Отряда 35 дивизии — 21 боец. Потери красного отряда: 13 убитых, 5 раненых, 2 взяты в плен и 1 пропал /в дальнейшем указываются 16 убитых красноармейцев/. 18 мая отряд численностью 60 «всадников» занимает с. Петрово, где убиты: Начрадиостанции, Предволисполкома с. Косая Степь А. Пенкальский и четыре красноармейца. Четыре красноармейца взяты в плен, захвачены 8 винтовок и пулемет Шоша. Из с. Петрово повстанческий отряд уходит в с. Еланцы. После столкновения с подошедшим красным отрядом повстанцы оставляют с. Еланцы и направляются на Ивано-Андреевский винокуренный завод /район с. Харат/. Произшедшие события привели к роспуску комячейки Косостепской волости, первой Комячейки Приольхонья. В июне отряд Татаркина фиксируется в Балаганском уезде, где действует совместно с отрядами Донского и Чернова. В середине августа отряд Татаркина отмечается на линии Харат—Ользоны /с. Даниловка/. Повстанцами разграблен кооператив, потребительское общество, Волисполком и расстреляно 3 че-

ловека. К концу лета, с началом сбора урожая, повстанцы активизировали действия, направленные на срыв проведения продовольственной кампании в Приольхонье. Среди населения распространялось воззвание не сдавать по разверсткам «хлеб и скот», защищать свое имущество и вступать в ряды партизан. Оканчивалось воззвание словами: «Долой коммунистов! Да здравствует прежняя сильная Россия! Штаб 1-го Прибайкальского Партизанского отряда». 7 сентября в районе с. Косая Степь повстанцами разграблена «потреблавка» и захвачены продагенты — 4 мужчин и 2 женщины. Из числа плененных убит коммунист — Д. И. Данилов. Жена Данилова, Екатерина Георгиевна, пропала без вести. Беспартийных повстанцы не тронули. В начале сентября убит волостной налоговый инспектор Кутульского хошуна П. Р. Леонов. Захвачена в плен волостной налоговый инспектор Еландинского хошуна З. Ф. Куприянова. Предварительно предполагалось, что она расстреляна, но в конце сентября Куприянова возвратилась из плена живой. Иргубпродком сообщал в Иркгубком, что в таких условиях работа по сбору продналога практически не представляется возможной. 11 сентября, для ликвидации повстанческого отряда, из г. Верхолениск отправлен отряд 443 полка 148 отдельной стрелковой бригады численностью 40 «штыков». 19 сентября в результате произошедшего столкновения с красным отрядом повстанцы, потеряв 1 убитого и 2 пленных, разбежались по тайге. Однако уже в октябре Разведотделом Штаба 5 Армии фиксировался в районе деревень Петрово и Попово повстанческий отряд численностью 46 человек. 23 октября сводный партизанский отряд, созданный за счет объединения групп Татаркина, Зверева и Ушакова, в количестве 60—70 конных бойцов появляется на участке Куда—Барда. Далее этот отряд в районе с. Оса соединяется с отрядом Д. Донского. Последующий

путь сводного отряда под командованием Д. Донского лежит в направлении г. Верхоленск по маршруту д.д. Марфа, Долгая, Усть Ильда, Заплескино, Келора ... В связи с произошедшим объединением повстанческих отрядов военным руководством большевиков принято решение — отряд Татаркина с учета снять как прекративший самостоятельное существование.

1922 год.

«Телеграмма № 10701, подана 16/3-22 г. / из Ользоны Иркутск Губотдел /. Срочно — Секретно... Сообщаю положение аймака таково что необходимо срочно выслать 50 человек Кавчастей 2 легких пулемета тчк В Косой степи служащие и Ком ячейка разбежались тчк Комвойск Якутская Некунде». ³

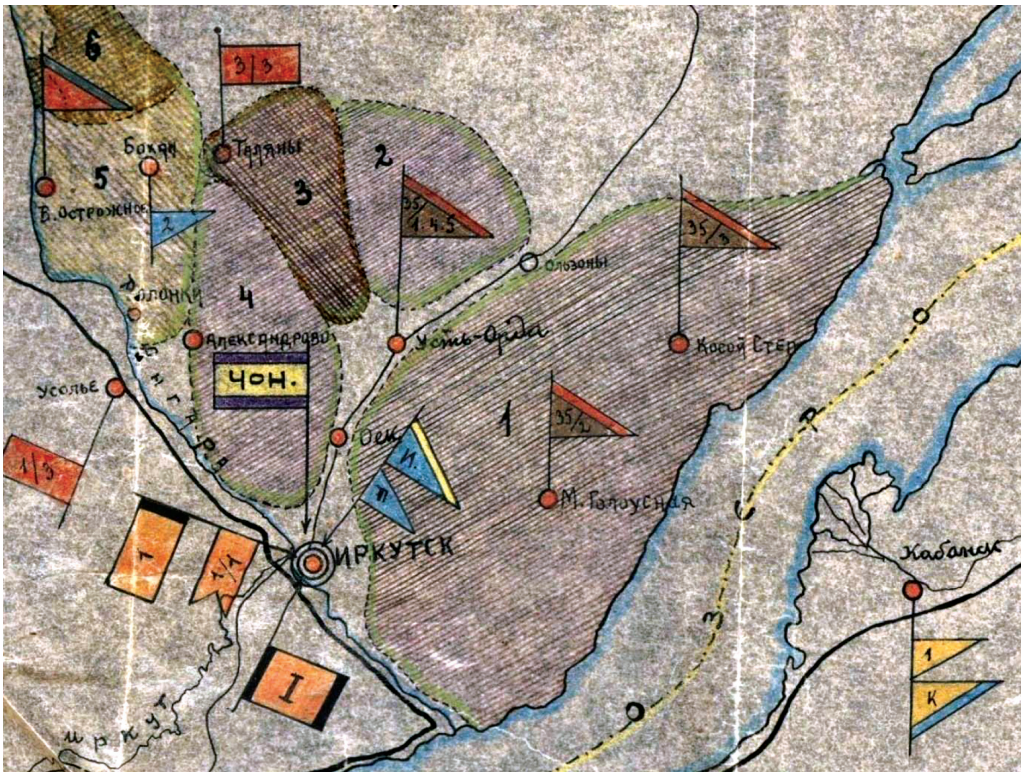
С приходом зимы в Приольхонье установилось относительное спокойствие. В декабре 1921 г. в с. Косая Степь вновь организуется комячейка, распущенная в мае 1921 г. В «еженедельной партсводке» от 7 января 1922 г. Косостепской комячейкой отмечается, что «белобанды в настоящее время не замечаются, но сомнительно». В начале января отряд Татаркина фиксируется на Якутском тракте, восточнее истока р. Илга, но уже к концу месяца появляется в районе Косостепской волости. С целью ликвидации повстанцев в районе сел Косая Степь — Куртун проведена разведка Кавотрядом 57 батальона ГПУ с прикрепленными к нему 14-ю коммунарами Отдельной Верхоленской роты ОН под командованием Ерасько. 5 февраля отряд Ерасько, не обнаружив повстанцев, вернулся в с. Ользоны. 23 февраля Косостепская комячейка сообщает, что в с. Куртун находятся повстанцы, и просит принять меры. 14 марта группа повстанцев численностью около 10 человек появляется в с. Таловка, откуда уходит в с. Куртун. Ликвидацию повстанцев поручают отряду 10 роты 315 полка 35 дивизии под командованием Тарасова. Отряд Тарасова

18 марта прибывает в с. Косая Степь, а 19 марта, разделившись на 2 группы, выдвигается в направлении с. Куртун. Повстанцы не обнаружены. 26 марта группой численностью 11 человек под командой «Алешки Морозко» совершено нападение на рудник ГСНХ /с. Нарын Кунта/, убит уполномоченный Губисполкома Кунцев/Концов.

Вооруженное повстанческое движение 1922 года в Приольхонье неразрывно связано с именем Михаила Константиновича Загорского. В воспоминаниях и рассказах местных жителей и краеведов о тех днях фамилию Загорского можно услышать в разных населенных пунктах, таких как: Еланцы, Загатуй, Харат, Куртун, М. Голоустное... и это неспроста. Согласно официальным сводкам, территория, контролируемая отрядом Шапошникова—Загорского распространялась: «...Прибайкалье зпт север Косая степь зпт юг Листвиничная и Тальцы зпт запад до Тугутуй скоба не уходя правой стороны тракта Иркутск—Баяндай скоба тчк... » На схеме это выглядит следующим образом.

Фрагмент схемы «расположения ЧОН Иркутской губернии и районов действия банд» 1922 год. Цифрой «1» обозначена территория действия отряда Шапошникова—Загорского. ⁴

Говоря об отряде Шапошникова—Загорского, необходимо упомянуть, что практически до середины 1922 года в сводках военного руководства большевиков повстанческий отряд именовался отрядом Шапошникова. Информация о руководящей роли М. Загорского выявлялась постепенно. До июня 1922 г. М. Загорский отображался как «капитан Егоров», примерно в этот же период отмечается «Михаил Загорский зпт являющийся по видимому помощником Егорова тчк», и только к августу 1922 года в сводках ЧОН и ГПУ одним из руководителей отряда обозначается непосредственно М. Загорский. Еще одним

«первым лицом» отряда являлся Виктор Михайлович Шапошников. Человек необычайно практичной природы, хозяйственник, долгое время занимавший должность управляющего Алексеевского винокуренного завода /район с. Харат/, семьянин, воспитывающий двух сыновей и дочь. Нет смысла идеализировать данную фигуру, но стоит признать, что у местного населения он пользовался авторитетом. Подтверждением этому служит тот факт, что основной опорой на местах В. Шапошникову служили жители окрестных сел и работники завода, занимавшие рядовые должности. Такие, как конюх Константин Федотов, братья Николай и Илья Ивановы, служащие сторожами при заводе /были заключены в тюрьму, где умерли от сыпного тифа/, кочегар Василий Лутков и т. д. По признанию губернского военного командования, В. Шапошников являлся организатором и идейным руководителем отряда. Сформировался отряд в

начале 1922 года в результате объединения групп Татаркина, Романенко, Морозко, Ушакова и прочих повстанческих формирований, территориально расположенных в зоне действия сводного отряда. Отряд Шапошникова—Загорского носил название «Первый Прибайкальский Партизанский отряд» и имел явно выраженную «политическую монархическую» окраску. По данным на 1 июня, отряд насчитывал 75–80 человек и носил «организационный» характер, т. е. имел деление по войсковому принципу на взводы. Офицерский состав занимал командные должности, при отсутствии вакантных должностей выполнял обязанности рядовых. Отряд был хорошо вооружен и действовал в конном строю. Рядовой состав носил на фуражках и левых рукавах трехцветные /сине-бело-красные/ национально-монархические значки. У командного состава на фуражках имелись офицерские кокарды. В отряде был выработан «Устав»

и имелась печать. Отряд пользовался симпатиями жителей некоторых сел, в частности: Малое Голоустное /Тарбеево/ Куртун и Косая Степь. Снабжение отряда происходило: 1 — добровольное от местных жителей; 2 — насильственное, т. е. ограбление Сов. учреждений и лиц, преданных Совласти.

«Айгород. Этот новостроящийся город находится всего в 10 верстах от с. Ользоны, в замечательно красивой местности, напоминающей Швейцарию... Город должен сделаться административным и культурным центром Эхирит-Буллагатского аймака. В Айгороде уже возведен целый ряд зданий — общественные бани, мастерская для выделки мебели и пособий для школ и пр. В город переносятся здания из различных улусов аймака. Постройкой города заведует чрезвычайная тройка во главе с председателем аймака т. Ильиным...»⁵

Первой «громкой» боевой операцией, проведенной отрядом Шапошникова—Загорского, можно считать уничтожение Айгородка /строился как резиденция Аймака/, произведенное в ночь с 12 на 13 мая 1922 года. Отряд численностью от 30 до 50 человек, состоящий из «крестьян и бурят» Приольхонья, 12 мая в 4 часа вечера подошел к Айгородку. По окраине Айгородка были выставлены наблюдательные посты. Выведя на улицу служащих и отобрав у них ценные вещи, отряд сжёг 15 домов, построенных в 1921—1922 годах. В результате нападения убиты: Уполномоченный Айраб-крина т. Избулин, заведующий Айземотделом т. Волюнкин и один рядовой коммунар /бурят/. На обозе из 15 подвод, отставившихся во время нападения в с. Загатуй, было увезено 150 пудов хлеба. Для ликвидации повстанцев 24 мая из с. Ользоны выступил отряд Кавэскадрона 7 Сибсводотряда под командованием Зорина. 25 мая в районе Косая Степь—Куртун красный Кавотряд подвергся нападению и преследова-

нию повстанческим отрядом численностью 25—30 человек. Кавотряд Зорина отступил и 27 мая прибыл в с. Баяндай. 25 мая совершено нападение на склад динамита и пороха, находящийся в с. Нарын-Кунта. Нападавшие, 20 человек, забрали 130 «патрон динамита», часть из которых взорвали, а часть взяли с собой. Также отмечалось частое появление повстанческих групп в районе бухты Крестовой, где повстанцы намеревались сжечь заготовленные дрова. 3 июня повстанческий отряд фиксируется в с. Куртун, откуда уходит в направлении с. М. Голоустное. 3 июня для наведения порядка на территории Приольхонья из с. Ользоны в с. Косая Степь выдвигается отряд 3 Кавэскадрона 35 Кавполка численностью 45 «сабель» под командованием Брониславского. Дальнейшая деятельность повстанческого отряда переносится в М. Голоустное, Б. Голоустное, Большая Речка, Тальцы /Покровский завод/, Худяково, Горячий Ключ, Плишкинская падь /Тюремная заимка/, Листвянка, Тугутуй, Харат, Шахтой, Загатуй ...

В формате данной статьи не представляется возможным перечислить все события, связанные с деятельностью отряда Шапошникова—Загорского, но следует отметить, что операции, проводимые повстанцами, были очень эффективны. В деревнях и улусах, где не было постоянной дислокации красных частей, создавалась очень сложная обстановка — приходят повстанцы и расправляются с приверженцами большевиков, появляется красный отряд и карает «пособников бандитов». Административные руководители в волостях и хошунах практически являлись заложниками такого положения. Им приходилось постоянно лавировать, порою изыскивая возможность просто выжить. В марте 1922 года Председатель Косостепской Комячейки Иван Романович П. / партбилет № 468344/ пишет письмо на имя Иркутского губернского партийного

комитета РКП с просьбой освободить его от занимаемой должности. Данную просьбу объяснял тем, что исполнение обязанностей Председателя Косостепского Волисполкома очень опасно, и он готов к назначению на любую другую должность, кроме этой, заставляющей его находиться «будто в ловушке», где он мог «подвергнуться нападению каждую минуту». В 1983 году в районе с. Бугульдейка был найден тайник с документами, принадлежащими М. Загорскому. Среди документов находилась записка, отправленная повстанцам и датированная 1 мая 1922 года. Начинается записка словами: «Граждане белые!». Автор в записке указывает, что, несмотря на то, что повстанцы считают его коммунистом, он таковым не является. На службу в Айсполком он попал «по результатам выборов» в июне 1921 года как представитель от Еланцинского хошуна и позже был назначен Председателем Хошисполкома. Признавая то, что «в силу подчиненности» ему приходилось применять по отношению к населению «грубые меры», автор письма указывает на свое желание принести пользу жителям «Ольхонского края, т. е. Еланцинского, Кутульского и Алагуевского хошунов» и предлагает повстанцам свое содействие. Подпись под текстом — «Прокопий П.» Председатель М. Голоустненского Исполкома Николай Константинович Т., арестованный за сокрытие прохождения повстанцев через село, объяснял свой проступок боязнью расправы, т. к. в селе в присутствии членов отряда М. Загорского было проведено «общественное собрание», на котором постановили — красным отрядам сведений о повстанцах не давать.

14 июня. Сводный отряд, состоящий из Кавотряда 57 батальона ГПУ и Кавотряда 3 Кавэскадрона 35 Кавполка, в районе с. М. Голоустное вошел в соприкосновение с группой отряда Шапошникова—Загорского. В результате 5-часового боя повстанче-

ский отряд, потеряв 3-х человек убитыми и 3-х ранеными, скрылся в тайге. Потери красноармейцев: Кавотряд ГПУ — 1 убит, 1 ранен; Кавотряд 3 Кавэскадрона 35 Кавполка — трое раненых.⁶

Практически на все действия, проводимые повстанческим отрядом, следовала незамедлительная реакция со стороны военного руководства губернии. Для ликвидации повстанцев привлекалось значительное количество красных частей, а 12 июня отряду под командованием Комполка Жуковец был передан в оперподчинение бронепоезд № 93. Кроме того из числа местных жителей формировалась агентурная разведывательная сеть. Благодаря полученной от агентуры информации вносились коррективы в действия, направленные на уничтожение партизанского отряда. Еще одним фактором, наносящим значительный урон боеспособности повстанцев, являлся арест «пособников бандитов». Арест «пособников» практически приравнивался к удару в тыл и тяжело переживался членами отряда. Так, 9 июня была арестована супруга В. Шапошникова — Мария Вениаминовна / дело на следственного заключенного Иркутского Губернского Дома Лишения Свободы № 4338 /. В постановлении Особого Отдела ВСВО ГПУ, вынесенного в отношении жителей с. М. Голоустное, Николая Яковлевича Т. и Петра Васильевича Т., арестованных в июне 1922 г., указываются проходящие вместе с ними по следственному делу о «пособничестве белобандитам» шестьдесят пять человек. Говоря о боеспособности повстанческого отряда, необходимо упомянуть, что эффективность действий партизанского отряда напрямую зависела от поддержки местного населения — как мирного, снабжающего продуктами, информацией и т. д., так и активного, готового к непосредственному участию в боевых операциях. Известны случаи проведения среди населения насильственных мобилизаций,

но основную ценность для повстанческого движения представляли добровольные участники. Формирование и пополнение отрядов добровольцами производилось не только по идейному признаку, а зачастую из людей, просто недовольных существующим порядком, так или иначе попавших в конфликтные отношения с властью. Наряду с «идейными» борцами с большевизмом в партизанские отряды попадали «искатели правды социальных отношений, авантюристические и чисто уголовные элементы». Однако идейная направленность борьбы, наблюдавшаяся в отряде Шапошникова—Загорского, сглаживала данное противоречие. Как отмечалось в докладе о «движении бандитизма на территории ВСВО за август месяц 1922 г.», вышедшее воззвание Соввласти к «бандитам» о добровольной явке и сдаче оружия, выявило «качественность банд. Наиболее стойких, сильных, уверенных в себе, своих действиях и грядущем успехе, а потому и наиболее опасных». Если из состава некоторых отрядов, как, например, Прокопьева, Сенотрусова, нашлись желающие прийти с повинной, а отряд Яковлева и вовсе ликвидировался, то «маститые Шапошников и Донской» сумели удержать свои отряды. Результатом чего явилось полное отсутствие сдавшихся добровольно, чем еще раз они подчеркнули «свою непримиримость, связанную... с наличием твердо выставленной политической программы, дисциплины...» Характер партизанской войны вырабатывал привычку у лидеров повстанческих отрядов принимать решения самостоятельно и действовать обособленно, без подчинения какому-либо вышнему, единому командованию. Значимость отряда напрямую зависела от авторитета его командира, от его знаний военного дела, от умения выстроить отношения — как внутренние — между повстанцами, так и внешние — с местным населением, и способности организовать взаимодействие с отрядами,

оперирующими на прилегающих территориях. В 1922 году В. Шапошников и М. Загорский сумели объединить под своим началом незначительные в количественном отношении группы повстанцев, действующих в полосе Прибайкалья. Единственные разногласия весной 1922 г. отмечались между Загорским и Татаркиным. К сожалению, всей информации о данном конфликте обнаружить не удалось, но с апреля 1922 г. на территории Приольхонья в сводках ЧОН и ГПУ фамилия Татаркина не упоминается.

16 июля. Разъезд, выделенный из состава Истребительного отряда Кавэскадрона 35 Кавполка, в районе Александровского винокурного завода столкнулся с группой повстанцев, имевших на рукавах трехцветные нашивки. В результате перестрелки убито три повстанца. Четвертый, не желая сдаваться в плен, застрелился. Потери красного отряда — убит один красноармеец.⁷

Несмотря на успешно проводимые сводным отрядом операции уже во второй половине лета, постоянно уклоняясь от прямых столкновений с красными частями, отряд вынужден был разделиться. К концу осени Губотделом ГПУ фиксировалось, что отряд Шапошникова—Загорского раздробился на три основные группы. Первая — под командованием М. Загорского численностью 20 человек, имея в своем составе В. Шапошникова, оперирует в районе сел Харат, Баяндай, Ользоны, включая улусы Муринской волости Шахтой и Тахарки. Вторая и третья группы — неизвестного командования численностью 15 и 20 человек оперируют в районе сел Верхний и Нижний Кукут, охватывая район Тугутуя и Куяда. 1 августа группа под командованием М. Загорского отмечается в районе с. Еланцы, где отрядом убит член Айревкома Пронькин П. П. 4 августа группа численностью 15 человек появляется в ул. Онгурен. Разграбив Отделение Губсоюза, убив трех служащих — сторожа с женой и агента Губсоюза, и захватив

11 лошадей, отряд уходит в направлении ул. Зама. 6 августа повстанцы проследовали ул. Зама и ул. Сарма. 9 августа отряд Загорского фиксируется в ул. Харганай /15 верст от с. Еланцы/. 9 августа ночью отряд вышел из ул. Харганай и выступил в направлении сел Еланцы и Таловка. Отряд шел с грузом мануфактуры, изъятым в ул. Онгурен, навьюченным на 26 лошадей. Отмечалось, что члены отряда были одеты в крестьянскую одежду, на головах «казенные фуражки». Винтовки были спрятаны в мешки и приторочены к седлам.

Порой из-за недостоверных и ошибочных сведений происходили «забавные» курьезы. 10 августа военному руководству большевиков поступили сведения, что в улусе Кутул /Ольхонский район/, «требуя у местнаселения хлеба и мяса», расположился повстанческий отряд. Принимая во внимание важность задачи по уничтожению отряда Загорского, 11 августа из с. Косая Степь в район ул. Кутул выступил 2 Истреботряд 2 Кавэскадрона 35 Кавполка под командованием Маслова. 14 августа из с. М. Голоустное выступил отряд из состава 2 Кавэскадрона 35 Кавполка численностью 5 «сабель» под командованием Фокина. 15 августа отряд Фокина, объединившись в с. Куртун с 3 Истреботрядом численностью 25 «сабель» под командованием Ямина, выступил в район ул. Кутул. Для перекрытия повстанцам возможных путей отхода, из г. Верхоленск в с. Манзурка переброшен отряд численностью 25 «штыков» из состава 8 роты 108 полка /бывший 315/. Остальным частям предписывалось на своих участках нести усиленную разведку и находиться в состоянии повышенной боевой готовности. Окончилась данная боевая операция тем, что была установлена принадлежность отряда, находившегося в ул. Кутул и «требующая у местнаселения хлеба и мяса». Этим отрядом оказался вышедший 3 августа из с. Манзурка Кавотряд 2 Ка-

вэскадрона 35 Кавполка численностью 20 человек под командованием Чижова. Кавотряд Чижова, дойдя до ул. Онгурен и не обнаружив повстанцев, 25 августа прибыл в с. Ользоны.

К концу лета у военного руководства губернии имелось значительное количество информации о личном составе отряда и его руководителей. В частности, было известно, что в отряде состояли: Максимов, Савицкий, Клеменко, Соболевский, Ушаков, Лутков, Добровольский, Подкладчиков, Соколовский, Ренев, Голубев, Челябинин, Тарбеев, Богочевский, Нестеров, Петров, завхоз отряда Ефим. Руководители: 1. В. М. Шапошников / Полковник / Папаша/ — являлся политическим руководителем отряда и проводил среди населения агитацию за свержение Соввласти. На вид 57—60 лет, седой, высокого роста, коренастый, имел крупные черты лица, прямой нос, борода, густые брови; женат, дети — дочь Галина, сыновья Владимир и Борис; образование среднее, военного образования не имел; с 1908 по июнь 1921 служил управляющим Алексеевского Винокуренного завода с перерывом с 1915 по 1917 год, когда состоял на службе в переселенческом управлении г. Иркутска агентом по перевозке китайцев и около года служил счетоводом в Монгольской экспедиции. В июне 1921 года, боясь ареста за «контрреволюционную деятельность» при Колчаке и порку крестьян милицией, вызванной на винокуренный завод, ушел в «банду». 2. Штабс-капитан М. К. Загорский являлся военным руководителем отряда. На вид 35—45 лет, среднего роста, худощавый, блондин с проседью, носил небольшие рыжие усы, уроженец из-под Прусской границы. До 1921 года, скрывая свое воинское звание, под фамилией Егоров служил сначала в Н. Удинской милиции, позже числился «офицером» Зиминского райвоенкомата. В соответствии с приказом № 24 Начальника Н. Удинской милиции с

15 мая 1920 г. Егоров назначается на должность младшего милиционера в 3-й район. Согласно приказу № 37 по Управлению Н. Удинской уездной Советской Рабоче-Крестьянской милиции от 31 декабря 1920 г. младший милиционер 3-го района Егоров зачислен за штат. Первая информация об «офицере Егорове», бежавшем совместно с командой Зиминского райвоенкомата в составе подпоручика Бутакова и прапорщика Губанова и продвигающемся по Нижнеудинскому уезду с удостоверением, выданным Особым Отделом ВЧК 5 Армии, появляется в июне 1921 года. Примерно в это же время в Нижнеудинском уезде фиксируется отряд численностью до 70 человек под командованием Егорова. В 1922 году М. Загорский появляется в отряде В. Шапошникова.

В конце сентября — начале октября отмечалось активное движение лодок по озеру Байкал. Лодки с повстанцами приходили со стороны о. Ольхон в район маяка /севернее Бабушкиной Губы/ для проведения боевых операций в полосе Прибайкалья. Согласно имеющимся агентским данным ГПУ на о. Ольхон могли скрываться значительные силы повстанцев. Предполагалось, что там же может находиться база с продовольствием и награбленными товарами. Считалось, что делами снабжения базы управлял бывший жандармский офицер Антон Ананьев. Дополнительно имелась информация о возможности объединения отряда Загорского с «бандой Тарельских озер», насчитывающей в своих рядах более ста человек. Место дислокации «банды Тарельских озер» — от с. Качуг к побережью Байкала, район верхний рек Сарма и Лена.

В октябре группа Загорского оперировала в Приольхонье. Повстанцами убит Член Эхирит-Булагатского Айревкома — А. Бороев. 30 октября для нейтрализации повстанцев из с. Усть-Орда в район с. Куртун выдвигается Кавотряд Особого

Кавэскадрона численностью 16 «сабель» при 1-м пулемете Люис под командованием комвзвода Маслакова. 31 октября с той же целью и в том же направлении из с. Усть-Орды выходит второй Кавотряд Особого Кавэскадрона численностью 16 «сабель» при 1-м пулемете Люис под командованием Комкавэскадрона Чижова. Вечером 3 ноября группа повстанцев численностью 11 человек прибыла в ул. Хальский /район мыса Крестовский/, где остановилась на ночлег в юрте М. Соборки. 4 ноября проводивший разведку в данном районе Кавотряд под командованием Чижова отправил к улусу Хальскому дозор. Дозорные — Тюриков и Комвзвода Хромихин, подъехав к улусу, спросили у местного жителя Мандана Д. о наличии повстанцев в улусе. Получив отрицательный ответ, вернулись с докладом к Чижову. Данный эпизод дал возможность отряду Загорского покинуть улус и, укрепившись на ближайшей скале, вступить в бой с красным отрядом. В ходе завязавшейся перестрелки повстанцы отступили и в течение 3-х суток «безрезультативно» преследовались красным отрядом, после чего рассеялись группами по 2-3 человека в районе сел Куртун и М. Голоустное. Вину за неудачно проведенную операцию, позволившей М. Загорскому с отрядом уйти от преследования без потерь личного состава, Начбоеучастка Чижов возложил на местных жителей. В списке обвиненных и арестованных за «пособничество бандитам» значилось 17 человек, в числе которых состояло 4 женщины. Среди арестованных были Член Еландинского Исполкома, учитель из с. Еланцы, муж фельдшера из ул. Тогот и крестьяне из окрестных сел и улусов.

В течение года отношение крестьянства к повстанческому движению изменялось. Поддерживать повстанцев становилось все опаснее и невыгоднее. Постепенно происходило расслоение крестьянского обще-

ства, появлялось все большее количество жителей, готовых открыто выступить против «белобандитов и их пособников». В деревнях, где отмечалось сильное влияние повстанческих отрядов, с конца 1922 г. начали создаваться добровольческие дружины. Выражение такой смены общественных настроений особенно ярко проявилось в ноябре 1922 г. в с. Куртун. Красным отрядом, благодаря помощи односельчан, в короткий срок была собрана подробная информация о жителях, оказывавших поддержку повстанцам.

1923 год.

«Госинфсводка № 5. Иргуботдела ГПУ за время с 27/1 по 6/2 1923 г... В Ново-Никольском и Кутульском Волисполкомах Эхирит-Булагатского аймака нет секретарей, в последнем секретарь убит бандитами, все дела Волисполкома уничтожены... Начиркгуботдела ГПУ». ⁸

28 марта 1923 года группа из 4 «всадников» во главе с М. Загорским вошла в с. Куртун. Отрядом убито 9 человек и один ранен. Четверо из пострадавших прибыли в с. Куртун из Селенгинского уезда для покупки хлеба. Остальные являлись местными жителями, которые в ноябре 1922 г. при проведении красным отрядом арестов «пособников бандитов» активно давали показания на своих односельчан. Дальнейший ход событий временно переносится в Селенгинский уезд. 30 марта с мыса Крестовский, пройдя через оз. Байкал, на «заимку Облом» прибыло 4 человека. Приехавшие представились топографической группой под начальством Завтопографработой В. Эберта. 31 марта группа военных топографов прибыла в ул. Энхалук. На вопросы местных жителей о своей принадлежности топографы отвечали, что они прибыли для съемки плана побережья оз. Байкал от с. Гремячинское до с. Посольска. Штаб и базу топографической партии планируют разместить в д. Сухая, куда из г. Иркутска при-

будет обоз в составе 11 человек на 11 подводах. 1 апреля в с. Кудара от Начальника топографической группы Восточного берега оз. Байкал на имя Начальника милиции и Предволисполкома получено отношение с просьбой: по прибытии топографического обоза представить ему подводы и препроводить в д. Сухая. Под документом подписано: «Основание: Приказ ШТААРМА 5 и ВОСО № 119/8 сек от 4/3 — 1923 г. и удостоверение № 1229/секрет/ от 16/3 — 1923 г., подпись В. Эберт». Ошибочность написания данного документа заключалась в том, что к этому времени ШТААРМ 5 и ВСВО был расформирован. М. Загорский, а под фамилией В. Эберта действовал именно он, находясь на зимовке в тайге, об этом не знал. Такая ошибка при заполнении документов сразу вызвала подозрение. С этого момента группу М. Загорского пытаются ликвидировать на территории Селенгинского уезда. 3 апреля группа Загорского прибыла в д. Горячинск. 5 апреля — в д. Гурулево. 9 апреля топографы пребывали на озере Котокель, где наложили разверстку на «артель местрыбпромышленников». 10 апреля в с. Зырянское Председателем Сельсовета был задержан член группы топографов, который ночью 11 апреля, убив часового, бежал из «арестного помещения». Несмотря на предпринятые меры группу Загорского на территории Селенгинского уезда нейтрализовать не удалось. Уходя от красных отрядов, М. Загорский переходит через оз. Байкал и в 20-х числах апреля появляется в районе улусов Сарма—Онгурен. Очередной раз, понимая важность ликвидации М. Загорского, военным руководством губернии принимается решение уничтожить остатки повстанческого отряда. Отряду УГПУ и О/О 35 дивизии под командованием Першина ставится задача пройти по маршруту Кутул—Сарма—Онгурен. 24 апреля для пресечения возможного перехода повстанцев в Балаганский уезд отпра-

лены два отряда. Первый отряд, состоящий из коммунаров и милиции численностью 10 человек под командованием Командира 1 взвода 10 ОН Верхоленской роты Селиванова, вышел в район Бирюлька—Харбатово. Второй отряд, состоящий из членов РКСМ численностью 10 человек под командованием сотрудника УГПУ Скубилина, выдвинулся в район с. Манзурка. Командиры отрядов были снабжены схемами дорог и троп, между отрядами установлена связь. В результате проведенной военной операции группы Загорского обнаружить не удалось. Однако было выяснено, что в районе ул. Онгурен находятся четыре инженера по исследованию местности /топографы/, хорошо вооруженные и имеющие пулемет «Шоша». Инженеров-топографов предупредили о нахождении в этом районе «бандитов». В свою очередь топографы обязались в случае появления «банды» поставить в известность военное командование губернии. В первых числах мая, после встречи с красным отрядом, топографы Загорского

снова переходят оз. Байкал и отмечают в Селенгинском уезде. 18 мая, уходя от преследования красных отрядов, группа Загорского направляется в Баргузинский уезд...

С уходом М. Загорского в Приольхонье закончился этап вооруженной, активно поддерживаемой населением, борьбы с большевиками. В Эхирит-Булагатском аймаке и дальше продолжали действовать «банды» Кочкина, Огнева, Суханова..., но их действия попадали под определение «уголовный бандитизм». Следующим вооруженным антисоветским выступлением Приольхонье отметится в 30-е годы, в период проведения коллективизации — отряд Иннокентия Марковича Жбанова, но это уже другой рассказ.

Смутные времена и яркие судьбы, яркие и трагичные. Кто эти люди, принявшие участие в невероятном по своей жестокости братоубийственном противостоянии? Большевики, повстанцы... — все эти люди являются частью нашей истории, которую надо знать и помнить.

Примечания

¹ ГАИО. Ф. Р-42. Оп. 1. Д.444, л. 141.

² «Власть Труда», № 110. 17 мая 1922 г.

³ ГАИО Ф.Р.1739, оп.1, д.67, л.142.

⁴ ГАИО Ф.Р. 1739, ОЦ, д.16, л.69.

⁵ «Власть Труда», № 4. 5 января 1922 г.

⁶ ГАНИИО Ф.1, оп.1, д.1081, л.45., ГАНИИО Ф.1, оп.1, д.1080, л.294.

⁷ ГАИО Ф.Р1739, оп.2, д.58, л.21., ГАНИИО Ф.1, оп.1, д.1080, л.338.

⁸ ГАНИИО Ф.1, оп.1, д.1067. л.38.

ТУЛУНСКАЯ
ИСТОРИЯ

Буторина Ирина Анатольевна,
учитель географии
МОУ «Писаревская СОШ»
пос. 4-е отделение ГСС Тулунского района

ТАЙНЫ МЕСТОРОЖДЕНИЯ ПЕСЧАНИКА В ТУЛУНСКОМ РАЙОНЕ

В Тулунском районе много красивых ландшафтов, водных и геологических природных объектов. До некоторых из них смогли добраться ребята школьного туристско-краеведческого клуба «Сотый меридиан» МОУ «Писаревская СОШ» из поселка 4 отделение Государственной селекционной станции.

Одним из интересных мест является месторождение песчаника на берегу реки Ия в районе бывшей деревни Малый Кокучей (рис. 1).

В обнажениях по левому берегу реки Ия на дневную поверхность выходит толща песчаников, а также толща переслаивания

с алевролитами глыбовых песчаников. Общая мощность видимой толщи более 10 м, местами около 15 м.

Эту осадочную породу в Малом Кокучее добывали несколько десятилетий назад, а из деревни последний житель уехал более 30 лет назад [1, с. 105]. Деревня находилась на левом берегу реки Ия в месте впадения в нее ручья Малый Кокучей примерно в 20 км к северо-востоку от города Тулун.

В центре бывшей деревни сохранился небольшой обелиск из песчаника, на котором уже с трудом читаются имена воинов-земляков, павших в боях за Родину в годы Великой Отечественной войны. От деревни осталось еще кладбище, на котором лишь малая часть могил ухожена приезжающими родственниками. На старых могилах столетней давности до сих пор встречаются наклонившиеся или упавшие памятники из этого камня.

Летом 2017 года юные краеведы из клуба «Сотый меридиан», изучая месторождение песчаника и собирая материал для будущих краеведческих конференций школьников, сделали несколько интересных находок.

Рис. 1. Школьники на месторождении песчаника на берегу реки Ия.

На месторождении заметны старые следы добычи песчаника: сколы, отпечаток бура (рис. 2).

Рис. 2. Следы добычи песчаника.

Можно предположить, что добывали глыбы песчаника методом откалывания: сначала сверху вниз бурили отверстие диаметром около 3 см, затем туда забивали деревянный клин, поливая водой, который помогал откалывать породу, набухая и оказывая большое давление. В морозную погоду залитая в пробуренное отверстие вода, замерзая и расширяясь, разрывала песчаник.

О том, что заготовки песчаника велись в морозную погоду, говорят случайно найденные на отвесной стене песчаника надписи, датированные ноябрём 1906 года (рис. 3).

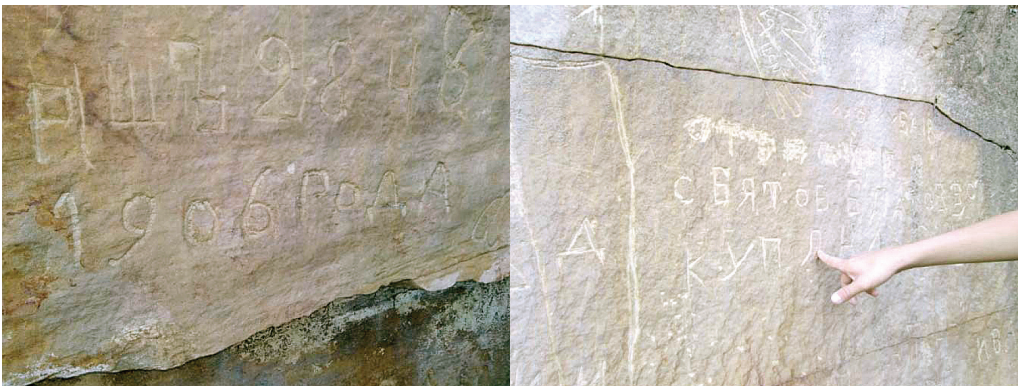

Рис. 3. Надписи на песчанике 1906 года.

Надписи разбросаны и располагаются на площади в несколько квадратных метров. Печатные буквы высотой в среднем 7 см выполнены насечками зубилом. Встречаются слова с буквой Ъ (ять) и написание твердого знака на конце слов так, как писали до реформы русской орфографии 1918 года.

Наиболее четкая надпись «ЕГОРЪ ГАРДЕЕВЪ на 39 году» (рис. 4).

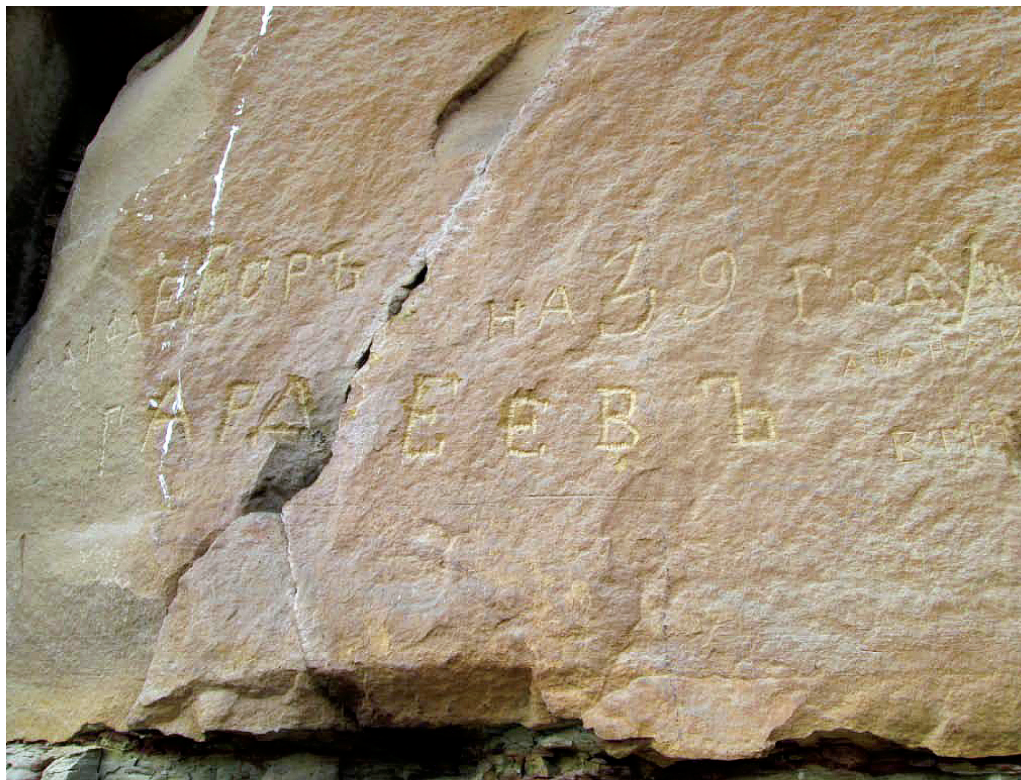

Рис. 4. Надпись «ЕГОРЪ ГАРДЕЕВЪ на 39 году».

Раньше на Руси в надгробных надписях указывалось, на каком году от рождения человек ушел из жизни. Вероятно, в тот ноябрьский день произошел несчастный случай при добыче песчаника, человека могло придавить глыбой...

Чувствуется, что погибший был очень дорог автору надписей, в скорби записано много слов, но не все они между собой связаны по смыслу, являются выражением обрывочных мыслей, в некоторых словах пропущены буквы: «СЛНЦЕ», «СВЯТОЕ БЛАГОВѢСТВОВАНІЕ», «ВЕТЕРЪ», «ДУША», «ЗВЕЗДЫ». Есть имена (возможно, близких людей): НАСТАСЬЯ, ПЕТР, АФАНАИЙ, ИВАН, МАРФА. Имеется изображение православного могильного креста, звездочек с округлыми углами (пятиконечной и шестиконечной). Есть неразборчиво нацарапанные слова, наборы букв (КС, ЦС и др.), слово прописью (похоже на «Георгій»). Внизу у земли указано: «1906 ГОДА НЯЯБРЯ 23», «ПЯЕТЬНЕЦА».

Вверху рельефно изображено лицо с глазницами, ртом, выступающими надбровьями, носом, подбородком (рис. 5).

Рис. 5. Рельефное изображение лица в память о погибшем при добыче песчаника.

Ниже тонкой линией процарапан контур непропорционального туловища с руками и ногами. Высота изображенного человека около 2,5 м.

Самые нижние неразборчивые буквы уже наполовину оказались скрыты почвенным горизонтом. Но еще долго песчаник может хранить свои тайны.

Такие краеведческие находки многократно увеличивают интерес школьников к изучению географии и истории своей малой родины.

Изучение месторождения может быть продолжено с целью оценивания практического применения осадочной горной породы как строительного и декоративно-прикладного материала. Но не менее важен и интересен путь сохранения обнажений песчаника как природного объекта.

Список используемых источников информации:

1. Денискин М. Баба Капа и сыновья. — Краевед Приангарья. 2017, № 1. — с. 103-106.

ТАЙШЕТСКАЯ
ИСТОРИЯ

Г. Булыгин

НАЧАЛО КРАСНОГО ТЕРРОРА И РЕПРЕССИЙ

(Безвозвратные потери мирного населения в зоне боевых действий Шиткинского фронта 1919–1920 гг.)

Минуло сто лет с того момента, как была открыта страница в истории Тайшетского района, рассказывающая об одном из наиболее тяжелых периодов, который пришлось пережить жителям этой территории. Менее чем за год существования Шиткинского фронта были зверски убиты десятки мирных крестьян, торговых людей, а также железнодорожных рабочих и служащих. В распоряжении автора имеется рукопись, датируемая 1972 годом, на обложке которой имеется запись: «Составил журналист А. Черневский, в результате более чем 10-летней работы и сложного поиска о событиях гражданской войны в районе Тайшета в 1918–1920 гг.» Далее идет заголовок к содержанию этой многолетней работы: «ЧЕРНЫЙ СПИСОК предателей, изменников и провокаторов, агентов буржуазии, а также трусов и мародеров, своими действиями подрывавших мощь, боеспособность и доверие в народе к партизанам Шиткинского фронта».

Каждый раз при обращении к рукописям А. Черневского приходит понимание, какой бесценный краеведческий материал, собранный на основе записей воспоминаний свидетелей и участников Шиткинского фронта, оставил после себя Адольф Юрьевич. Вдвойне поражает тот факт, что он, будучи членом союза журналистов, в своих очерках и рассказах, созданных на основе реальных событий, рассказывая о героизме красных партизан в духе того време-

ни, тщательно архивировал воспоминания очевидцев, нередко идущих вразрез с его публикациями.

По прошествии лет в обществе произошло переосмысление происходивших трагических событий и пришло понимание того, что неизбежно должно наступить примирение противоборствующих сторон. В этой связи хочется призвать соотечественников относиться с уважением не только к «героям партизанам», но и к так называемым предателям. Говоря о «предателях», чьи имена указаны ниже, обстоятельства гибели которых освещались на страницах газет того времени и позднее были записаны А. Черневским со слов очевидцев, считаю необходимым уточнить значение этого слова. В различных словарях русского языка говорится, что предатель — это человек, предавший кого-либо, изменивший кому-либо или чему-либо, а также предателем называют человека, нарушившего верность кому-либо. Ни в одном словаре не сказано о том, что человек, не признающий идею вооруженного переворота и свержение конституционного строя, является предателем организации, осуществляющей этот переворот.

В стихотворении «Гражданская война», написанном Максимилианом Волошиным 22 ноября 1919 года, имеются строки, применимые к событиям, происходившим на территории, вошедшей в зону действия Шиткинского фронта.

...И там и здесь между рядами

Звучит один и тот же глас:

«Кто не за нас — тот против нас.

Нет безразличных: правда с нами.

Одним из первых публично повешенных в Тайшете «за диверсию на железной дороге» был путевой обходчик Иван Карпович Марчан. Диверсия, за которую был казнен этот человек, была совершена партизанами Бирюсинского отряда, которые точно знали, что за это действие будет наказан

человек, отвечающий за сохранность пути и никакого отношения не имеющий к партизанскому движению. Поздно вечером вооруженные партизаны появились в служебном помещении, в котором жил обходчик (будку путевого обходчика), и забрали специальные ключи для разбалчивания рельсовых соединений, при помощи которых был разобран железнодорожный путь на участке, за который отвечал Марчан. Этой же ночью, несколько южнее водопропускной трубы, находящейся между Суетихой (Бирюсинск) и Тайшетом, потерпел крушение грузовой поезд. Испугавшись, обходчик убежал и вернулся в свое жилище только через два дня, где и был арестован. Побег с места крушения только укрепил подозрение командования Тайшетского гарнизона в том, что Марчан наравне с партизанами принимал участие в подготовке диверсии. Пробыв некоторое время в арестном вагоне, который находился в одном из тупиков на станции Тайшет, путевого обходчик Марчан Иван Карпович был повешен на угольной эстакаде между двумя люками в междупутье. Свидетельница казни Валентина Иннокентьевна Шелехова в беседе с журналистом Черневским 28 января 1964 года рассказала, что во время казни среди собравшегося народа находилась жена правого эсера Ивана Потаповича Лосинского. Глядя на происходящее, она, скрывая слезы от военных, тихо плакала.

В ночь на 18 марта 1919 года партизанами Бирюсинского отряда была разрушена и взята в плен мостовая охрана в количестве 18 человек. В числе арестованных были 17 мобилизованных молодых парней и унтер-офицер, поступивший на службу добровольно. Дальнейшая судьба этих людей автору неизвестна. Вместе с командой, осуществлявшей охрану железнодорожного моста через реку Бирюса, были арестованы двое: дежурный по станции Федоров, высокий, худощавый мужчина средних лет, и

старшина охраны речных постов у железнодорожного моста на разъезде Суетиха от Енисейского речного пароходства Обложкин Макар Савельевич. Задержание железнодорожных служащих производили партизаны Козлов и Проскураков. Во время ареста были конфискованы 2 пистолета Смит Вессон. Такими крупнокалиберными пистолетами были вооружены все дежурные по станциям, стрелочники и путевые обходчики. После того, как Федоров и Обложкин были привезены в село Конторка, их, как «предателей и врагов», живыми утопили в проруби. Старожил поселка Суетиха Тимофей Минеевич Сыровешкин, бывший стрелочник, жил с семьей и братом в доме, расположенном в непосредственной близости с казармой, в которой размещалась мостовая охрана, и был очевидцем ареста. В беседе с Адольфом Черневским 11 декабря 1963 года он утверждал, что дежурный по станции Федоров был хорошим человеком и пострадал напрасно. Также он рассказал о том, что ходили разговоры, будто бы во время потопления в конторской проруби Федоров несколько раз всплывал, но его снова толкали в пучину.

В ночь нападения партизан на станцию Тайшет в качестве станционного сторожа дежурил ветеран русско-японской войны, матрос с затонувшего во время Цусимского боя броненосца «Осяля», отец восьмерых детей Ульянов. Во время возгорания станционного здания он получил сильные ожоги, от которых вскорости умер.

В эту же ночь, находясь на дежурстве, нападавшими партизанами был застрелен дежурный телеграфист Михаил Москвитин, три телеграфистки получили тяжелые ранения от разорвавшейся гранаты, брошенной в помещения телеграфа. У Татьяны Попович оторвало пятку и часть стопы, Татьяне Лаптевой раздробило кости обоих колен, а у Марии Горбач оторвало пальцы левой ноги.

Брюханов Фома Андреевич, ангарчанин из села Кежма, работал торговым агентом Енгубсоюза. По версии партизан, он использовал свои поездки по торговым делам для шпионских целей, направленных в пользу колчаковских властей. Первый раз бойцы из отряда Яна Пепула задержали Брюханова 10 мая 1919 года. Тогда, при обыске, у него было обнаружено сообщение в Енгубсоюз, в котором говорилось о прибытии красных партизан. После двухчасового разбирательства Пепул отпустил Фому Андреевича. Тем не менее, чуть позже, Брюханов Фома, его жена Екатерина Лукинична, а также купцы Суздаев Трофим и Брюханов Иван были убиты в Неване возвращавшимися из Баншиково партизанами из отряда Пепула.

Безграмотный, прилудный сапожник по кличке Безмудый Андрей, бывший батрак нижнезаимского лавочника Москвитина Алексея Зиновьевича, как «пролетарский элемент» был допущен на предпоследнее конспиративное собрание местных подпольщиков. После посещения собрания, которое проходило в доме Захыра Тахватулина, Андрей, вернувшись домой, рассказал обо всем своему хозяину. В первый приход восставших партизан в село Нижняя Займка батрак Андрей Безмудый был убит как «предатель организации».

Холоша (Галошин) Петр Иванович, сын зажиточного крестьянина из деревни Россия Канского уезда. До революции был волостным писарем в Неванке. Беспартийный, но впоследствии примыкал к правым эсерам. После Февральской революции служил начальником Тайшетской волостной милиции, а после Октябрьской революции был отстранен от занимаемой должности. Однако в период гражданской войны вновь поступил добровольцем на должность начальника Тайшетской милиции. Осенью 1919 года оставил службу и уехал из Тайшета. Как бывший начальник

«белой» милиции был арестован и расстрелян в Иркутске в 1920 году по постановлению Иркутской Губчека. В газете «Власть труда» за 17 сентября 1920 года под заголовком «За что карает рабоче-крестьянская власть» опубликован список «врагов революции», расстрелянных Иркутской Губернской Чрезвычайной Комиссией. В опубликованном списке под номером 46 значился Холоша Петр Иванович, 33 лет, сын кулака с нижесредним техническим образованием, уроженец деревни Россия Канского уезда. После чешского переворота, будучи сознательным ненавистником советской власти, поступил добровольно начальником милиции района Тайшет, на каковой должности ездил с карательными отрядами на усмирение восставших крестьян, где принимал участие в насилиях, порках и расстрелах.

Гаев Прохор, кемченский крестьянин — бедняк. Прохор был безграмотный и темный человек с причудами. Однажды с хлебом-солью вышел из Кемчино встречать белочехов. Поступок был оценен чехами «по достоинству». Они одели старика в форму и усадили на коня, на котором он въехал в Кемчино вместе с legionерами.

— Вот это войско! — восторгался Прохор. — А что наша гольгьмба?! Задумали голоштанную власть устанавливать.

За такой поступок Прохор был взят партизанами на особый контроль. Зная о том, что партизаны хотят его арестовать, старик Гаев скрылся. Тогда партизаны для острастки арестовали его жену Хвилину и, по рассказу жительницы Кемчино, Корнеевой Валюты Потаповны, привязали возле ключика к березе как бы для расстрела, требуя выдать, где муж, и «изгалялись, как могли».

Сын Прохора и Хвилины Алексей был подпольщиком и в этот момент находился в одном из партизанских отрядов.

Гурнеев Харитон Карлович, Нижнезаимский крестьянин, наживший состояние, работая подрядчиком на строительстве

Шиткинского тракта. По окончании строительства завел бланку (ямщицкую), работая на участке от Шиткино до Конторки. Ямщиками ездили его сын Павел и один работник по найму, тоже Павел. Харитон Карлович вместе с другими купцами односельчанами провел обходным путем в ночь с 1 на 2 марта отряд подпоручика Чередена в восставшее Шиткино. Летом 1919 года, в период временного поражения восставших, Гурнеев сотрудничал с правительственными войсками. С подходом войск Красной Армии вынужден был уехать и несколько лет скрывался на востоке страны. Вернувшись в родные края в тридцатые годы, проезжая через село Шиткино, был замечен местными совработниками, бывшими партизанами, Елизаром Ивановичем Киселевым и Гурьяном Яковлевичем Мутовиним, которые там же его и расстреляли. За самосуд совработники были арестованы и судимы. Но, принимая во внимание обстоятельство дела, социальную ненависть, были оправданы.

Гурьева. В газете Иркутских кооператоров-эсеров «Наше дело» № 147 от 24 июня 1919 года имеется сообщение о гибели учительницы в деревне Серафимовка.

«Красные ворвались на квартиру Серафимовского старосты и искали его, но он сбежал перед наступлением. Ввиду полученных сведений о том, что учительница с Серафимовского участка убита, а ее обгорелый труп валяется на дороге возле деревни Старо-Шелехово, сельскому старосте отдано распоряжение разыскать труп Гурьевой и доставить в Тайшет для погребения».

Дробушевский Иван, крестьянин деревни Лука Тайшетской волости. Существует версия, что якобы он, представляясь красным партизаном, арестовывал встреченных им одиночек белогвардейцев, отступавших через тайгу зимой 1919-1920 гг., и под предлогом препровождения в штаб уводил и убивал их с целью ограбления. Во время прихода войск Красной Армии в его сене

были обнаружены тела убитых. Дробушевский Иван был на месте расстрелян бойцами Красной армии.

Дочь Тайшетского предпринимателя, владевшего кирпичными сараями, жена офицера русской армии, высокая, красивая женщина, очень уважаемая односельчанами, учитель из села Бирюса Дьячкова (Жигульская) Татьяна Ивановна подозревалась партизанами в шпионаже. При отступлении из села партизаны увезли ее вместе семилетним сыном под конвоем братьев Троезубовых, которые расстреляли ее и сына с целью ограбления.

Жуковский Иван Карлович, польский ссыльно-поселенец, причисленный в крестьяне деревни Борисовой Тайшетской волости. Женившись на дочери борисовского крестьянина, Авдотье Ветровой, вошел к ним в дом и сам стал кулаком. Яков Ветров, младший брат Авдотьи, был в партизанском отряде. Однажды Яков зашел домой проведать сестру. Под таким предлогом партизаны часто ходили в разведку. Яков появился в доме сестры в августе 1919 года, в это время по деревням разъезжали карательные отряды и разведка белорумын. Появившийся отряд обнаружил молодого партизана Ветрова, которого тут же и расстреляли. Партизаны решили, что на Якова белорумынам указал кулак Жуковский. Осенью 1919 года, пробираясь в расположение отрядов Шиткинского фронта через таежные переселенческие участки Гоголевский, Рыбинский, Костомарово и Борисово, группа байроновских партизан захватила «предателя» и на краю деревни совершила над ним «народное правосудие».

Когда 12 июля 1919 года в село прибыли партизанские отряды Шиткинского фронта, двигавшиеся по Чуне для дислокации в деревне Кондратьево, крестьянин села Петропавловка Неванской волости Василий Гордеевич Жуков открыто выражал свою ненависть к ним, громогласно заявляя:

«Кто вас звал сюда? Не было вас, и покой был на Чуне. Вы пришли и ушли, а за вами придут правительственные войска и нас же мужиков будут корить и карать. Явилась армия беспортошная». На ворчащего Василия Гордеевича никто не обращал внимания, пока не приехала группа конных партизан во главе с кавалеристом Иваном Смолиным, которых Жуков встретил словами: «Ишь, кавалерия приехала... на награбленных конях. Варнаки. И сидеть-то на конях не умеете. Вам токма-что на коровах ездить...» «Замолчи, балаболка несознательная, а то в раз прикончу», — произнес Смолин. Но мужик не унимался. «Тьфу на тебя, варнака», — плюнул Жуков. Партизан слез с коня, схватил вредного мужика за шиворот, утащил за гумно и там расстрелял.

Брат Василия Гордеевича, Петр Жуков, был проводником в этом отряде.

Купцы Алексей Зиновьевич из деревни Заледеевой и Алексей Попов из деревни Пашиной (по другим сведениям, из Климиной) еще в 1918 году просили, чтобы за их счет и на их содержание из Енисейска прислали сотню казаков для борьбы с красными. В феврале 1919 года «представитель Тасеевских партизан» Ткаченко арестовал их и увез. По дороге Ткаченко, действуя от имени партизан, конфисковал у купцов крупную сумму денег и, отъехав от Карабулы верст семь, расстрелял обоих. Тела убитых были сброшены под мосток. Через некоторое время с Ангары приезжал человек для выяснения судеб пропавших купцов. Остановившись на постой в деревне Хая у крестьянина Семена Гавриловича, этот человек не смог ничего узнать, так как партизаны и его расстреляли.

Ходили слухи о том, что за мародерство и грабежи Ткаченко был приговорен Тасеевскими партизанами к расстрелу.

Зуев Иван, один из четырех братьев, имевших зажиточное крестьянское хозяйство. Илья, Павел и Иван Зуевы жили в

Тайшете на углу Старобазарной улицы, а четвертый брат, Алексей, жил в Старом Акульшете. Однажды Иван (он был умственно неполноценным) пошел навестить брата, жившего в селе, контролируемом партизанами, где его задержали и, приняв за шпиона, утопили в проруби.

Иванов Григорий (Гришка Цыган), пожилой цыган, имевший постоянное место жительства в Нижней Заимке. В народе считался конокрадом, а его жену, промышленную гаданием, называли ворожейкой. Гришка Цыган еще весной 1919 года арестовывался партизанами за конокрадство, но был освобожден. Летом и осенью 1919 года Григорий Иванов разъезжал с женой-ворожейкой по прифронтовой полосе, нередко заезжая в Тайшет. По мнению партизан, такой образ жизни был подозрительным. Кроме того, в беседах с крестьянами он никогда не высказывался конкретно в поддержку партизан или правительственных войск, и это расценивалось как провокация. Попавшись в очередной раз на краже, Гришка Цыган был арестован. После сбора сведений о его якобы провокационных разговорах, Григорий Иванов был осужден военно-полевым судом при первом и втором партизанских отрядах, дислоцированных в Бузыканово. Старика Иванова приговорили к расстрелу по подозрению в шпионаже и грабежи. Приговор приведен в исполнение в деревне Бузыканово.

Старший сын Григория Иванова, Тимофей, дезертировав из Белой армии, был участником партизанского движения.

Нижнезаимский купец Иванов Николай Сидорович, родственник тайшетских зажиточных крестьян Грибановых, в ночь на 2 марта 1919 года с группой односельчан: Горенским — Савельевским Григорием Ивановичем, Москвитиним Алексеем Зиновьевичем, Гурьевым Харитоном Карповичем и коноваловским крестьянином Лебедевым Ильей Максимовичем провел

обходным путем по зимней дороге отряд подпоручика Чередина в восставшее село Шиткино. В ходе операции отрядом Чередина был взят в плен и впоследствии казнен один из главных организаторов восстания, бывший политссыльный, Свенский Станислав Александрович.

После ухода отряда Чередина, Николай Сидорович был арестован в собственном доме партизанами под командованием Бича Таежного. Партизаны увезли Иванова Николая Сидоровича в деревню Шемякино и там их, вместе с Москвитиним Алексеем Зиновьевичем, живыми утопили в прорубе на реке Бирюсе.

Молодой богучанский купец Каверзин Григорий Андреевич был расстрелян по подозрению в шпионаже апано-ключевскими партизанами в начале марта 1919 года. Вместе с Каверзиним был убит кондратьевский купец Носов Дермидонт.

Каверзин Александр расстрелян 17 ноября 1919 года в деревне Кондратьевой по приговору военно-революционного трибунала Шиткинского фронта за шпионство в пользу врага. В приговоре сказано: «Конфисковать 2/3 имущества в пользу организации и, как врага организации, предать смерти».

В народе говорили, что этот мионовский староста был очень хороший человек и расстрелян по ошибке. Вместе с Александром Каверзиним утром 17 ноября 1919 года были расстреляны Кулаков Николай Гурьянович и Фокин Герасим.

Бывший милиционер Казанцев казнен партизанами в селе Конторка в марта 1919 года. Вместе с Обложкиным и Федоровым он был живьем потоплен в речной проруби.

В семье Староакульшетского малоимущего крестьянина-середняка Ковалева Федора Васильевича отрицательно относились к большевикам и Советской власти.

Старший сын Федора, Иван, унтер-офицер и георгиевский кавалер, вернулся с

фронта в 1917 году без ноги, на костылях. Как человек, испытавший ужасы войны на собственной шкуре, ратовал за войну до победного конца. После переворота в 1918 году был назначен сельским писарем.

Федор Федорович, один из младших братьев, добровольно поступил служить в Тайшетскую милицию под командованием Халоши.

Когда в Старый Акульшет прибыл партизанский отряд Половинкина и начал расквартировываться по домам, Ковалевы в свой дом никого не пустили. В связи с этим партизаны арестовали георгиевского кавалера Ивана Федоровича Ковалева и по приказу Марка Мироновича Москвитина расстреляли. Газета иркутских эсеров-кооператоров «Наше дело» в № 147 за вторник 24 июня 1919 года сообщала: «Писарь Староакульшетского общества Ковалев, вернувшись в 1917 году с позиций с оторванной ногой, убит красными за то, что в 1918 году, по распоряжению волостной управы, собрал почти более половины недоимок за прошлые годы. Расстрелян также брат его Николай, 15 лет, посланный отцом за своим скотом и хлебом, увезенным красноармейцами в село Нижняя заимка».

Кравченко Давид, отбывая ссылку в деревне Авдюшино Тайшетской волости, женился на Матрене, дочери переселенца Григория Горобца. Грамотный молодой ссыльный был сельским писарем, а после Февральской революции, под влиянием активного правого эсера Ивана Потаповича Лосинского, примкнул к эсерам. Летом 1919 года, после отступления партизан Шиткинского фронта от Бирюсы и Конторки, сотрудничал с белочехами и белорумынами. Принимал участие в задержании скрывавшегося в деревне Туманшет большевика Тийса.

Осенью 1919 года партизаны летучего отряда Михаила Жичкина казнили «предателя», расстреляв его на собственной паш-

не. Даже по тем временам после расправы повели себя некорректно. Рядом с телом убитого воткнули осиновый кол, надели на кол шляпу убитого и написали: «Собаке — собачья смерть».

Треминский мельник Кулаков Николай Гурьянович открыто выступал против действий партизан Шиткинского фронта. В сентябре 1919 года, в период пленения Бича Таежного, был проводником у белорусов от Тремино до Черчета и Джогино. Впоследствии был арестован партизанами и приговорен к смертной казни. В приговоре военно-революционного трибунала сказано, что Николая Кулакова, обвиняемого в выдаче румынам наших товарищей и действий организации, как врага организации предать смерти через расстрел. Приговор приведен в исполнение 17 ноября 1919 года в 8 часов утра.

Одновременно с Кулаковым Николаем были расстреляны обвиняемый в шпионаже мироновский староста Каверзин Александр и глинский Фокин Герасим. Фокин был расстрелян «за выдачу наших товарищей чехам».

В семье конторского крестьянина-средняка Лубнина Захара младший сын Захар летом 1918 года пошел добровольцем в Белую армию и служил в Канске в чине подхорунжего казачьей карательной части. Старший сын Абрам был сельским старостой до революции и при «белой власти». В марте 1919 года бойцы партизанского отряда Бича Таежного арестовали Абрама и старика Захара, препроводив их в Нижнюю Заимку в штаб Шиткинского фронта. Арестованные содержались в тылу под стражей в качестве заложников. Летом 1919 года, при отступлении партизан вглубь тайги заложники Лубнин Захар и Лубнин Абрам Захарович были расстреляны на Яковской заимке.

Мамаев Никифор Степанович, служивший до революции сельским писарем и пса-

ломщиком в местной церкви, подозревался в выдаче крестьян-подпольщиков. Партизаны из отряда Бича Таежного арестовали его 18 марта 1919 года и увезли в Конторку, где Мамаев Никифор Степанович был расстрелян.

Милиционер села Червянка, предположительно, Пустынских, арестован отрядом Пепула-Новикова в марте 1919 года и расстрелян по пути в Нижнезаимский штаб Шиткинского фронта.

Червянский купец Мельников Агафон Богданович арестован партизанами летом 1919 года и по дороге в Петропавловку расстрелян вместе с березовским кулаком Гаврилой Бурмакиным.

Нижнезаимский зажиточный крестьянин Москвитин Алексей Зиновьевич, проведший с другими односельчанами 2 марта 1919 года отряд подпоручика Чередена обходным путем в Шиткино, после отхода отряда в Тайшет был схвачен партизанами и казнен: утоплен живьем в проруби в деревне Шемякино вместе с Ивановым Николаем Сидоровичем.

Бирюсинский крестьянин, фронтовой фельдшер Москвитин Леонтий Михайлович в 1919 году был членом Тайшетской волостной земской управы. Во время первой бомбежки восставших Бирюсы и Конторки был прислан делегатом от земства для примирения. Москвитин уговаривал прекратить борьбу с законной властью или хотя бы отойти с тракта и от железнодорожной линии вглубь тайги. Партизаны посчитали такое предложение неприемлемым и «дали ему от ворот поворот».

В 1937 году Москвитин Леонид Михайлович был репрессирован как враг народа и из мест заключения не вернулся.

Молчанов Николай Александрович — член-секретарь Пинчугской волостной земской управы, находившейся в 1918—1919 гг. в Богучанах, арестован в начале марта 1919 года отрядом Пайста и увезен в Апан, где и

был расстрелян. Поводом для ареста и последующего расстрела стало якобы тайное сообщение кого-то из крестьян о том, что Николай Александрович Молчанов усердствовал перед колчаковцами, составляя списки неблагонадежных, сочувствующих Советской власти крестьян и сообщал об этом в город Енисейск, в уездную управу и даже лично начальникам карательных отрядов.

Купец Носов Влас Тимофеевич жил и работал в деревне Березовой Неванской волости. В марте 1919 года был арестован бойцами отряда Яна Пепула и по пути следования в Нижнезаймский штаб был расстрелян, не доезжая до Тракт-Ужета в самой выемке у Семенова Брода.

Брат Власа Тимофеевича, Носов Дормидонт Тимофеевич, погиб от рук партизан еще раньше. В начале марта 1919 года, перед самым началом партизанского движения в районе Шиткино—Чуна, Дормидонт Носов вместе с богучанским купцом Григорием Андреевичем Каверзиным снарядили богатый обоз в 15 подвод со свежемороженой красной рыбой (стерлядь, осетр) для Канска. В партизанском понимании обоз предназначался для колчаковской буржуазии. Купцы выехали вперед, а их подводчики, из кондратьевских и березовских мужиков, ехали с грузом следом. На этот момент уже были организованы Тасеевские и отчасти Апанские партизанские отряды, а 2 марта 1919 года открылся и Шиткинский партизанский фронт. На Чуне, в деревне Малеево, под руководством Пайста и Строганова организовалась инициативная группа повстанцев из местных крестьян в поддержку Тасеевского, Апанского и Шиткинского фронтов. Когда обоз с рыбой пришел в Малеево, инициативная группа задержала обоз и конфисковала имеющийся товар в пользу повстанческой организации. Купцы, ожидавшие свой обоз в деревне Федино, вернулись, чтобы встретить и узнать, в чем дело. Они уже знали о том, что путь по Долго-

мостовскому тракту блокирован и товар до Канска не довести. Заподозрив в купцах колчаковских шпионов, из Федино за ними выехала группа партизан. Купцы были арестованы на перегоне Чунояр—Малеево и направлены в Апанский штаб, но, как это часто случалось, по дороге их расстреляли.

Летом 1919 года при отступлении от Тайшета вглубь тайги партизаны Егор Бирикульский и Михаил Горенский (Мишка Бек), находившиеся в отряде под командованием анархистствующего Января Кондратьева, предъявив обвинение «в шпионаже», а на самом деле с целью ограбления, убили мельника Портнова Ефима Матвеевича. Убийство было совершено на берегу реки Байроновка в районе переправы между Нижне-Гоголевским и Рыбинским переселенческими участками. Вот как сообщалось об этом убийстве в иркутской газете «Наше дело» № 137 от 12 июня 1919 года в статье «Зверства красных»: «...убит владелец мельницы Портнов, которого убийцы изрубили, отрезав ему сначала уши и нос».

Работавший в 1918 году лесничим в Бирюсинском лесничестве Подзоров Владимир Иванович в период гражданской войны не поддерживал красных партизан, а принимал сторону правительственных войск. В Иркутской газете «Власть Труда» от 27 июля 1920 года под заголовком «За что карает рабоче-крестьянская власть» опубликован список врагов народа, расстрелянных Иркутской Губернской Чрезвычайной Комиссией. Подзоров Владимир Иванович был в этом списке.

Рядовой крестьянин деревни Луговской Романенко Дмитрий на подпольном собрании, которое в марте 1919 года в деревне проводил Михаил Жичкин с целью набора добровольцев в партизанские отряды, выступал против «смуты» и вслух заявил: «Что до меня, так я никогда большевиком не был и не буду». Летом 1919 года, после поражения партизан и отступления их

вглубь тайги, Романенко Дмитрий поехал на мельницу в деревню Щетиновка и был застрелен в лесу скрывавшимися там партизанами. В тот период они скрывались вблизи деревень и переселенческих участков, из которых ушли в отряды.

Братья Селивановы: Петр Семенович, Иван Семенович и Иосиф Семенович были крестьянами деревни Ингашет, в которой после отступления базировался Серафимовский партизанский отряд, входивший в состав Шиткинского фронта. Один из братьев постоянно жил в Тайшете, но часто приезжал в деревню. Свободно ездили в Тайшет и два других брата, что было небезопасно для крестьян из деревень, занятых партизанами. Белогвардейцы Селивановых не трогали. Командование партизанского отряда, базировавшегося в Ингашете, подозревало братьев в предательстве и шпионаже, но, не имея тому доказательств, не трогало их. После прихода Красной армии все три брата Селивановых были арестованы и расстреляны.

Кемченский крестьянин Феськов Прохор Степанович был расстрелян осенью 1919 года по приговору военно-революционного трибунала за шпионаж в пользу врага. По версии партизан, Феськов, разъезжая по деревням с целью скупки хлеба, выведывал о партизанских силах, дислокации и их планах, а в последствии собранные сведения передавал белорумынам. Расстреляли Феськова Прохора Степановича в селе Шелаево во время волостного съезда.

Крестьянин переселенческого участка Глиный Фокин Герасим Тимофеевич расстрелян 17 ноября 1919 года в деревне Кондратьево по приговору военно-революционного трибунала Шиткинского фронта за выдачу белочехам лиц, содействовавших и сочувствующих партизанам. В приговоре трибунала от 16-20 ноября 1919 года сказано: «Герасима Фокина за выдачу чехам наших товарищей, как врага организации,

предать смерти через расстрел».

Сын казненного крестьянина Егор Фокин был мобилизован в партизаны в апреле 1919 года.

Джогинский зажиточный крестьянин Цедик повешен партизанами за то, что всегда с готовностью принимал у себя на постой белочехов и белорумын.

По неподтвержденным сведениям, байроновский сельский писарь Шелехов Григорий («Гришка хромой») и его жена, Татьяна Ивановна, выдавали партизан и их семьи. Решив с ними расправиться, партизаны тайком пробрались в деревню и ворвались в их дом. В момент нападения Григорию удалось вырваться, а Татьяну Ивановну Шелехову партизаны убили. Когда партизаны уехали, сбежавшийся народ увидел ее лежащей на полу в луже крови.

В газете «Наше дело» № 139 от 14 июня 1919 года об этом убийстве было сказано следующее: «В селе Байроновка староста, после уезда красных, куда-то скрылся, избрали нового, и писаря — тоже, вместо тяжело раненого Шелехова, жена которого убита красными».

Получеремховский крестьянин Шерстнев Иван Платонович, по имеющимся у партизан сведениям, указывал белочехам на односельчан, оказывающих содействие партизанам. Арестовав, партизаны вывезли его в Конторку и там казнили. Один из участников казни в беседе с А. Черневским рассказал, как это происходило: «С разрешения Бича ночью мы вывели его из каталажки и, взяв на штыки, утопили в проруби».

В обозначенный автором список погибших мирных жителей, не входивших в состав воинских подразделений действующих на территории, вошедшей в современные административные границы Тайшетского района, включена только та часть погибших, смерть которых была отражена в мемуарных источниках и средствах массовой

информации, имеющих в распоряжении автора. В действительности же жертв среди мирного населения было гораздо больше.

Долго еще в сознании той части жителей района, которая потеряла своих близких в зоне действия Шиткинского фронта периода 1919—1920 гг., будет тяжелый осадок от воспоминаний о том времени. На фоне этой скорби ярким лучом прорывается информация о «героическом прошлом» партизан Шиткинского фронта.

В настоящее время ведется активная работа по созданию в Тайшете мемориала, по-

священного памяти жертв политических репрессий. Осознавая тот факт, что сегодня на территории города и района живут потомки участников гражданской войны, разделявших идею как «красных», так и «белых», возьму на себя смелость сказать о том, что мирные граждане, погибшие в годы гражданской войны от рук красных партизан, являются первыми жертвами политических репрессий, достигших к середине тридцатых годов XX столетия невероятных форм и размаха.

БАЙКАЛЬСКАЯ
ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ СОБОЛИНОЙ

Елена Александровна Зоммер — известная и уважаемая байкальчанка. Великой скромности женщина, хотя обладает разносторонними талантами. Уроженка Ленинграда, внучка известного художника-графика Всеволода Воинова, с которым годы эвакуации она, будучи маленькой девочкой, провела в Алма-Ате. Там, в 1942 году, Сергей Эйзенштейн снимал кинокартину «Иван Грозный», а Воинов был у него художником по костюмам...

По образованию биолог, долгие годы посвятившая себя защите Байкала, изучению воды, работавшая вместе с мужем Эдуардом Александровичем Зоммером, профессиональным кино-фото-документалистом, в институте экологической токсикологии в Байкальске.

В творческом семейном тандеме сняли серию документальных фильмов об уникальной флоре и фауне Прибайкалья. Эти научно-популярные работы становились призерами международных кинофестивалей. Несмотря на возраст, Елена Александровна много работает и сегодня: ежегодно выезжает в Санкт-Петербург, где занимается классификацией наследия художника Воинова. Елена Александровна сочиняет стихи, издает книги. Одна из последних — «Маленький оазис большой науки», рассказывающая о деятельности института экотоксикологии и его директоре Альберте Бейме.

А сегодня мы представляем вашему вниманию отрывки из книги, посвященной 45-летию горнолыжного курорта в Байкальске. Благодаря краеведческой работе и вопреки мнению о том, что история курорта

начинается только в середине 90-х, Елена Александровна предоставила огромное количество документов, газетных вырезок, фотографий, повествующих о становлении горнолыжного спорта в Байкальске еще с начала 70-х годов XX века.

К сожалению, в 2016 году книга так и не была издана. Причина банальна — не нашлось средств, хотя горнолыжный спорт и курорт весьма дорогостоящее удовольствие и людей, желающих покататься на лыжах, к нам приезжает немало... Как обычно, сиюминутная выгода затмевает преимущества другого формата — истинную привязанность к родному дому, к людям, сделавшим для него так много за свой короткий человеческий срок.

Мне декабрь кажется маем

Перенесемся на шесть десятков лет во вторую половину двадцатого века, в 1961 год. Россия. Сибирь. Озеро Байкал. В южной части озера на территории Слюдянского района между реками Солзан и Осиновка началось строительство завода по производству белой целлюлозы, известного впоследствии как БЦБК — Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат. Вместе со строительством завода рос город, со всех концов страны приезжали новоселы, связавшие свою судьбу с новыми, доселе непознанными прекрасными местами. Таким путем образовался Байкальск, получивший

**Валерий Зверев
в 70-е годы**

через пять лет статус города.

Валерий Алексеевич Зверев, сын известного иркутского писателя Алексея Васильевича Зверева, окончив Иркутское художественное училище, однажды увидел в газете «Восточно-Сибирская правда» объявление о том, что Дому культуры в Байкальске требуется художник. Дипломированный живописец и молодой отец семейства уже через день был в новом городке. Изумительная природа — ширь Байкала, гряда гор

на горизонте, быстрые реки, разделяющие городок на три микрорайона — все это пленило художника, и он без колебаний принял решение обосноваться в Байкальске.

Будучи человеком разносторонних интересов, Валерий Зверев в первую же зиму в Байкальске убедился в прекрасных условиях для занятий лыжным спортом. Новоселы Байкальска уже проторили лыжные маршруты вдоль рек Солзана, Харлахты, у подножья гор и по льду озера. Но Зверева привлекала мысль о горных лыжах. Интересуясь спортом, он был в курсе развития горнолыжного движения в Европе. Начал присматриваться к ближайшим горным склонам на предмет строительства горнолыжной трассы. Первые пробные спуски Зверев осуществил в районе телевизионного ретранслятора на Южном. Уходил к телевизшке, вооружившись топориком. Вырубал понемногу кустарник, приминал снег, делал короткие спуски и снова рубил. Его усилия не остались незамеченными — начали подходить подростки, помогали расчищать трассу, сами пробовали кататься. Как человека, основательно берущегося за любое дело, Валерия Алексеевича место у ретранслятора не слишком устраивало, и только выйдя на простор Байкала, Зверев понял, где надо строить лыжную трассу. Приехавший к нему в гости, а затем и переехавший в Байкальск, друг по училищу Эдуард Возницкий тоже «заразился» этой идеей. На заре горнолыжного спорта в Байкальске первую тройцу энтузиастов представляли два художника — Валерий Зверев, Эдуард Возницкий и Николай Грязнов, работник ТЭЦ. Мечта начала превращаться в реальность.

Надо отдать должное руководству градообразующего предприятия — БЦБК и города. Эти структуры поддерживали начинание Зверева вполне реальными вложениями в дело создания трассы.

С 1971 года начался отсчет основания

горнолыжного парка в Байкальске. Постановление Байкальского горисполкома от 24 апреля 1971 года «О выделении земли под строительство горнолыжной трассы» и порубочный лист на расчистку первых трасс от 08.08. 1971 г., выданный Байкальским лесничеством, дали старт грандиозной стройке. С 1971 года Валерий Алексеевич буквально пропадал на горе Соболиной. Он и его друзья работали без оплаты на чистом энтузиазме.

В распоряжение Зверева было предоставлено оборудование согласно его чертежам — опоры подъемников, тросы, бугеля и т. д. Монтаж оборудования, эту очень трудоемкую работу удалось выполнить благодаря воинским подразделениям, дислоцировавшимся в то время в Байкальске.

В первое время на оснащении была только что прорубленная трасса, деревянные лыжи с окантовкой, деревянные палки, кожаные ботинки на шнуровке, обычные тренировочные костюмы и куртки. Это не смущало энтузиастов. Их лозунгом стало высказывание выдающегося французского горнолыжника 60-х годов Мишеля Кларе: «Лыжи, быть может, не являются счастьем, но вполне могут заменить его».

Вскоре в Байкальске была организована детская спортивная школа, Валерия Алексеевича назначили ее директором. К работе в этом качестве он приступил в 1973 году. В Москве закупили горные лыжи, палки, ботинки, костюмы. При этом Валерий Алексеевич исполнял не только директорские

обязанности, он был первым тренером байкальских ребятшек по горным лыжам. Не единожды летал в командировки за инвентарем для школы. Вскоре у перспективных ребят было по два комплекта оборудования. Ездил команда в Братск, Ангарск, Нижний Тагил, Минск, Белокуруху.

Продолжали совершенствовать трассу. Сооружение первого бугельного подъемника до 12-й отметки было осуществлено при содействии ремонтно-механического цеха БЦБК в 1974–1975 гг. Устанавливали подъемники. Валерий Алексеевич сам делал расчеты, чертежи, с ним сотрудничали коллеги: Николай Хлыбов, Валерий Катцин, Эдуард Возницкий, Николай Грязнов.

Каждый год участники неформального клуба собирались осенью или в самом начале зимы для прокладки новых трасс. Рубили, пилили, растаскивали остатки деревьев, расчищали склон от кустарников. Поднимали металлические трубы для опор. Были установлены подъемники на 500 и 750 метров.

Друзья - соперники на трассах (слева направо) - Андрей Константинов, Андрей Маликов, Дмитрий Темирбаев. Временами лидерство переходило от одного к другому, но это не омрачало их крепкой дружбы.

Карнавал 1984 г. Наиболее яркие, удачные или смешные костюмы тоже отмечались призами и подарками, а заканчивался карнавал импровизированным застольем складчиной и танцами прямо на снегу.

Из первого набора юных горнолыжников несколько человек избрали этот вид спорта своей профессией. Они получили специальное образование в Мончегорском техникуме физической культуры. Александр Куляшов, Анатолий Чигарев, Ольга Березина, Сергей Жилкин стали квалифицированными педагогами по физической культуре и спорту — новой в то время в России дисциплины «Горные лыжи».

После итоговых соревнований каждого сезона и торжественного награждения участников во вторую половину дня для ребят организовывались шуточные шоу, аттракционы. Например, на шести подвешивались привлекательные призы — шоколадные батончики, игрушки, конфеты, которые нужно было сорвать, проезжая мимо них. Были также соревнования на дальность прыжка с небольшого трамплина или про-

езд с одновременным попаданием в мишень. Это была и игра, и своего рода тренировка на точность движений. Например, проскочить без ошибки в обычный обруч хула-хуп, подвешенный в воротах, не так-то просто, если ты приближаешься к нему на скорости с горки. Спонсировали такие соревнования обычно из кассы любительского клуба. Закупали как для детей, так и для взрослых наградные кубки, медали, памятные подарки, грамоты.

Популярность горных лыж в Байкальске росла, как снежный ком, пущенный под гору. Этому способствовала и близость трасс — до горы можно было дойти за 45 минут практически из любых точек города, и ненавязчивая «пропаганда» этого вида спорта в разговорах, в местной и спортивной печати, и тот факт, что многим из байкальчан гора и происходящее на ней было

видно не только в непосредственной близости, но и просто из окон квартиры. Особо зрелищные акции приверженцы-энтузиасты горнолыжного спорта устраивали во время первомайских демонстраций. К этому времени заканчивался очередной сезон, соревнования закончены, итоги подведены, склоны почти очистились от снега, лыжи зачехлены... Но не все.

Сохранились фотографии, в которых праздничные колонны демонстрантов-спортсменов возглавляли «живые скульптуры». На одном из снимков на багажнике «Жигулей» в позе идущего по трассе горнолыжника в экипировке — на лыжах, с палками, в шлеме и очках ехал начинающий спортсмен. Машину осторожно вел ее хозяин — зачинатель горнолыжного движения на берегу Байкала Валерий Зверев (см. фото).

В другом случае маленького спортсмена в экипировке прямо на параллельных лыжах пронесли в колонне демонстрантов четверо участников, один из них, на переднем плане справа — это второй из первостроителей горнолыжных трасс Байкальска — Эдуард Возницкий.

Среди удостоившихся чести изобразить «живую скульптуру» был сын третьего байкальского энтузиаста, стоявшего у истока создания горнолыжки, — Николая Грязнова. Это был его средний сын Владимир.

Зверев работал с каждым из нас, ставил на лыжи, объяснял и показывал технику поворотов. У него была книга «Белые звезды Альп», М., 1972 г., которую он знал чуть

ли не наизусть, знал имена всех европейских мастеров горнолыжного спорта, восхищался ими, их техникой катания, их возможностями и испытывал стремление к достижению этого уровня.

Так почему же все-таки на горнолыжном склоне декабрь кажется маем? Это вполне объяснимо. Когда миновал этап «дрожащих коленок», когда ты научился ловить кайф от управляемого скольжения по установленной трассе или когда чувствуешь, что склон принадлежит тебе и можно наслаждаться катанием, не опасаясь непредсказуемого «чайника». В такие минуты ощущение счастья от свежести воздуха, белизны снега, скорости спуска, возможности выписывать виражи по произвольной траектории, возникает состояние эйфории, всплывает гениальная мелодия из фильма «Серенада солнечной долины»: Мне декабрь кажется маем, на снегу я вижу цветы...

Эйфория охватывает многих. Известен такой случай. Константин Громов, активный участник Клуба, уговорил своего друга, служившего на авиабазе в Белой, приобщиться к горным лыжам. Пилот приехал, облачился в экипировку, начал штурмовать склоны Соболиной. И уехал. А в праздничные выходные (мы как раз поднялись на шестую отметку) внезапно услышали нарастающий гул, который превратился в оглушающий, когда мы заметили над собой ржавый фюзеляж тренировочного СУ! Эта ракета, покачивая закрылками, пронеслась над нами, а затем совершила облет города,

мелькнув чуть ниже верхнего уровня заводских труб и вызвав в городе переполох. Своим «маневром» новоиспеченный фанат горных лыж поздравил байкальчан с праздником, заработав порицания военачальника.

А итоговые соревнования в конце сезона! Это всегда был праздник, во время которого мы узнавали, чего достигли за прошедшее время, кто чего «стоит». Дружно поздравляли друзей, занявших призовые места, а последовавший за этим карнавал уравнивал всех. Там не засекали время спуска, а дивились на выступления участников.

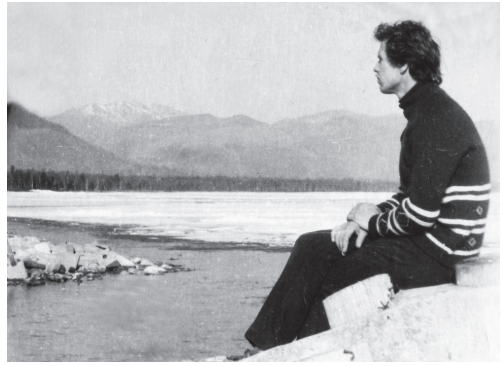
Символ названия нашего горнолыжного клуба — Белый чайник — был переходящим призом из сезона в сезон. На одном из фото чайник в руках у Валерия Зверева.

Карнавал 1984 г. Наиболее яркие, удачные или смешные костюмы тоже отмечались призами и подарками, а заканчивался карнавал импровизированным застольем — складчиной и танцами прямо на снегу.

Финал горнолыжного сезона — застолье и танцы у подножья «Соболиной».

Валерий Децик (на фото - слева) и Андрей Маликов демонстрируют лыжи марки ELAN.

*Валерий Алексеевич Зверев.
Фото в Порту Байкальска. Весна 1969 г.*

Время не пощадило часть фотографий восьмидесятых годов. Предлагаемое фото сохранило дух клубных праздников. Назовем, по возможности, участников этой живописной группы.

Слева с лыжами стоят Сергей Сергеевич Симонов и Вова Грязнов. У Вовы в руках две пары лыж — отцовы и свои. Правее стоит Людмила Катцина, за ней Николай Грязнов и Валерий Алексеевич Зверев — оба с наградными медалями. Они часто соперничали за призовые места. Несмотря на то, что Валерий Алексеевич превосходил Николая Федоровича в технике катанья, Грязнов силой воли и неумемной энергией иногда вырывал из рук лидера пальму первенства. Следом за Зверевым на фото Александр Кондратьев, он, как и двое его коллег в первом ряду (сидит президент клуба «Белый чайник» Владимир Ветров, рядом с ним возлежит Александр Пословин) — москвичи. Рядом с Кондратьевым — Валерий Катцин, частый призер соревнований. У него на груди тоже виднеется медаль. В центре группы — двое из Института экологической токсикологии — Наталья Середа с сыном (он сзади наставляет ей «рожки»), рядом с ней — Геннадий Бурин протягивает руку в сторону Риты Буриной (крайняя справа), рядом с Ритой — Володя Васильев. Впереди полулежит — Анна Петровна Зверева.

По рассказу Валерия Алексеевича, с Во-

Весна 1982 года. Разомлевшие на ярком солнце Елена, Валерий и Николай сделали паузу возле неперемного термоса.

лодей Васильевым однажды в марте был казус. Для марта характерны большие перепады дневных и ночных температур, поэтому с ночи на снегу держится корка прочного наста. Володя, будучи без лыж, оступился и провалился в наст, в результате чего получил перелом ноги.

В городе горнолыжников можно было сразу определить по загорелым физиономиям. Мартовское солнце поддурманивало всех, следующих вверх на подъемнике. А поднявшись ближе к солнцу, можно было подставить ему не только лицо, а принять «солнечную ванну», скинув часть одежды.

На фото: Владимир Родионов — счастливый обладатель японского двухкассетного магнитофона Sharp. Рядом с ним — еще один член клуба Сергей Пыстин. Магнитола из Японии привезла сестра Володи (крайняя слева) в те времена, когда об этом можно было только мечтать. Неудивительно, что эта суперновинка появилась на горе, ведь Соболиная всегда ассоциировалась с праздником.

Надо сказать, что Володя Родионов был, пожалуй, самым ярким представителем горнолыжной акробатики на Соболиной. Для него не было непроходимых мест, а иные он создавал себе сам — отыскивая бугры и трамплины для рискованного катания.

Стиль «могул» родился на неподготовленных трассах. Да и лента любой подготовленной трассы после интенсивного катания горнолыжников превращается в бугристую поверхность (mugl — на венском диалекте означает «небольшой холм»). Любители острых ощущений стремились освоить это пространство, свободное от робких «чайников», но доступное тем, кому «декабрь кажется маем».

Когда «бум» на Соболиной был в разгаре, имели место разные забавные (и не очень) ситуации. Например, у одного начинающего горнолыжника ДЮСШ не было подходящих ботинок. Ему подыскали «взрослые», в которых он поместился вместе с валенками. Радости не было предела! Пацан начал уютить гору, но в какой-то момент его ноги выскочили из импровизированной обуви, и ему в одних носках пришлось догонять и валенки, и ботинки, и лыжи. Это случилось в детстве с нашим талантливым спортсменом Андреем Маликовым.

Образ Владимира Родионова на фотографии с магнитофоном несколько не совпадает с тем, который нам запомнился. Кому-то удалось снять Володю в динамич-

Вид с первой очереди подъёмника на Байкальск.

Валентина Чигарева и Виктор Часовников радуются новой технике.

Держась за трос.

ном броске по склону, что вполне отражает забавное прозвище, которое бытовало в институтской женской группе: любуясь Володиными пассажирами, девчонки между собой ласково называли Родионова «наш кузнечик».

Первые упоминания о сноубординге пришли к нам из США в конце 80-х. К 1991 году как стиль заявил о себе джиббинг. Тогда он находился еще на самой начальной стадии развития. Если кто-то мог запрыгнуть на бревно длиной пару метров и проехать по нему, оставшись с зубами и без

падений, то он уже считался мастером новой дисциплины.

Забегая вперед скажем, что в те годы мы не слышали таких терминов как фристайл, могул, ски-кросс, слоупстайл, халф-пайп, не имели понятия о лыжной акробатике, хотя эти разновидности горнолыжного спорта охватили Европу еще в середине XX века. Даже сноуборд, появившийся на Соболиной в начале XXI века, был воспринят некоторыми приверженцами горных лыж весьма ревностно.

Праздники на Горе перемежались трудовыми буднями.

Провозглашенный клуб любителей горных лыж Байкальска (именуемый теперь «Соболь») в преддверии сезона через районную газету «Ленинское знамя» оповещал своих членов о предстоящих работах на горе Соболиной. Сохранился номер газеты, в котором правление клуба опубликовало список ответственных за работу на каждом участке трассы и схему работ.

Геодезист Дмитрий Мызников сфотографирован без привычного для него теодолита, потому что принимает участие в расчистке крутой трассы. Однако все вновь прокладываемые трассы на горе начинались с рекогносцировки местности с помощью этого точного прибора. Попал в Байкальск Дмитрий случайно. Глядя из окна поезда, идущего на Восток, он заметил гору с белыми среди хвойных деревьев лентами трасс. Повинуясь романтическому порыву, молодой человек вышел, а поезд проследовал дальше. Так Д. Мызников связал свою судьбу с Байкальском.

В районной газете «Ленинское знамя» в четверг 28 сентября 1989 года была помещена информация правления клуба «Соболь» о необходимости подготовки трасс к сезону 1989–1990 годов с конкретной разметкой участков, на которых предстояло работать членам клуба.

Колоритная парочка Баба Яга (Татьяна Луничкина) и Рокер-металлист (Николай Грязнов).

Радость на лицах Валентины Чigareвой и Виктора Часовникова вполне объяснима. На Соболиной появились новые бытовки, новая техника. Взгляд Юрия Борисовича Шуляка устремлен вдаль, к вершинам, которые теперь можно будет подготавливать по общепринятым нормам. Эпоха топтания склонов ботинками ушла в прошлое.

В этот период Генеральным директором Спорткомплекса был назначен Владимир Владимирович Ледащев, его помощником на горе «Соболиной» стал полноправный директор горнолыжной базы Ю. Б. Шуляк. Рачительный хозяин и талантливый организатор, Юрий Борисович выстроил работу коллектива в русле задач порученного ему дела. Весь персонал развивающегося горнолыжного курорта, независимо от занимаемой должности, был обязан владеть горными лыжами и знать всю информацию о трассах, необходимую для сведения отдыхающих.

Освоение горы «Соболиной» началось еще в далеком 1969 году. Энтузиасты горнолыжного спорта вручную прорубали трассы, устанавливали подъемники. Так развивался этот вид спорта в городе Байкальске.

Для развития современного туристического центра поворотным стал 1991 год,

На фото: так закончился парный прыжок с трамплина. Володя Родионов обращён в сторону приятеля, который не удержался на ногах.

когда появилась первая буксировочная канатная дорога БКД-1.

Вторая подобная дорога, снабженная сиденьями-дисками, появилась в 1994 году, на ней от среднего уровня горы можно было подняться до вершины.

В период с 1999 по 2003 годы взамен подъемников-компактов были смонтированы подъемники с двухместными бутелями барабанного типа.

Основные этапы развития горы

1994 год — появилась трасса «баунти», закуплены первые снегоуплотнительные машины «Онежец».

1995 год — открыта освещенная трасса.

1996 год — разработаны «восточный склон», «могул», склоны обучения.

1998 год — появилось здание, которое сейчас именуют «Главное», в нем находится бар «Экстрим» и кафе «Бистро», открылся пункт проката.

1999 год — разработана трасса «Гребень», в этот же период для подготовки склонов закупили современные немецкие ратраки.

2000 год — появился бар «Ski», этот год был знаменателен появлением электронной системы контроля доступа. До этого момента пропуск осуществлялся по билетной

Приятно получать заслуженные награды.

системе. Тогда стоимость дневного абонемента составляла 5 рублей.

2004 год — был построен административный корпус.

2005 год — построен сноуборд парк.

2006 год — установлена система искусственного оснежения (на фото внизу).

Система искусственного оснежения (три снеговые пушки фирмы LENKO) охватывает трассы: Пологая, Баунти, Слаломный, Объездная, Гребень, Могул, склон обучения.

Транспортный парк оснащен ратраками Pisten Billy.

С 2009 г. Байкальский Горнолыжный комплекс «Гора Соболиная» находится в ведении управляющей компании ООО «Гранд Байкал».

Задействована подвесная пассажирская канатная дорога (ППКД) Doppelmaug с трехместными креслами протяженностью 1,6 км. Пропускная способность — 1 411 чел./час. Продолжается работа по расширению трасс, увеличена зона искусственного оснежения, обустроен новый склон для катания детей, проведен текущий ремонт гостиничной инфраструктуры.

То, во что превратилась «Соболиная гора» сегодня, это 17 подготовленных горнолыжных трасс, 6 из которых сертифицированы, что позволяет проводить соревнования по зимним дисциплинам от

Сохранились фотографии, на которых праздничные колонны демонстрантов-спортсменов возглавляли живые скульптуры.

Юные горнолыжники. Спортивная школа второго набора.

регионального до международного уровня. Общая протяженность магистралей около 15 километров, наивысшая точка находится на 1 013 метров над уровнем моря. Длина трасс варьируется от 500 до 2 100 метров, максимальный перепад высоты — 500 метров. Проложены две линии для беговой лыжни, тубинговая трасса, бордеров ждет парк, оборудованный двумя трамплинами и фигурами для джиббинга. Для новичков — три склона для обучения, стоит отметить могульную линию, которая не обрабатывается ратраками, предназначенную для спортсменов с хорошей физической подготовкой.

Сезон 2004–2005 годов был последним для Валерия Алексеевича Зверева. Перенеся тяжелейшую операцию в мае 2004 года, несмотря на прогрессирующую болезнь, он появлялся на горе, которой отдал столько сил, ради дела, в которое вложил столько души, где испытал столько радости. Последний раз, уже истощенный, он нашел в себе силы завести свой Forestier и приехать на гору. Когда Валерий Алексеевич поднялся на подъемнике первый раз, мы разминулись. Его долго не было, и вдруг он опять появился на 6-й отметке. Мы пошли в сторону Баунти и сели на лавку возле киоска.

Это было 6 апреля 2005 года, день стоял теплый, солнечный, мы выпили чаю, Валерий собрался с силами и поднялся с лавки.

Случилось так, что ровно через год в этот день состоялся первый турнир юных горнолыжников за Кубок имени Зверева... А сейчас мой друг застегнул лыжи и приготовился к спуску.

Валерий Алексеевич, стоически преодолевая недуг, заставил себя в этот день дважды подняться и спуститься свободными дугами в своей отточенной манере...

Друзья, коллеги, ученики — все, кто пришел всего через три с половиной месяца отдать последний долг мастеру живописи, мастеру горнолыжной школы Байкальска, были единодушны в стремлении увековечить память о замечательном человеке Валерии Алексеевиче Звереве, который до конца оставался преданным рыцарем Горных Лыж.

ШЕЛЕХОВСКАЯ
ИСТОРИЯ

Материал подготовила
Татьяна Гурьяновна Михайлова,
библиограф отдела библиографии
и краеведения РМКУК «Шелеховская
межпоселенческая центральная
библиотека»

ПОКЛОННЫЕ КРЕСТЫ ШЕЛЕХОВСКОГО РАЙОНА

Путешествуя по России можно заметить множество больших деревянных крестов вдоль дорог, на въезде в города, да и просто на берегах и в полях нашей бескрайней Родины.

А задумывались ли вы когда-нибудь о том, кто и с какой целью их установил, и что они символизируют?

Такие кресты называют Поклонными, традиция их установки очень древняя и уходит своими корнями к временам становления христианства на Руси. Чаще всего такие кресты устанавливают на местах разрушенных храмов, в память о павших воинах, жертвах репрессий. У христиан принято, увидев Поклонный крест, наносить на себя крестное знамение и кланяться.

А теперь давайте вспомним, где можно встретить Поклонные кресты в нашем районе.

В селе Моты Поклонный крест установлен рядом с памятником погибшим жителям села во время войн, где находилась часовня, названная в честь Святого Благоверного Князя Александра Невского, построенная более века назад.

Следующий Поклонный крест расположен на утесе реки Иркут села Введенщина, в память обо всех десанниках ВДВ, погибших в разные годы войн и вооруженных конфликтов.

22 августа 2013 года был установлен Поклонный крест при въезде в поселок

Большой Луг. Шестиметровый крест из лственницы был изготовлен на пожертвования местных жителей и предпринимателей.

В сентябре 2013 года Поклонный крест был установлен и в селе Шаманка, на живописном лесном участке у пешеходного моста через реку Иркут рядом со зданием Свято-Софрониевского прихода.

26 сентября 2014 года в селе Олха был установлен Поклонный крест на вершине горы, как называют ее местные старожилы — Галанчая. Надпись на табличке говорит о том, что этот крест установлен в честь казаков — основателей села.

6 августа 2017 года был установлен еще один Поклонный крест в Подкаменной в честь дня рождения села. Его освятил настоятель Свято-Софрониевского храма села Шаманка отец Олег.

Поклонный крест на берегу Иркуты в селе Баклаши знаменателен благодаря уникальному крестному ходу по воде, это очень редкое и волнующее зрелище, когда служители и прихожане сплавляются в лодках и причаливают к берегу для совершения молебна.

Библиография:

- Очнева Елена. Возвращение к истокам // Шелех. вестн. — 2014. — 3 окт. — С. 28.
- Телегин. Н. Ради возвращения русского духа // Шаманские вести. — 2013. — 23 авг.
- История отряда продолжается / подг. Л. Филиппова // Шелех. вестн. — 2015. — 13 февр. — С. 28.
- Цымбал. А. ВДВ — 85 лет ! // Шелех. вестн. — 2015. - 31 июля. — С. 5.
- Гладкова. С. Н. Благославлен Союз неба, земли и людей // Шелех. вестн. — 2013. — 19 апр. — С. 29.
- Подарки в День села // Шелех. вестн. — 2017. — 11 авг. — С. 23.
- Установлен Поклонный крест / подг. Л. Филиппова // Шелех. вестн. — 2013. — 23 авг. — С. 27.
- Филиппова. Л. Казаки приехали // Шелех. вестн. — 2014. — 3 окт. — С. 28.

ИРКУТСКАЯ
ИСТОРИЯ

О. В. Борейко, Заведующая библиотекой
№ 4 им. Г. К. Сапронова

КНИЖНЫЙ ДОМ ИЗДАТЕЛЯ ГЕННАДИЯ САПРОНОВА

Долгое время друзья и единомышленники Г. К. Сапронова во главе с известным журналистом, писателем Арнольдом Харитоновым выступали с инициативой о присвоении библиотеке города имени издателя Геннадия Константиновича Сапронова.

Их инициатива была поддержана городской комиссией по топонимике, на основании решения Управления культуры г. Иркутска от 19 сентября 2014 г. муниципальной библиотеке № 4, находящейся в Октябрьском округе по адресу ул. Советская, 186, было присвоено имя издателя. В настоящее время в библиотеке собраны все книги, изданные Г. Сапроновым, большую часть которых передала в дар его семья.

10 октября 2014 г. состоялось долгожданное событие: библиотеке № 4 МБУК г. Иркутска «ЦБС» было торжественно присвоено имя Геннадия Сапронова. Как отметил директор Иркутского Академического драматического театра им. Н. П. Охлопкова Анатолий Стрельцов на сайте театра: «...10 октября в истории отечественной культуры произошло уникальное событие. Впервые в России библиотеке было присвоено имя издателя: в Иркутске появилась библиотека № 4 им. Геннадия Сапронова. Тем самым общественность выразила высокое и заслуженное признание вклада, который внес Геннадий Константинович в развитие книжного дела в России...»

Геннадий Сапронов прожил в Иркутске недолгую жизнь, но яркую и интересную. Он не прельщался выгодными предложе-

Сапронов Геннадий Константинович.

ниями сменить место жительства, считая, что «где родился, там и пригодился».

Когда он скоропостижно скончался 14 июля 2009 года, ему было всего 57 лет.

В 1991 году Геннадий Константинович организовал в Иркутске издательскую фирму «Офсет», а с 1999 года выпускал книги под маркой «Издатель Сапронов».

Под книжной маркой «Издатель Сапронов» выпущено более 100 названий книг. В большинстве своем это произведения выдающихся российских писателей, чье творчество отличают принципиальная нравственная позиция, верность высоким духовным традициям отечественной литературы. Издатель выпустил практически все произведения и письма Виктора Астафьева, полное собрание сочинений Валентина Распутина, критика Валентина Курбатова, Льва Аннинского и других.

В 2006 году Сапронов стал одним из инициаторов проведения Литературных вечеров «Этим летом в Иркутске». В. Г. Распутин отметил: «Он придумал проводить литературные вечера. Мечтал, что

Юные читатели библиотеки № 4 им. Геннадия Сапронова.

будет собирать самых лучших писателей, которые есть в России, а собрать — это значит издать, знакомить с ними читателей».

На литературных вечерах иркутяне познакомились с потомком Л. Н. Толстого, советником президента РФ по культуре и искусству, председателем совета при президенте РФ по русскому языку Владимиром Толстым; писателем, литературоведом В. Я. Курбатовым; известным литературным критиком И. П. Золотусским; литературоведом Л. Аннинским; кинорежиссером С. Мирошниченко; писателями и поэтами В. Костровым, А. Варламовым, М. Кураевым, Е. Водолазкинм.

За выпуск книг в серии «Литературные вечера «Этим летом в Иркутске» Геннадий Сапронов стал лауреатом конкурса Ассоциации книгоиздателей России в номинации «Лучшие издания классической художественной литературы».

Г. Сапронов был членом Ассоциации книгоиздателей России, Лауреатом Всероссийских конкурсов «Искусство книги», «Лучшие книги года», «Артиада народов России», «Издание, ставшее событием года», Всероссийской литературной премии «Александр Невский».

Литературный критик Лев Аннинский сказал: «Это действительно великий издатель, который вошел в список самых славных издателей России, где стоят имена Новикова, Сытина, Павленкова, и теперь там навсегда имя Геннадия Сапронова».

С присвоением библиотеке имени Г. Сапронова у нас появилось много друзей. Ведь все друзья издателя стали и нашими друзьями и помощниками. Мы всегда рады видеть их в стенах библиотеки.

Именно с их помощью появилась современная выставочная витрина в фойе, она привлекает внимание всех посетителей. Выставку оформил Заслуженный ху-

дожник России Сергей Элоян, который оформлял все книги, изданные Геннадием Сапроновым. Большую часть книг, а также Дипломы, фотографии, памятную медаль и статуэтки нам передала семья издателя: дочь Наталья Геннадьевна, вдова Елена Леонидовна.

Друзья Геннадия Сапронова помогли сделать яркую вывеску «Библиотека имени Геннадия Сапронова» на фасаде, увидев которую жители и гости города интересуются, а кто такой Сапронов? Какие книги он издавал? Сколько в Иркутске именных библиотек? Заметив такую заинтересованность, мы стали проводить беседы, обзоры, конкурсы, презентации и встречи. У коллектива возникла идея работать по программе «Сто книг и одна жизнь. Издатель Сапронов». И эта работа успешно реализуется.

Для информирования желающих узнать об издателе больше мы издали буклет «Жизнь на пользу Сибири. Издатель Сапронов», содержащий биографию издате-

ля, библиографию из 105 книг, список использованной литературы.

В ноябре 2014 г. на сайте Централизованной библиотечной системы г. Иркутска (www.cbs.irkipedia.ru) мы поместили виртуальную книжную выставку книг, изданных Сапроновым, «Книжный Страдивари». С нею мы приняли участие в конкурсе профессионального мастерства ЦБС «Библиотека в электронном формате». Заняли 3 место в номинации «Лучшая виртуальная выставка на сайте ЦБС «Книжный Страдивари».

В начале 2015 года мы объявили о творческом конкурсе «Моя любимая книга в новом формате», посвященном 63-летию со дня рождения Геннадия Сапронова, и мае 2015 г. состоялось подведение итогов. Участниками стали дети от 6 до 14 лет. Результат конкурса превзошел все ожидания, участники оказались талантливыми издателями своих книг. С призовым фондом помогли Сапронова Н. Г. и администрация ЦБС г. Иркутска.

Беседа у выставки «Сто книг и одна жизнь. Издатель Сапронов».

Заведующая библиотекой № 4 им. Г. К. Сапронова - Борейко Ольга Викторовна.

В марте 2015 г. библиотеку посетил известный кинорежиссер Сергей Валентинович Мирошниченко, автор фильма «Река жизни», который порадовался, что в Иркутске есть библиотека имени Г. Сапронова.

В рамках Литературных вечеров «Этим летом в Иркутске» в июне 2015 г. мы встречали известного литературного критика, писателя В. Я. Курбатова. В этот же день презентовали сборник публицистических очерков «По Ангаре...» — последней прижизненной работе о поездке по Ангаре В. Г. Распутина, Г. К. Сапронова. Участником поездки был В. Я. Курбатов. Сборник содержит материалы Г. Афанасьевой-Медведевой, Н. Дроздова и других. Книга издана дочерью Сапронова Натальей Геннадьевной при поддержке Министерства культуры и архивов Иркутской области.

В 2015 г. участвовали в городском конкурсе «Миллион на добрые дела» в номинации «Наследие г. Иркутска» с программой «Сто книг и одна жизнь. Издатель Сапронов», на котором заняли почетное 2 место.

В этом же году составили и издали каталог книг, изданных Г. К. Сапроновым, «Книга жизни и жизнь книги», состоящий из биографии издателя, вступительной статьи известного писателя, журналиста А. И. Харитонova «Человек редкого дарования», библиографического описания 100 книг, перечня наград издателя. Коллекция книг, изданных Г. К. Сапроновым, вошла в состав Редкого фонда Централизованной библиотечной системы г. Иркутска.

С каждым годом количество желающих выступить перед читателями библиотеки увеличивается. И мы с радостью эти

15.06.2017. Литературный квартал. Ольга Борейко представляет библиотеку.

2018 г. Писатель из Красноярского края Тарковский М. А.

встречи организовываем. В 2016 году, в Год кино, наши читатели встретились с Заслуженным деятелем искусств РСФСР, Лауреатом Государственной премии РФ Е. А. Корзун, в прошлом кинооператором Восточно-Сибирской студии кинохроники.

В 2017 г., в 65 годовщину со дня рождения Г. К. Сапронова, на день памяти «Человек, которого помнят» собрались друзья, родные Г. Сапронова, читатели библиотеки. Все делились своими воспоминаниями, посмотрели фильм С. Мирошниченко «Река жизни».

К большому сожалению, в 2017 году в последний раз проходили Литературные вечера «Этим летом в Иркутске», и мы встречали в библиотеке именитых гостей: литературного критика, писателя В. Я. Курбатова, писателей М. Н. Кураева, П. Я. Фокина, которые оставили свои автографы в «Книге почетных гостей» и встретились с читателями библиотеки. Состоялся интересный разговор о литературе, печальной ноткой стали воспоминания о Г. Сапронове и В. Распутине, главных организаторах и вдохновителях Литературных вечеров.

В декабре 2017 г. из редакции «Российской газеты» с вечера памяти Геннадия Сапронова нам отправили репродукции 10 книжных обложек, оформленных художником Сергеем Элояном. После выставки репродукций у себя мы осознали, что ограничивать экспозицию стенами одной библиотеки нельзя и, заручившись поддержкой директора ЦБС г. Иркутска Н. А. Кустовой, решили в течение 2018 г. устроить передвижную выставку в 11 крупнейших библиотеках системы, чтобы охватить все районы города. Важно, что книги для выставки каждая библиотека предоставляет из своего фонда, «переезжают» только репродукции и дополнительные материалы. По отзывам коллег, после просмотра выставки возник и интерес к кни-

гам, изданным Г. Сапроновым, их берут для чтения, просматривают в библиотеке. Все эти книги доступны для читателей.

3 июня 2017 г. на День города в Литературном квартале выставку репродукций и книг смогли увидеть многие иркутяне. В этот день рассказывали об издателе, его книгах, раздали 35 буклетов о библиотеке.

Наш фонд пополнился книгами после встреч писателей, поэтов с читателями, когда они дарят свои книги, оставляя на память автограф.

Особенно много книг с дарственными надписями подарили после присвоения в 2014 г. библиотеке имени Геннадия Сапронова. Эти книги вошли в изданный нами каталог книг с автографами известных писателей, поэтов, и общественных деятелей «У бескорыстия есть имена», который насчитывает 116 названий.

Каждый именитый гость библиотеки может оставить свои пожелания коллективу и читателям в «Книге почетных гостей».

Валентин Курбатов написал 20 июня 2015 г.:

«Господи! Как грустно, что друзья расходятся по мемориальным доскам, именам улиц, названиям пароходов (как Астафьев и Конецкий), но и какое счастье, что они остаются этими улицами, кораблями, библиотеками, как вот эта — Генина. Бог помощь Вам, друзья мои! Спасибо и спасибо — Генин автор Ваш Курбатов 20.06.2015».

За время работы по программе «Сто книг и одна жизнь. Издатель Сапронов» нами сделано немало замечательных открытий. Мы убедились, что земная жизнь Геннадия Константиновича гораздо дольше, чем у всех нас, так как его наследие — книги, которые он издал — будет жить века. Будет стоять библиотека, названная его именем. Будет жить человек с воображением — это всегда тот, кто любит читать книги. А значит, и наша работа будет продолжаться.

УДК
ББК
ISBN

КРАЕВЕД ПРИАНГАРЬЯ

Журнал краеведов Приангарья

Редактор-составитель

С. Гольдфарб

Редакционная коллегия:

Н. П. Николаев

(председатель)

С. Гольдфарб

(заместитель председателя)

А. Петров

(ответственный секретарь)

А. Елизарьев

В. Шахеров

М. Сенчурина

Дизайн *Ольга Чичварина*

Верстка *Алла Овчинникова*

Корректор *Анна Асеева*

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1»
664047, г. Иркутск, ул. А. Невского, 99/2.
Тел. (3952) 540-940.